

КНИГА ДРУИДОВ

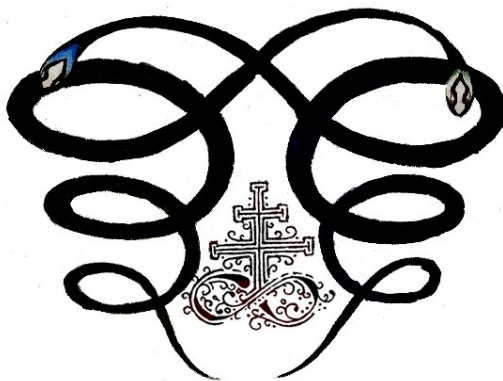


АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

УДК 2
ББК 86 31
К 53

Автор- с оставитель
А- А. Галат

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнерь»*



ISBN 978-5-367-01805-9 (А-фора)
ISBN 978-3-88812-441-3 (РХГА)

© ЗАО ТИД «Амфора». 2011
© Русская Христианская
Гуманитарная Академия. 2011

Возвращение сказки

Немало уже веков прошло с тех пор, как исчезли из нашего мира последние друиды. Однако — вот парадокс — в последние десятилетия интерес к этим древним магам неуклонно растет, а их влияние на человеческую культуру, причем в общемировом масштабе, непрерывно усиливается. Может быть, и в самом деле почти забытое волшебство не кануло в прошлое, но лишь на некоторое время ушло в тень, скрылось от недоброжелательного внимания где-то в заповедных лесах или областях нашего подсознания, ожидая удобного случая для возвращения?

И, похоже, эти ожидания были не напрасны: ведь сейчас мы живем в миру возрождающегося друидизма. Трудно выразиться иначе, когда самыми популярными детскими книгами, выходящими на всех языках многомиллионными тиражами, стали книги, написанные английской писательницей Дж. К. Роулинг о юном маге Гарри Поттере, обучающемся в школе волшебников. Даже при беглом знакомстве с сюжетом и героями этой книжной серии (или снятых по ее мотивам фильмов) становится очевидно, что это книги о друидах, об их образе жизни, взглядах, системе образования — они насквозь пропитаны друидизмом! То же самое можно сказать об одной из самых знаменитых книг XX столетия (и, опять-

таки, о снятой по ее мотивам киноэпопее) — «Властелине колец» Дж. Р. Толкиена: среди ее главных героев особенно выделяются фигуры волшебников Гэндальфа и Сарумана — величественных бородатых старцев в развевающихся белых одеждах, с магическими посохами в руках, которые словно сошли со страниц древних сказаний о друидах... Я не творю уже о многочисленных книгах и экранизациях, посвященных королю Артуру и рыцарям Круглого стола, немислимых без Мерлина — одного из последних великих друидов. Или вспомним, к примеру, об Астериксе и Обеликсе — героях галльской эпопеи, возрожденных в комиксах и кинокомедиях, в центре сюжета которых «чудесный напиток», приготавливаемый друидом Панорамиксом — эликсир, дарующий невероятную силу и бессмертие, позволяющий кельтам-галлам противостоять многочисленным врагам: римским легионерам, И ш рамам - викингам и т. д. А весь жанр фэнтези, повоенный на волшебстве и магии именно друидической традиции?.. А современные барды? (Забегая вперед: настоящие исторические барды, игравшие важнейшую роль в кельтском обществе, входили в одну из каст друидов.) Упомянем, для примера, нашего соотечественника Бориса Гребенщикова, не только органично использующего кельтское наследие в своем творчестве, но и активно пропагандирующего кельтскую музыку, поэзию и в целом культуру, базирующуюся на друидизме¹. Напоследок стоит указать и на чрезвычайную популярность всевозможных игр (ролевых или же компьютерных), построенных на реконструированных друидических ритуалах.

¹ См.: Гребенщиков Б. *Аэрогат: Течения и Земли*. СПб.: Амфора. 2008. К слову сказать, та роль, которую сыграл и продолжает играть в новейшей российской истории Б. Б. Гребенщиков, позволяет отнести его не просто к бардам, но даже к фэгидам (см. следующий раздел).

Только крайне недалекий человек скажет, что сказки и художественное творчество не способны оказать серьезного влияния на жизнь. Все мы были детьми, и практически все мы познавали мир и человеческую культуру, формировались как личности, в первую очередь, благодаря тем сказкам, которые нам рассказывали, показывали по телевизору, которые чуть позже мы самостоятельно читали и на которые ходили в кино. И вот сейчас вся мировая цивилизация постепенно переходит в руки повзрослевших детей, с рождения воспитанных на наследии вроде бы давно забытой, но нигде не исчезнувшей кельтской культуры, основанной на мифах о друидах и героях (как мы увидим далее, друиды не случайно стоят здесь на первом месте).

Человек не может существовать вне мифов — мифологическое сознание присуще самой его природе. И, как писал А. Ф. Лосев, «нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть... наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но — *наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это — совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола. Заметим, что для науки... ее собственные категории отнюдь не в такой мере реальны, как реальны для мифического сознания его собственные категории*»¹.

Плохо это или хорошо — не нам судить, но факт остается фактом: сегодня именно кельтские мифы, основанные на друидизме, обретают все большую реальность, пронизывают общечеловеческую культуру, заполняя собой зияющие бреши в духовном мире человека. И все-таки насколько близок

¹ Лосев А. Ф. *Диалектика мифа*. М.: Правда, 1990. С. 7.

к реальным друидам прошлого, насколько исторически оправдан этот набирающий все большую силу миф? Какими на самом деле были, в каком мире жили и почему исчезли те, кого мы сегодня называем собирательным и, вообще-то, не вполне корректным именем «друиды»? И какими они не были? Может быть, несколько преждевременно и неуместно говорить о «возрождении друидизма», и фактически мы наблюдаем возникновение какого-то нового мифа, пусть даже использующего кельтское наследие, но весьма далекого от исторических реалий? Попробуем найти ответы, опираясь на доступные нам сегодня источники — в первую очередь, на сохранившиеся предания кельтских народов, на сочинения античных и средневековых авторов, на исследования современных кельтологов и, конечно же, на археологические находки, с каждым годом проливающие все больше света на тайны прошлого.

Есть еще ряд более частных, но не менее интересных вопросов, на которые мы постараемся ответить в этой книге. Например: действительно ли друиды совершали человеческие жертвоприношения? Какие магические практики использовали друиды и что, собственно, такое «магия»? Были ли друиды шаманами? В каких отношениях они были с кельтскими богами — выполняли ли они роль их жрецов? Много ли общего между друидами и славянскими волхвами? Существовали ли женщины-друиды и какова была их роль в кельтском обществе? Знали ли друиды письменность? Как взаимодействовали друиды и первые христианские миссионеры? Кто такие неодруиды? Возможно, не на все вопросы мы сможем найти однозначные и убедительные ответы, но будем надеяться, что наши исследования принесут немало неожиданных открытий, приблизив нас к пониманию мира могучих и мудрых друидов.

Друиды — хранители знаний и блюстители традиций

Знакомство с друидами и друидизмом начнем с рассказа о крупнейшей «варварской» цивилизации, распространившейся перед самым началом нашей эры на добрые три четверти Европы, — речь идет, разумеется, о кельтах и их мире. Это необычное даже для своего времени объединение племен было, с одной стороны, по структуре обществом с общинно-родовым строем, не имеющим централизованной власти, с другой — своеобразной империей, но не политической, а культурной — языковой, художественной, религиозной (хотя, при необходимости, политическое единство и согласованность действий легко достигались).

Одним из первых авторов, упоминавших о кельтах, был Гекатей Милетский (ок. 546—480 гг. до н. э.). в своем «Землеописании» он сообщает об основании греческой торговой колонии в Массилии¹, находившейся на территории лигуров по соседству с кельтскими землями. Другой грек, философ Эфор (ок. 405—330 гг. до н. э.), причисляет кельтов к четырем «великим варварским народам» (наряду с персами, скифами и ливийцами).

¹ Современный Марсель. Массалия на греческом, Massilia или Maasalia на латинском.

В FV в. до н. э. уроженец вышеупомянутой Массилийской колонии, ученый и путешественник Пифей Массалиот, в поисках легендарного острова Туле, населенного гиперборейцами, достиг британского побережья и обогнул острова. В своем труде «Об океанах» Пифей рассказывает множество полезных о северных островах, и хотя, к сожалению, данный труд утерян, но на него ссылаются такие авторитетнейшие античные авторы, как Плиний Старший и Страбон. Говорит о Кельтике в своих трудах и Аристотель. Многие античные авторы ссылаются на труды Посидония (II—I вв. до н. э.) — древнегреческого философа, историка, географа и астронома, описавшего обычаи, знания и культуру кельтов - галлов. Общие сведения о галлах можно найти у Гая Юлия Цезаря в его «Записках о Галльской войне», созданных примерно в 58—55 гг. до н. э. В частности, о географии расселения галлов Цезарь сообщает следующее:

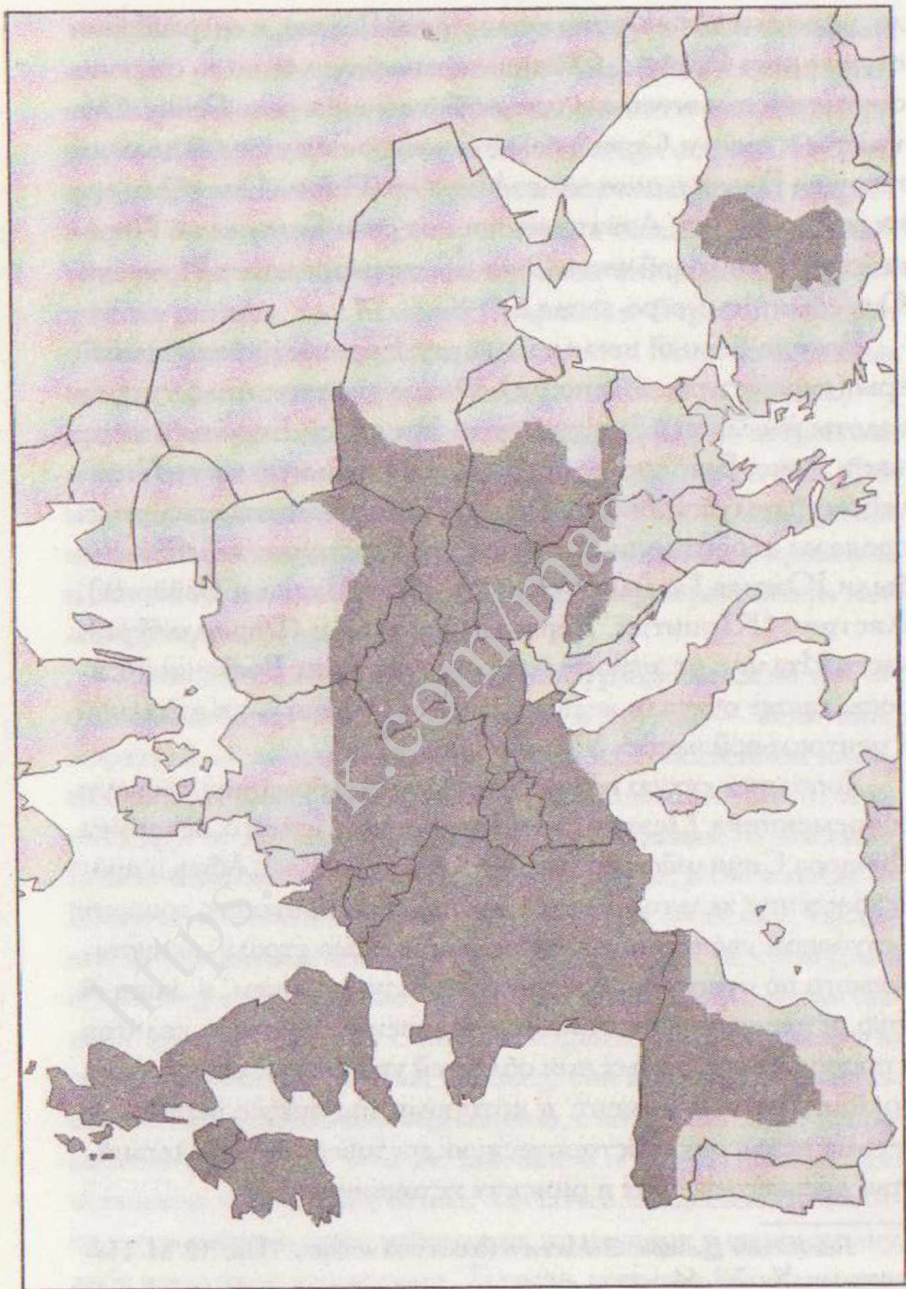
« Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут бельги, в другой — аквитаны, в третьей — те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем — галлами. Все они отличаются друг от друга особым языком, учреждениями и законами. Галлов отделяет от аквитанов река Гарумна, а от бельгов — Матрона и Секвана. Самые храбрые из них — белый, так как они живут дальше всех других от Провинции с ее культурной и просвещенной жизнью; кроме того, у них крайне редко бывают купцы, особенно с такими вещами, которые влекут за собою изнеженность духа; наконец, они живут в ближайшем соседстве с зарейнскими германцами, с которыми ведут непрерывные войны. По этой же причине и гельветы превосходят остальных галлов храбростью: они почти ежедневно сражаются с германцами либо отбивая их вторжения в свою страну, либо воюя на их территории. Та часть, которую, как мы сказа-

ли, занимают галлы, начинается у реки Родана, и ее границами служат река Гарумна, Океан и страна бельгов; но со стороны секванов и гельветов она примыкает также к реке Рейну. Она тянется к северу. Страна бельгов начинается у самой дальней границы Галлии и доходит до Нижнего Рейна. Она обращена на северо-восток. Аквитания идет от реки Гарумны до Пиренейских гор и до той части Океана, которая омывает Испанию. Она лежит на северо-запад...»¹

Бросив беглый взгляд на карту Европы рубежа нашей эры (первые века до и после), можно увидеть, что в ту пору кельты населяли большую часть Западной Европы и даже часть Азии: Британские острова, значительную часть Пиренейского полуострова; кельтская Галлия выходила далеко за пределы территории современной Франции, кельтскими были Южная Германия (Вюртемберг, Баден и Бавария), Австрия (Каринтия, Верхняя Австрия и Форарльберг), часть Италии; на значительных территориях Восточной Европы также обитали кельты, как и в Галатии — в западной и центральной частях Малой Азии.

Дополним сухую географическую информацию словами современника Цезаря, знаменитого античного историка Диодора Сицилийского (ок. 90—30 гг. до н. э.). Миф о происхождении кельтов-галлов, который он приводит, говорит о глубоком уважении с заметной примесью страха, испытываемого по отношению к этому народу; впрочем, и данный миф, и последующее описание жизненного уклада кельтов и природы населяемых ими областей указывают еще на один крайне важный момент, к которому мы позже вернемся: весьма невысокую историческую достоверность большинства древнегреческих и римских источников.

¹ *Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне* / Пер. М. М. Покровского. Кн. VI, 14.



«Кельтская империя» на рубеже нашей эры

«Итак, в древности в Кельтике царствовал, как говорят, выдающийся муж, у которого была дочь сверхъестественного роста, значительно превосходившая всех красотой. Возгордившись из-за своей телесной силы и восхитительной красоты, девушка отказывала всем, кто сватался к ней, полагая, что никто из [женихов] не достоин ее. Но когда во время похода против Гериона Геракл прибыл в Кельтику и основал там город Алезию, она увидела Геракла, пришла в восторг от его доблести и телесной силы и с величайшей охотой сочеталась с ним, на что согласились и ее родители. От связи с Гераклом она родила сына Галата, который значительно превосходил своих соплеменников и душевной доблестью и телесной силой. Возмужав и унаследовав принадлежавшую его предкам власть, Галат овладел многими сопредельными землями и совершил великие военные подвиги. Прославившись своей доблестью, он назвал подданных от своего имени галлами, а от них и вся страна стала называться Галлией. <...> Галлию населяет множество племен различной численности, самые большие из которых насчитывают почти двести тысяч человек, а самые малые — пятьдесят тысяч... Большая часть страны расположена на севере и отличается суровым и необычайно холодным климатом»¹.

Суровы и сами галлы, вот как описывает их историк:

«Роста галлы очень высокого, тела у них нежные и белые, а волосы русые от природы, причем этот естественный цвет они стараются усилить еще более с помощью искусственных средств. Поэтому галлы очень часто моют волосы известковым раствором и зачесывают их ото лба к макушке и шее, напоминая таким образом видом своим сати́ров

¹ Диодор Сицилийский. *Историческая библиотека* / Пср. О. П. Цыбенко. Кн. V, 27—32. СПб., 2005.

и панов. Благодаря такому уходу волосы у них становятся толстыми, ничем не отличаясь от конской гривы. Бороду некоторые бреют, а некоторые оставляют ее расти до определенной величины. Знатные мужчины выбривают щеки, а усы оставляют, чтобы те закрывали губы, так что во время еды кусочки пищи застревают в усах, когда же они пьют, напиток словно процеживается через сито... <...> Внешность у галлов устрашающая, голос — громкий и очень грубый, в речах же они немногословны и иносказательны [и часто высказываются иносказательными намеками], зачастую прибегают к преувеличениям, чтобы возвысить самих себя, а других — унизить, привыкли угрожать, бахвалиться и превозносить самих себя, однако умом остры и к обучению склонны»¹.

В путешествиях и сражениях, по словам Диодора, галлы пользуются двуконными повозками с возничим и бойцом. Приблизившись к вражеским всадникам, «...они поражают противника копьями, а затем, сойдя с колесницы, продолжают сражаться мечами. Некоторые из них презирают смерть настолько, что устремляются навстречу опасностям обнаженными, в одном только поясе... Выстроившись к бою, галлы имеют обыкновение выходить перед строем и вызывать храб(о)ейших из противников на поединок, потрясая оружием и устрашая врагов. Если же кто примет вызов, они принимаются превозносить подвиги предков и восхвалять собственную доблесть, тогда как противника оскорбляют, унижают и словами своими лишают его душевной отваги. Убитым врагам они отрубают головы и вешают их на шеи своих коней, а окровавленные доспехи врагов передают слугам и увозят военную добычу, распевая боевые песни и по-

¹ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. V, 27—32.

бедный гимн. Лучшую часть добычи они прибивают к стене своего дома, как бывает поступают с добычей охотники. Головы наиболее выдающихся из врагов они бальзамируют кедровым маслом и бережно хранят в ларцах, показывая затем гостям и похваляясь тем, что или кто-то из предков, или их отцы, или сами они не приняли предлагаемого за ту или иную голову выкупа...»¹

Галльские женщины выведены не менее устрашающими, они «...не только почти равны мужчинам ростом, но и могут соперничать с ними в силе». Дети же галлов обычно «седы от рождения, однако с возрастом цвет их волос меняется, становясь таким, как у отцов». Наиболее дикие галлы обитают на севере, а также в землях, соседних со Скифией, причем, как пишет далее Диодор: «...даже говорят, что там питаются человечесиной, как и те британцы, которые населяют так называемый Ирис²<...> Издревле галлы отличались страстью к разбою, вторгаясь в чужие страны и относясь ко всем с презрением. Так, они захватили Рим, разграбили Дельфийское святилище, наложили дань на значительную часть Европы и немалую часть Азии и, поселившись в стране покоренного народа, по причине смешения с эллинами стали называться эллиногалатами, а в последние времена они разг[^]юмили мощные и многочисленные войска римлян. Из-за присущей им дикости галлы крайне нечестивы и в своих жертвоприношениях: продержав злодеев в заключении в течение пяти лет, галлы подвергают их мучениям в честь богов и приносят в жертву наряду с многими другими „начаткамисоорудив огромные костры. Приносят в жертву богам и пленников. Некоторые из галлов убивают не только людей, но и захва-

¹ Диодор Сицилийский. *Историческая библиотека*. Кн. V, 27—32.

² Ирландия.

ченных на войне животных или сжигают их, или уничтожают, подвергая другим мучениям»¹.

Углубляясь в описание уклада жизни галлов, Диодор описывает все более странные вещи (хотя и не столь уж необычные для нравов той эпохи):

«Имея женщин прекрасной наружности, галлы уделяют им мало внимания, будучи сверх меры одержимы безумной страстью к мужским объятиям: в обыкновении у них спать прямо на земле на звериных шкурах, перекатываясь вместе с возлюбленными, которые находятся и с той и с другой стороны. Самое же удивительное из всего то, что, не заботясь о благопристойности, они легко отдают другим прелесть своего тела, отнюдь не считая это позорным, но более того: бесчестным считают того, кто, будучи желанным, не принимает предлагаемого дара»².

В словах Диодора легко ощутить неприязнь к могучим «варварам», неприятие всего их образа жизни и, как это часто происходит в подобных случаях, незнание и нежелание понять глубинные основы жизни инородцев.

Что же объединяло племена на огромной, без преувеличения, территории? Как мы увидим далее, кельты могли быть единым народом лишь благодаря удивительной общности важнейших аспектов культуры — языка, искусства, религии, хранителями которых были представители жреческого класса — друиды.

Термин «друид» (*druides, druidae; druides*) латинского происхождения, впервые его использует Гай Юлий Цезарь в своих «Записках о Галльской войне», описывая кельтское жречество.

¹ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. V. 2.

² Там же. Кн. V, 7.

Самая первая и наиболее популярная трактовка этого термина восходит к греческому *βρυχ*; (дерево) и основана на сакральном значении дуба для кельтов, о чем подробно говорит Плиний:

«Не должно забывать среди всего этого о том, что глубоко почитают галлы. У друидов, ибо именно так зовутся их маги, нет ничего более священного, чем омела и дерево, на котором она растет, причем считается, что она всегда растет на дубе. Только лишь по этой причине они избирают дубовые леса и не совершают никакого обряда без листвы этого дерева, так что вполне возможно, что сами друиды взяли свое имя от его греческого названия. Они, в самом деле, считают, что все, что произрастает на дубе, послано небом и означает, что это дерево было выбрано самим богом...»¹

Согласно данной трактовке, друиды являлись жрецами, отправлявшими культ дубов и других деревьев, в некоторых источниках друидов даже определяют как «древоведов», существенно ограничивая и искажая, как будет показано далее, их истинную роль и значение в кельтском обществе.

Другая, более полная, трактовка термина «друид» основывается на его индоевропейском происхождении. Как пишет Ф. Деру: «галльская форма *druides* (в единственном числе *druidis*), которую употребляет Цезарь на протяжении всего текста „Галльских войн“⁴⁴, так же как и ирландское *druid*, восходят к единому прототипу *dru-wid-es*, „весьма ученые“⁴⁴, содержащему тот же корень, что и латинский глагол *videre*, „видеть“⁴⁴, готский *wit an*, германский *wissen*, „знать“⁴⁴. Точно так же не составляет никакого труда обнаружить характерную для

¹ Цит. по: *Леру Ф. Друиды* / Пер. С. О. Цветковой. СПб.: Евразия, 2000. С. 83-84.

кельтского языка омонимичность слов, обозначающих „науку“⁴⁴ и „лес“ (галльское *vidu-*), в то время как нет никакой реальной возможности связать наименование „друидов* с названием „дуба“ (галльское *dervo-*; ирландское *da ig*; валлийское *derw*; бретонское *derv*)»¹. На основании лингвистических исследований (наряду с буквальным истолкованием корня *uid — существует другая — символическая — интерпретация, основанная на омонимии *uid — «знание» и *uid — «дерево» (и/эл. *fid*, *валлийск. gwydd*, *бретонск. gwez*) Леру также приходит к выводу, что важнейшее значение заключено в этимологии «*dru-uid-es*», т. е. «ученейшие», причем науку в данном случае следует понимать как мудрость, священную науку и познание природы.

Сопоставив эти две взаимодополняющие этимологии, вспомнив и о русских словах «дерево» и «видеть-ведать», восходящих к общим индоевропейским корням, можно заключить, что друиды были не просто отправителями культа, они — обладатели знаний, мудрости и силы, а также хранители и толкователи связанных с этими знаниями традиций. Поклонение деревьям в данном случае тоже не случайно: дерево у всех индоевропейских народов наделялось многочисленными сакральными смыслами («Мировое Дерево» и т. д.). То есть «друид» — это не просто «древовед», а «Ведающий (знающий) Дерево».

Согласно кельтским сказаниям, сохранившимся до наших дней в том или ином виде в основном в Ирландии и на севере Англии, друиды — выходцы с «Островов на Севере Мира», изначального места пребывания кельтского клана богов Туата Де Данаан (отметим, что именно боги учились у друидов, а не наоборот — к этому интереснейшему аспекту друидизма мы еще вернемся):

¹ Леру Ф. *Друиды*. С. 84—85.

«На Островах на Севере Мира были Племена Богини Дану и постигали там премудрость, магию, знание друидов, чары и прочие тайны, откуда не превзошли искусных людей со всего света.

В четырех городах постигали они премудрость, тайное знание и дьявольское ремесло — Фалиасе и Гориасе, Муриасе и Финдиасе... Четыре друида были в тех четырех городах: Морфее в Фалиасе, Эсрас в Гориасе, Мгкиас в Финдиасе, Семиас в Муриасе. У этих четырех поэтов и постигли Племена Богини премудрость и знание»¹.

Главное святилище друидов располагалось на британском острове Мона (остров Англси в Северном Уэльсе), который в легендах упоминается как «остров могущества», куда, по свидетельству Цезаря, съезжались друиды со всей Галлии и, вероятно, со всего кельтского мира для изучения друидической науки, принятия общих решений, а также для поддержания и развития традиции.

Очевидно, что друиды лишь отчасти могли походить на современных священнослужителей известных конфессий: являясь интеллектуальной и духовной элитой кельтского общества, они обладали властью, во всех смыслах превышающей королевскую. Из ирландского эпоса «Опьянение уладов» мы узнаем, например, о том, что король не мог говорить раньше друида. Это и не удивительно, ведь король фактически выбирался кланом друидов: во время «праздника быка» жрец, выпив похлебки, сваренной из мяса белого быка, заворачивался в шкуру этого животного, затем, пока четверо других друидов пели над ним «Заклинание правды», он насыпал и «тот, кого случилось ему увидеть во сне, должен был стать королем. Помертвели бы губы его, лишь осмелся

¹ Битва при Маг Туиред // Сказания древней Ирландии. СПб.: АПК, 2007. С. 4в.

сказать он неправду»¹. Как видно из цитаты, доверие к сказанному друидом было практически абсолютным: не допускалось и мысли, что он мог солгать во время ритуала.

Согласно ряду ирландских сказаний и ирландским законодательным сводам, власть короля «отягощалась» множеством жестких ограничений и запретов, налагаемых на него друидами — так называемыми гейсами (см. раздел «Магия друидов. Гейсы»).

К примеру, одним из ограничений, накладываемых друидическими законами на королевскую власть, было то, что человек, подверженный серьезному недугу, или калека не мог оставаться королем: в ирландской скеле «Битва при Маг Туиред» герой Нуаду, возглавлявший войско племен богини Дану, в бою теряет руку и не может быть королем, потому что не должен калека править Ирландией — это при том, что искусные мастера специально изготовили ему серебряную руку не хуже настоящей...

В валлийском своде «Мабиногион» говорится о том, что и личной своей жизнью король не распоряжался: «Господин, — сказали они, — мы видим, что ты уже старше многих мужей этой страны, и печалимся, что нет у тебя потомства от твоей жены. Возьми другую жену, от которой ты сможешь иметь детей. Может быть, ты желаешь того, что есть, но мы этого не потерпим»².

Дион Хризостом (ок. 100 г. н. э.) в одной из своих речей сообщает, что кельтские правители были лишь помощниками и исполнителями воли друидов, самим же правителям не дозволялось ни делать что-либо, ни принимать какие-либо решения без ведома друидов.

¹ Цит. по: I/[Кунаев С. В. Кельтский миф в саге о короле Конанре // ВДИ. 1985. № 3. С. 120-129.

² Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса / Пер. с валлийск. В. В. Эрлмхмана. М.: Аграф, 2002. С. 20.

Отмечая высокий статус друидов, Цезарь пишет: «Во всей Галлии существуют только два класса людей, которые пользуются известным значением и почетом... Вышеупомянутые два класса — это друиды и всадники». Далее он говорит о друидах следующее: «Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания, наблюдают за правильностью общественных жертвоприношений, истолковывают все вопросы, относящиеся к религии; к ним же поступает много молодежи для обучения наукам, и вообще они пользуются у галлов большим почетом. А именно они ставят приговоры почти по всем спорным делам, общественным и частным; совершено ли преступление или убийство, идет ли тяжба о наследстве или о границах — решают те же друиды; они же назначают награды и наказания; и если кто — будет ли это частный человек или же целый народ — не подчинится их определению, то они отлучают виновного от жертвоприношений. Это у них самое тяжелое наказание. Кто таким образом отлучен, тот считается безбожником и преступником, все его сторонятся, избегают встреч и разговоров с ним, чтобы не нажить беды, точно от заразного; как бы он того ни домогался, для него не производится суд; нет у него и права на какую бы то ни было должность»¹.

Страбон также отмечает, что «...друидов считают справедливейшими из людей и вследствие этого им вверяют рассмотрение как частных, так и общественных споров. Поэтому в прежние времена они улаживали военные столкновения и заставляли противников останавливаться, когда те уже собирались сразиться друг с другом; дела об убийствах преимущественно отдавались на их решение. Большое количе-

¹ *Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Кн. VI, 14.*

ство этих дел сопровождается, как они считают, и обилием благ в стране»¹.

О том же говорит и Диодор Сицилийский: «Не только в мирное время, но и во время войны они пользуются особым доверием, как и певцы-поэты, причем не только среди друзей, но и среди врагов. Часто случалось, что когда войска сходились друг с другом для сражения, обнажив мечи и занеся копья, они выходили на середину и смиряли [воинов], словно укрощая неких диких зверей. Так вот даже среди самых свирепых варваров гнев уступает мудрости, и Арес чтит Муз»^{1 2}.

Друиды вели достаточно активную политическую и общественную жизнь, ярким примером может служить друид Дивитиак, пользовавшийся огромным влиянием во всей Галлии и ставший ближайшим соратником Цезаря. Дивитиак, которого Цезарь характеризует как человека в высшей степени верного, справедливого и разумного, был родом из знатной эдуйской семьи и принимал активное участие в Галльской войне на стороне римлян, также ему была поручена дипломатическая миссия от всех галльских общин с просьбой о помощи в войне галлов против германцев. О том, что Дивитиак относился к касте друидов, пишет римский государственный деятель и философ Цицерон: в своем труде «О дивинации» («Об искусстве прорицания») он сообщает, что искусством прорицания «...не пренебрегают даже в варварских странах. Так, в Галлии этим занимаются друиды, с одним из них я сам познакомился, с эдуем Дивитиаком... Он претендовал на знание естественных наук — греки это называют физиологией — и, частью основываясь

¹ *Страбон. География / Пер. Г. А. Стратановского. М.: Наука. 1964. С. 188.*

² *Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. V. 1л. 31.*

на авгуриях¹, частью на толковании примет (coniectura), предсказывал будущее»^{1 2}. Сам же Цезарь на страницах «Записок о Галльской войне» Дивитиака друидом никогда не называет, но это, вероятнее всего, вызвано чисто политическими причинами.

«Друиды обыкновенно не принимают участия в войне и не платят податей наравне с другими»³, — сообщает нам Цезарь. Однако это вовсе не означает, что друиды были пацифистами и не умели обращаться с оружием — друиды были идеологами и блюстителями весьма воинственной кельтской цивилизации и не могли не быть искусными воинами. Подтверждение этому можно найти непосредственно в первоисточниках. Например, в ирландском эпосе «Рождение Конхобара» мы читаем: «...Катбад, знаменитый друид — вот кто был этот воин. Был наделен он большой мудростью, друидическим знанием и даром провидения...» Катбад получил согласие на брак у воительницы Ассы:

«Решила она искупаться в нем [источнике] и положила рядом на землю оружие свое и одежду. И случилось так, что и Катбад был тогда в той же пустоши и подошел к тому же источнику как раз тогда, когда купалась в нем девушка. Встал он между нею и ее оружием и одеждой и обнажил свой меч над ее головой.

— Пощади меня! — сказала девушка.

— Обещай исполнить три моих желания, — сказал Катбад.

— Чего ты хочешь? — спросила девушка.

¹ В Древнем Риме слово «авгурий» имело несколько значений: 1) наблюдение за приметами и их толкование; 2) предзнаменование, знак судьбы, примета грядущего; 3) прорицание, предсказание; 4) заклинание.

² *Марк Туллий Цицерон. О дивинации / Пер. М. И. Рижского. Кн. I. 41.*

³ *Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Кн. VI, 14.*

— Хочу я, чтобы стал я твоим покровителем, чтобы был между нами мир и согласие и чтобы ты стала моей женой на всю жизнь»¹.

На основе этого же эпоса и примере друида Дивитиака, также имевшего жену и детей, следует опровергнуть еще один сложившийся ошибочный стереотип — о безбрачной жизни друидов.

Кельтское общество не было патриархально-андрократическим — часто встречаем мы женщин - воительниц и предсказательниц. Женщина-предсказатель или женщина, обучающая героя и владеющая магией, встречается в ирландском эпосе весьма и весьма часто. Позднеантичные авторы также свидетельствуют о женщинах-друидах, дававших предсказания и Диоклегиану, и Александру Северу, и Юлиану Отступнику... Сама тема женской магии и ее связи с друидизмом заслуживает более подробного рассмотрения, что и будет сделано в соответствующей главе (см.: Магия друидов. «Женская магия»).

Друидическое жречество, будучи распространено по всей кельтской территории и имея единый сакральный духовный центр (в Британии, на острове Мона), носило универсальный и централизованный характер. В то же время, так как централизованной королевской или княжеской власти на такой огромной территории не наблюдалось, жречество было фактически единственным общекельтским институтом.

По отношению к учению друидов Цезарь не случайно использует термин «*disciplina*»: «Их дисциплина, как думают, возникла в Британии и оттуда перенесена в Галлию; и до сих пор, чтобы основательнее с нею познакомиться, отпра-

¹ Рождение Конхобара / Пер. Т. Михайловой // Похищение Быка из Куальккс / Изд. подгот. Т. А. Михайлова, С. В. Шкунаев. М.: Наука, 1985. С. 10.

ляются туда для ее изучения»¹, давая прямое указание на упорядоченность и целостность, лежащие в основе друидического знания. Это достаточно высокая оценка, поскольку в большинстве своем все, что не являлось частью греко-римской цивилизации, считалось римлянами варварским.

Оценка эта вполне справедлива, так как ритуальная магия дополнялась богатыми естественно-научными знаниями. Друиды, в частности, были весьма искусными лекарями, использовавшими в своей практике обширные знания о различных растениях и их лекарственных свойствах в многочисленных комбинациях. Часто в кельтском эпосе встречаются древние методы исцеления волшебными травами. Пример использования трав приводит в своем описании ритуального срезания омелы и Плиний:

«Они полагают, что все, что произрастает на этом дереве [дубе], ниспослано с неба и что это знак благоволения к дубу высшего божества. Подобные находки довольно редки, но когда случается им заметить что-либо подобное, они с радостью отмечают эти растения и затем торжественно срезают эти побеги. Происходит это обычно на шестой день луны, потому что они полагают, что именно луна управляет месяцами и движением времени вообще, имея свой особый цикл, длящийся тридцать лет. Шестой день они находят самым благоприятным для религиозной церемонии, так как именно в этот день луна уже достаточно набрала свою силу, но еще не достигла середины своего пути. Омелу они называют именем, которое в переводе означало бы „та, что вылечивает от всего *»^{1 2}.

Глубоки были познания друидов в области астрономии и составления календарей: «...они [друиды] много говорят своим молодым ученикам о светилах и их движении, о величине мира

¹ *Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Кн. VI, 13.*

² *Плиний Старший. Естественная история. Кн. XVI, 95.*

и земли, о природе...»¹ В 1897 году рядом со швейцарской границей в месте под названием Колинья было найдено одно из доказательств — фрагмент бронзовой плиты с выбитой на ней календарной таблицей, датируемой примерно концом I в. до н. э. — началом I в. н. э. (см. раздел «Календарь друидов»).

У того же Плиния мы встречаем описания религиозных церемоний, однако отметим, что, помимо ритуальной и иной магии, друиды не избегали вполне научных методов, основанных на наблюдениях, экспериментах, экстраполяции, прогнозировании... и это наверняка способствовало вящей славе о точности их предсказаний. Мы еще вернемся к этой теме и рассмотрим ее подробнее.

«Во главе всех друидов стоит один, который пользуется среди них величайшим авторитетом. По его смерти ему наследует самый достойный, а если таковых несколько, то друиды решают дело голосованием, а иногда спор о первенстве разрешается даже оружием»^{1 2}, — свидетельствует Цезарь, из чего следует, что власть в клане друидов не передавалась по наследству, а жила на личном авторитете, который, при необходимости, подкреплялся физической силой. Отмечая главенство авторитетнейшего друида, Цезарь, впрочем, не сообщает о каком-либо делегировании обязанностей и разделении на группы внутри друидического клана. Однако у Страбона мы находим: «У всех галльских племен, вообще говоря, существует 3 группы людей, которых особенно почитают: барды, предсказатели и друиды. Барды — певцы и поэты; предсказатели ведают священными обрядами и изучают природу, друиды же вдобавок к изучению природы занимаются также и этикой»³. Совершенно очевидно, что внут-

¹ *Гай Юлий Цезарь Записки о Галльской войне. Кн. VI. 14.*

² *Там же.*

³ *Страбон. География. С. 188.*

ри касты друидов имелся жесткий порядок, базирующийся на распределении обязанностей и четкой специализации, при этом певцы, поэты, предсказатели и т. д. — это различные группы, также объединяемые общим термином «друиды».

Своеобразная верхушка друидического клана, обозначенная у Страбона как «друиды, занимающиеся также и этикой», ведала вопросами религии, правосудия, дипломатии, натурфилософии, образования, а также, вероятно, занималась не только сохранением знания, но и собственными научными изысканиями.

Группа друидов-филидов ведала поэзией и в целом устной традицией. Это не так мало, как может показаться на первый взгляд, ведь филиды в своем устном творчестве не просто воспевали королей, героев и их деяния, поддерживая связь поколений, давая основания для истории, генеалогии и т. п., — особую роль играли «сатиры» или «песни поношения», которые на тот момент являлись достаточно серьезным средством «магического воздействия» в политических целях. Прекрасный пример такого воздействия отражен в одной скеле «Похищения Быка из Куальнге». В ней королева Мебд, чтобы заставить воина Шер Диада сразиться со своим другом Кухулином, поступает следующим образом: «...отправила к нему королева друидов, заклинателей и певцов, чтобы пропели они три леденящие песни и трижды заклиняли его, да возвели на лицо Шер Диада три порчи — позора, стыда, поношения, что, откажись он идти, сулили гибель немедля иль в девять дней срока. Последовал за ними Шер Диад, не желая поступиться честью, ибо смерть от копья боевого искусства, геройства и силы считал достойней, чем гибель от жала заклятья, упрека, позора...»¹

¹ Бой с <Г>ер Диалом // Похищение Быка из Куальнге. С. 234.

Для более полного понимания роли филидов необходимо обратиться к этимологии. Как отмечает В. П. Калыгин¹, традиционная этимология слова fill > *we let- возводит его к индоевропейскому *wel- «видеть», т. е. «провидец». В 1968 г. Р. О. Якобсон предложил новую интерпретацию этого этимологического гнезда. Древнеирландское fili соответствует первой части имени славянского бога Велесь и тем самым входит в круг понятий, связанных с отражением индоевропейских мифологических представлений о потустороннем царстве (ср. valkuija — «валькирия, дева, препровождающая павшего в бою воина к Одину», лр~исл. Valholl — «жилище воинов, павших на поле боя», греч. hliusios eleison — «Елисейские поля» и др.). С индоевропейским *wei- связан обширный комплекс идей и персонажей, отражающих мифологические представления о «потустороннем мире», его владыке и поэтах, которым это божество покровительствует. Сведения о языческих ирландских ритуалах, содержащиеся в различных источниках (гlossарии, скелы и проч.), представляют значительный интерес. Второй компонент -esь возводится к производной основе от глагола *es- — *esb~es/os-u-, представленной в данном случае на нулевой ступени — *st>-os/\$-u-. В качестве самостоятельных слов оба компонента встречаются в древнеиндийском Vanina Asura, в Авесте — только Ahura, а у кельтов — Esus². Однако, по мнению В. П. Калыгина, нельзя полностью согласиться с отождествлением Asura и Esus. Имя бога Езуса засвидетельствовано в разных вариантах: Esus, Aesus. Более вероятным представляется связь этого слова с италийским ареалом: ср. ais- в окско-умбрском и венетском, а также в марсийском

¹ См.: Калыгин]З. /7. Язык древнейшей ирландской поэзии. М.: Наука, 1985.

² Там же. С. 17—18.

и т. д., для которых М. Лежен реконструирует *aisu-, «бог» (этруск. aesar Лежен считает заимствованием из италийских языков). Функции бога Езуса точно неизвестны, сохранившиеся свидетельства противоречивы. Поэтому вопрос о происхождении теснима Esus не может считаться решенным.

Надо сказать, ряд современных исследователей, в частности Франсуаза Леру, считают, что в кельтском эпосе термины «филид» и «друид» являются эквивалентными и взаимозаменяемыми. Действительно, это предположение очень многое объясняет, как мы увидим далее.

Согласно древнеирландским источникам, внутри группы филидов также существовало деление на 6—7 разрядов: филидам первого (ollamh) разряда полагалось знать 250 больших занимательных историй и 100 малых — им присваивался статус (ранг) короля провинции и полагалась свита из двадцати человек. Вот как описывают в легендах Ферхертне Мак Коирпре — филида высшего разряда: «блистательный муж в белом, перед которым отступают озера и реки, когда он уязвляет их, насмехаясь над ними, и вздувают свои воды, когда Ферхертне их хвалит».

Обучение филидов, согласно поздним источникам¹, длилось двенадцать лет и состояло из следующих этапов (отметим, что далеко не всё из перечисленного ниже можно однозначно расшифровать и интерпретировать, поэтому содержание этих этапов мы просто приводим здесь «как есть»):

1-й год: 50 огамических знаков², главы из Auraicept na n-Eces, 20 drecht, 6 поэм класса dian;

¹ Thumeysen R. *Mittelirische Verelehre*. 8. P. 113—119.

² См. раздел «Друиды и письменность. Огам. Языки кельтов».

- 2- й год: 50 огамических знаков, главы из *Auraicept* па *n-Eces*, 30 *dreciit*, 10 поэм класса *setrad*, *senamain*, *snaithe senamna*;
- 3- й год: 50 огамических знаков, главы из *Auraicept* па *n-Eces*, 40 *drecht*, 16 поэм класса *laid*;
- 4- й год: правовой трактат *Bretha nemed* — Суждения о благородных, 50 *drecht*, 20 поэм класса *emain*;
- 5- й год: 60 *drecht*, 30 поэм класса *anair lagpbérla* — «темный язык» (перевод условный);
- 6- й год: 70 *drecht*, 24 поэмы класса *nath shog* и 20 — *nath bee*, *berla* па *filed* — «язык поэтов»;
- 7- й год: *brosnacha suad. i. bardne* на *mbard* — «бардовская поэзия»;
- 8- й год: *fiscomarca filed* «Wissens-Prage»; *duili berla* (?); *clethchor soem* — нечто вроде заклинания в строительном ритуале; *reicne roscadach* — тариф за поэтические сочинения, установленный Аморгеном (основателем первой школы); заклинания *teimn laida*, *imbas fofosnai i dichetal do chennaib*; *Dindshenchus* («Старина мест», топонимические легенды) и главные саги (*primscela*);
- 9- й год: четыре вида особых заклинаний (*setnad*): *setnad* пивных домов, *setnad* новых домов, *setnad* путешествий, *setnad* возрастов;
- 10- й год: 40 поэм класса *seppath*, «14 потоков поэзии», 6 *duili feda* «буквы»;
- 11- й год: 50 поэм класса *anamain mog* и 50 — *anamain bee*;
- 12- й год: «Четыре мастера» (*Aadken mak Barxedo*, *Ua Kota* (или *Krota*), *Ua Bickni* и *Beke*); 120 поэм класса *rochetal*¹.

¹ *Thumeyscn R. Mitteilirische Verelehre*, 8. P. 22.

В зависимости от типов персонажей и событий повествования филиды ранжировали скелы между собой: «общее количество историй, которое должно было быть известно высшему по рангу поэту — олламу, определено в 350. 250 из них считались «главными» (*prim-scela*), а 100 — «вводными» или «предшествующими» (*remscela*). Это первый из принципов классификации саг, которого придерживались ирландские поэты, называвшиеся филидами. Вторым принципом было деление саг по сюжетам: сватовство, похищения, разрушения, видения и т. д. Уже в Новое время к ним добавился третий принцип: отнесение саг к одному из так называемых циклов — уладскому, циклу Финна, мифологическому и историческому, или, иначе, королевскому»¹.

О том, что должен знать филид, говорится в «Разговоре двух Мудрецов» — опытного филида Ферхертне и молодого филида Неде:

«— Скажи, о поучающий юноша, какое ты ведаешь искусство?»

Неде ответил:

— Нетрудно сказать: обогреть лицо, пронзать тело, стирать застенчивость, отбрасывать бесстыдство, возвращать поэзию, стремиться к славе, свататься к знанию, искусство для всяких уст, раздавать мудрость, очищать речь в малом покое, поток знания, неиссякаемая ученость, услада королей, искусные сказания. А ты, о почтенный, какое ты ведаешь искусство?»

Ферхертне ответил:

¹ Шкунаев С. Б. Герои и хранители ирландских преданий // Предания и мифы средневековой Ирландии. М.: МГУ, 1991. С. 5—30. Стоит отметить, что ирландские сказания все чаще именуются термином «скела» (*ирл. seel* — «история» или «повесть»), а не «сага» (от *древнееканд. saga*, от *segja* — «сказывать»).

— Стремление к награде, установление мира, назначение свиты, горсть юноши, восхваление ремесла, бриамон с метрах¹, щит Атирне, доля мудрости от потока знания, порыв вдохновения, обличье ума, искусство малых песен, ясное расположение, свирепые песни, прославленный путь, жемчуг в оправе, искусная помощь после песни.

Сказал Ферхертне:

— Скажи, о поучающий юноша, на что ты способен?

Неде ответил:

— Нетрудно ответить: идти в долину времени, на гору юности, в поихью за годами, в свиту короля, в обитель праха, между свечой и пламенем, между битвой и ее ужасом, к могучим мужам Тетры, к обители... к потокам мудрости. А ты, о почтенный, на что ты способен?

Ферхертне ответил:

— Идти на гору статусов в слияние мудрости, в края ученых людей, на грудь размышления, в устье даров, на собрание королевского вепря, к презрению новых людей, к склонам смерти, дарующей великие почести»^{1 2}.

Как хорошо видно из этого диалога, друиды-филиды широко использовали тайный символический язык. К теме скрытности и потаенности друидического учения мы еще неоднократно обратимся в нашем рассказе.

Та же скела повествует о конкуренции филидов между собой:

¹ Предположительно речь идет о заклинании смерти: друид двумя пальцами тер мочку уха человека, и тот, на кого было обращено проклятие, умирал — подобно тому, как ухо расположено вне человека, так и человек, подвергаемый этому проклятию, оказывается вне человечества.

² Разговор двух Мудрецов // Предания и мифы средневековой Ирландии / Пер. С. Шкунаева. М.: МГУ, 1991.

«Так шел юноша, и была над ним серебряная ветвь, ибо так пристало анруту. Золотую ветвь несли над олламом и медную над остальными филидами. Подошли юноши к Эмайн Махе, и подле нее на лугу встретился им Брикриу. И сказал Брикриу, что если наградит его Неде, то поможет он ему стать олламом. Дал тогда Неде ему пурпурную рубашку, расшитую золотом и серебром, и велел ему Брикриу войти и сесть на место оллама. И еще сказал он, что скончался Ферхертне, а был он в ту пору к северу от Эмайн, где наставлял своих учеников.

— Не может безбородый занять место оллама в Эмайн Махе, — молвил Брикриу, ибо чересчур молодым был тогда Неде. Взял Неде пучок травы и произнес заклятие, чтобы решил всякий, что была это его борода. Потом пошел он и сел на место оллама, завернувшись в его платье. Было оно трех цветов и в середине сделано из перьев разноцветных птиц, сверху похоже на светлую бронзу, а снизу словно золото»¹.

Что же касается бардов, то считалось, что им достаточно собственного ума и ценность их как ученых людей была не велика. Между филидами и бардами проводилась довольно четкая граница:

«Filidecht означает ученую поэзию филидов, регламентированную жесткими правилами, bardne — произведения бардов, от которых не требовалось строгого соблюдения правил стихосложения... „Не обязаны барды иметь знание букв (огамических) и метрических правил“. Filidecht часто глоссируется словом eisce — „мудрость, знаниеОдин из известных филидов Торна имел прозвище Eices — „мудрец“. О бардах так не говорили. Положение бардов в Ирландии больше напоминает положение бардов в Галлии. Древнейшие

¹ Там же.

ирландские законы свидетельствуют о почти монопольном господстве филидов в сфере культуры. В Галлии и Уэльсе барды состояли при дворах королей в качестве исполнителей хвалебных песен, их главным занятием было „петь славы" своим монархам. Возвышение придворных бардов в Уэльсе связано с исчезновением друидов, подвергавшихся гонениям со стороны римских властей. В Галлии и Ирландии ситуации сходны. Бардов жалуют как поэтов, но в то же время относятся к ним свысока. Филиды заметно потеснили придворных бардов. В какое-то время филиды используют бардов как чтецов своих стихов: „...так как они внимали стихам и одам, читавшимся декламаторами и королевскими бардами⁴ или — „...подойди, рассказчик (чтец), произнеси мои слова". Социальный престиж ирландских бардов не идет ни в какое сравнение с престижем филидов. Поэтому именно с функциональной точки зрения весьма правдоподобно выглядит этимология, объясняющая *кельт.* bardos как сложение двух основ — *g(w)eru- „восхвалять" и *dhe- „устанавливать", т. е. *g(w)r-dhes — „устанавливающий хвалу" (ср. *вед.* gīro dha-, *авест.* garo da- „восхвалять"). Термин „creth" означал не только „поэзия", но и „ремесло, умение". В глоссариях он толкуется как eigsí — „мудрость", coladha — „знание". В текстах creth встречается значительно реже, чем filidecht или eisce»¹.

Близко к филидам в иерархии находилась группа ватов или ватисов (ирл. foith; *гадья́ск.* vatis), или прорицателей, которые специализировались на предсказаниях и, вероятно, занимались медицинской практикой. Некоторые авторы приписывают именно этой категории друидов совершение жертвоприно-

¹ *Калъин В. П. Язык древнейшей ирландской поэзии // Функции филидов и жанры древнеирландской поэзии. М., 1985. С. 20—21.*

пений, но, скорее всего, совершать жертвоприношения могли все группы друидов. Очевидно, что именно эта группа друидов находилась в непосредственной близости от королей и правителей, возвещая их волю, делая всевозможные предсказания об исходе битв, что часто можно встретить в кельтских эпических сказаниях. Как и все друиды, эта категория жрецов пользовалась большим почетом и уважением, и, с высокой долей вероятности, именно она была ответственна за выбор будущего короля. Эта группа должна была заботиться и об исторических познаниях короля — с 1 ноября по 1 мая {т. е. в период с Самайна по Белтане)¹ прорицатель должен был рассказывать королю какую-нибудь занимательную историю. Предсказатели также обучались около двенадцати лет, овладевая грамматикой, огамом, несколькими десятками поэтических размеров и умением воспроизвести по памяти без каких-либо искажений несколько сотен преданий.

Знания друидов передавались не по наследству, а тем, кто поступал к ним в обучение, — это могли быть юноши, устремленные к высоким знаниям и тайнам или к высокому статусу друида либо просто отданные им по желанию родителей.

Как говорит Цезарь, «...многие отчасти сами поступают к ним в науку, отчасти их посылают родители и родственники...» Еще он отмечает, что «...[галлы] позволяют своим детям подходить к себе при народе не раньше достижения ими совершеннолетия и воинского возраста и считают неприличным, чтобы сын в детском возрасте появлялся на публике при отце...»^{1 2}, из чего можно заключить, что обучение детей кельтской знати носило обязательный характер.

¹ См. раздел «Календарь друидов. Двери в потустороннее».

² Гай Юлий Цезарь. *Записки о Галльской войне*. Кн. VI, 18.

Даже королевского сына отдавали на воспитание друидам: «...Вот имя, что они дали ему: Гверн, сын Матолха. И они отдали его на воспитание лучшим людям Ирландии...»¹, что подтверждает слова Цезаря. Предположительно в науку к друидам мог поступить любой юный кельт достаточно знатного происхождения.

Однако легкость поступления в итоге оборачивалась для кельтских «абитуриентов» серьезными тяготами учения, что видно из следующих слов Цезаря:

«Там, говорят, они учат наизусть множество стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов до двадцати лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом. Мне кажется, такой порядок у них заведен по двум причинам: друиды не желают, чтоб их учение делалось общедоступным и чтобы их воспитанники, слишком полагаясь на запись, обращали меньше внимания на укрепление памяти; да и действительно со многими людьми бывает, что они, находя себе опору в записи, с меньшей старательностью учат наизусть и запоминают прочитанное»^{1 2}.

Забегая вперед, отметим, что это свидетельство развенчивает миф о том, что кельты были неграмотны³.

От количества лет, проведенных в обучении, зависел будущий статус обучаемого — станет он воином или примкнет к друидическому клану. Согласно одному свидетельству, обучение продолжалось до двадцати лет; конечно, это не означает, что таким был обязательный для всех срок: постигнув оиреде-

¹ Бранвен, дочь Ллира // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 33.

² Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Кн. VI. 14.

³ См. раздел «Друиды и письменность. Огам. Языки кельтов».

ленные азы и достигнув совершеннолетия, ученик завершал свое обучение и возвращался обратно в свою общину. Если же ученик выбирал для себя карьеру внутри друидического сословия, то, согласно преданию, ему надлежало оставаться в ученичестве до тех пор, пока он не будет знать ответы на все вопросы:

«Отправился Неде учиться искусству поэзии в Альбу к Эоху Эхбелу и пробыл у него, пока не преуспел в этом.

Как-то раз гулял он и подошел к берегу моря, ибо считали филиды, что у воды приоткрывается им тайное знание. Вдруг услышал он из волн грустную и тоскливую песнь, и охватило его удивление. Тогда произнес он заклятие волне, дабы открылось ему, в чем тут дело. И узнал он, что сокрушались волны о смерти отца его, Адна, и что платье его отдали Ферхертне, филиду, ставшему первым поэтом. Пошел Неде к дому и рассказал обо всем своему воспитателю.

— Отправляйся обратно в свои края, — сказал ему Эоху, — ибо нет места нашей мудрости под одной крышей. Мудрость подскажет тебе, что ты первый во всяком искусстве.

Отправился Неде в дорогу с тремя братьями: Лугайдом, Кайрпре и Круттине. На дороге встретился им дождевик.

— Отчего зовется он болт белке? — спросил один из них.

Не знали они этого и пошли обратно к Эоху, и провели с ним еще месяц. Потом снова пустились они в путь. Встретился им на дороге камыш. Не знали они, отчего он зовется симинд, и воротились снова к своему воспитателю. Месяц пробыли они у него и потом вышли в дорогу. Встретился им гасе санайс, и опять не знали они, почему он так называется. Вернулись они к Эоху и пробыли с ним еще месяц. Когда наконец узнали они ответы на свои вопросы, то пустились в дорогу...»¹

¹ Разговор двух Мудрецов // Предания и мифы средневековой Ирландии.

Образованные кельты составляли элиту общества. Вполне логично, что друиды не хотели, чтобы их знаниями мог воспользоваться кто угодно — чужаки-инородцы или недостойные этого соотечественники. Те, кто не имел должного образования, были лишены возможности толковать и использовать «высокую науку» по своему усмотрению, внося тем самым смуту и разлад в общество.

Как и кельтские святилища, друидические «университеты» располагались в священных лесах. Помпониус Мела, цитируя Посидония, повествует о том, что встречи друидов с учениками происходят тайно в пещерах или лесных чащах. Для обучения адепты удалялись вместе со своими учителями в священные рощи, где знание передавалось непосредственно от учителя к ученику — как сакральное. Тем самым исключались любые искажения и множественность интерпретаций.

Друиды разработали уникальную систему образования: огромный объем всевозможных знаний из разнообразных сфер кельтской культуры, которыми предстояло овладеть их воспитанникам, действительно легче усваивался в стихотворной форме, и такое усвоение, помимо всего прочего, требовало высокой концентрации и внимания, так необходимых и для воина, и для лекаря, и для художника, и для ученого.

Греческие и римляне весьма озадачивала кельтская система образования тем, что адепт, поступивший в учение к друидам, надолго покидал сородичей и получал знания вдали от социума. Однако и в Индии, и в ряде других мест в те же времена считалось нормой воспринимать учение, «сидя у ног учителя».

Некоторые исследователи (например, Н. С. Широкова) видят в обучении друидов своеобразный обряд инициации: индивид выделяется из привычного общества для перехода из одного состояния в другое, как бы от жизни к смерти, т. е. на время обучения ученик словно бы умирает для своих род-

пых и близких и, пройдя определенную инициацию и обучение, возвращается в мир уже совсем другим человеком, т. е. возрождается¹. Однако вряд ли уместно связывать эту и другие особенности кельтской культуры, например, с шаманской традицией, отдавая дань очередному модному веянию в популярном религиоведении^{1 2}.

Нельзя обойти вниманием один из важнейших аспектов жизни древних кельтов — воинское искусство. И здесь почти очевидно, что владению оружием, приемам боя, воинской стратегии и тактике молодые люди также обучались у друидов. Неслучайно Цезарь отмечает именно «воинский возраст» окончания обучения (вспомним в связи с этим Катбада и Дивитиака, которые были и друидами и воинами)³. Кроме того, кельтский бог Огма (или Огмий) — «златоустый» покровитель литературы и ораторского искусства, который, как считали кельты, одарил их магическим письмом — огамом, был еще и силачом божественного клана Туата Де Данаан. Очень часто можно обнаружить, что в кельтском мире духовная, интеллектуальная и физическая составляющие личности были неразделимы и одинаково значимы. И оплотом такого единства служил друидизм.

Однако все же в наибольшей степени друидизм был связан с иными сферами человеческой деятельности, далеко выходящими за рамки обыденного. И сейчас, после сделанного нами краткого экскурса в историю друидизма и кельтской культуры, мы переходим непосредственно к знакомству с пугающим и притягательным миром кельтской магии.

¹ Широкова Н. С. Мифы кельтских народов. М., 2005.

² Подробнее см. раздел «Друиды и шаманизм».

См.: Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Кн. VI, 18.

Магия друидов

МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Религия кельтов была основана на магии, каждое произведение кельтской эпохи — будь то валлийские сказания, собранные в «Мабиногион», или ирландские скелы — вводит нас в мир магических представлений их создателей. В каждом из дошедших до нас сказаний содержатся описания магических действий, совершаемых друидами или их учениками; королям и королевам на помощь являются обитатели волшебных миров, а герои обладают сверхъестественными способностями.

Говоря о верованиях кельтов, нужно помнить, что жизнь общественная и жизнь религиозно-магическая были для них неразделимы.

Плиний, впечатленный системой и количеством исполняемых ритуалов, восклицает, что кажется, будто британцы обучили магии персов (прославленных магов античного мира), а не наоборот! Согласно ирландским скелам, в поисках магических знаний ученики действительно могли посещать и Персию в том числе. Обучение магии и колдовству у персов встречается в тексте «Похищение Быка из Куальнге»: жена одного из поверженных Кухулином врагов — колдуна Калатина — после смерти мужа родила трех дочерей,

которые были весьма уродливы. Поклявшись отомстить за смерть мужа, она отправляет дочерей учиться магическим премудростям в королевство Альба и даже в Вавилон.

Основной обязанностью друидов, как и любых служителей культа, было посредничество между миром сверхъестественного, духами, богами¹, и людьми. Посредничество это осуществлялось с помощью магических ритуалов и практик, которые можно вычленить, изучая валлийские и ирландские тексты. Дж. Дж. Фрэнгер в своей знаменитой книге «Золотая ветвь» говорит о жрецах-магах следующее: «...маг есть не более как человек, но человек, обладающий необычайной силой. На обладание подобной силой в меньшем объеме претендует большинство его соплеменников, ведь в примитивном обществе едва ли найдется хоть один человек, который на досуге не занимался бы магией. <...> ...человекобог черпает свою необычайную силу из некой физической общности с природой. Он не является простым вместилищем божественного духа. Все существо его — и тело, и душа — столь тонко настроены на гармонию с природой, что прикосновение его руки или поворот головы заставляют вибрировать всю материальную структуру мира. И, наоборот, его божественный организм проявляет чувствительность к таким незначительным изменениям обстановки, которые совершенно никак не отразились бы на простом смертном»^{1 2}. Сказанное в полной мере относится к кельтским друидам.

Здесь стоит отметить, что некоторые кельтские короли (в частности, британские, согласно «Мабиногион») тоже

¹ Следует иметь в виду, что кельтские боги весьма отличаются от знакомых нам языческих богов — об этом подробнее сказано в разделе «Религиозный мир кельтов».

² Фрэнгер Дж. Дж. Золотая ветвь / Пер. М. К. Рьплина. М.: 11олитиздат, 1980. С. 73.

порой оказывались хранителями древней магии и являлись одновременно жрецами, наследовавшими друидическую мудрость, поэтому и чудеса, совершаемые ими, мы вправе приравнять к друидическим практикам.

К вопросу о том, что такое магия в наиболее общем смысле, мы еще вернемся в связи с рассмотрением одного из самых острых вопросов друидического культа¹, а сейчас постараемся дать наиболее полный перечень собственно магических практик, совершавшихся друидами или приписывавшихся им.

Итак, в чем же заключались основные обязанности друидов в кельтском обществе?

Пророчества

Друиды, иногда по своей воле, а иногда по просьбе козюлей, пророчествовали о судьбе как отдельных людей, так и целых народов. Пророчество могло быть страшным, странным, зачастую изложенным языком аллегории, но в любом случае оглашалось полностью и без утайки. Вот, например, Талиесин предрекает королю Меллгону Гвинеду смерть от желтой лихорадки за все совершенные им злодеяния:

«...Выйдет чудо морское из вод Рианедд,
Взыщет с Мэлтона Гвинедда полной мерой;
Золотыми будут глаза и зубы
У чудовища, что Мэлтона покарает.
<...>

¹ См. раздел «Магия и проблема жертвоприношений»[^].

...Повсюду проникая,
Во всех вселяет ужас,
Но зла не причиняет
И не несет ответа
За все свои деянья.
Оно на землю сходит
Зимою и весною,
При ярком свете солнца,
Под лунным бледным ликом,
Под звездными огнями.
Из всех созданий мира
Его избрал Всевышний,
Чтоб принести возмездье
За зло, что сделал М элгон»¹.

Зловещее предсказание дает друид Катбад беременной жене своего друга Федельмида². Когда женщина проходила по дому, в животе у нее раздался страшный крик. Друид, повелев привести к нему эту женщину, предрекает, что родится у нее красивая девочка, из-за которой будет пролито много крови. Улады собираются убить девочку (которой дали имя Дейрдре), но король Конхобар встает на ее защиту и после рождения забирает в свой дом, где, повзрослев, девушка должна будет стать его женой. Таким образом Конхобар попытался предотвратить кровопролитие и убийство ребенка, однако благие намерения, даже подкрепленные действиями, трудно противопоставить неотвратимости предсказания... Дейрдре действительно вырастает настоящей

¹ История Талиесина // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 250—252

² Изгнание сыновей Успеха / Пер. Т. Михайловой // Похищение Быка из Куальнге. С. 15.

красавицей, но хочет себе в мужья не старого Конхобара, а молодого и красивого сына Уснеха — воина Найси. Пророчество Катбада сбывается: молодые люди совершают побег, и впоследствии их сближение приводит к гибели множества людей и самих любовников.

Песни поношения. Сатиры

Как в ирландских, так и в валлийских легендах довольно часто упоминаются «три песни позора», которые являются могущественным оружием бардов и филидов. Например, в валлийском сказании «Килох и Олвен» юноша Килохтак говорит привратнику короля Артура, который отказывается его впустить: «Если ты сейчас откроешь ворота, я войду. Если же нет, то ты навлечешь беду на себя и бесчестье на своего господина. Ибо я спою у этих ворот три песни позора, которые услышат от вершины Пенгваэдд в Корнуолле до подножия Динсола на Севере и до Эсгайр-Эрвел в Ирландии. И тогда все беременные женщины, что живут в этом дворце, не смогут родить, а те, кто еще не беременны, исполнятся такого страха, что никогда не сумеют понести...»¹ Не менее страшные беды предрекает королева Медб воину Шер Диаду в ирландском «Похищении Быка из Куальнге».

Сатира была одним из широко использовавшихся орудий в арсенале друидов, представляя собой своеобразную магическую формулу, облеченную в стихи, произносившиеся в адрес человека, нарушившего некое правило.

В одной из ирландских скел рассказывается, что король Брее однажды принял филида Корпре неподобающим обра-

¹ Килух и Олвен // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 89.

зом — выделил ему убогое жилище без огня, без ложа и скудный ужин, состоящий из трех лепешек. Недовольный таким приемом Корпре наутро является ко двору Бреса и произносит ему песнь поношения, после которой Брее не знал «ничего, кроме пагубы»:

«Без пищи, что явится быстро на блюде,
Без молока коровы, в утробе которой теленок,
Без жилья человеческого в темени ночи,
Без платы за песни поэтов пребудет пусть Брее.

— Нет отныне силы у Бреса.

И было это правдой, ибо ничего, кроме пагубы, не знал он с того часа. Вот первая песнь поношения, которую сложили в Ирландии»

Часто одна лишь угроза произнесения сатиры или хулы заставляла героя идти на смерть, так как смерть считалась лучшей участью, нежели позор и жалкое существование того, кто пожинает плоды проклятия.

Такого рода колдовство способно было оставить вполне физические следы на лице подвергшегося ему. Подобное случилось с Кайером — королем Коннахта. Его племянник Неде, чтобы заполучить королевский трон, по наущению жены Кайера просит подарить ему боевой щит. С этим щитом Кайеру расставаться ни в коем случае нельзя, и он отказывает Неде в его просьбе. Племянник же в ответ творит на него сатиру, а наутро у Кайера на лице появляется три нарыва: красного, зеленого и белого цвета — символизирующие соответственно Изъян, Хулу и Уродство.

Вернемся к истории несчастной Дейдрде. Судя по тексту скелы, она с раннего детства была ученицей заклина-¹

¹ Битва при Маг Туриед // Похищение Быка из Куалькге. С. 359.

тельницм Аеборхам, которая одна лишь допускалась к проклятой девушке, кроме отца и кормилицы, поскольку такова была воля самой волшебницы. В приведенном ниже отрывке мы видим, какой силой обладает заклятие-поношение, определяющее судьбу не только его объекта (в данном случае юноша Найси), но целых племен («сыновей Уснеха»). Попутно стоит обратить внимание на магичность и символичность всего описания, прекрасно иллюстрирующего свойственное кельтам мировосприятие:

«Как-то однажды гулял Найси один возле королевского замка в Эмайн и пел. Чудесным было пение сыновей Уснеха. Каждая корова и каждая пчела, слыша его, давала в три раза больше молока и меда. Сладко было слышать его и людям, впадали они от него в сон, как от чудесной музыки. Умели они и владеть оружием: если становились они спинами друг к другу, не могли одолеть их и все уладские воины. Таким было их воинское искусство и выручка в бою. Быстры, как псы, были они на охоте и поражали зверя на бегу.

И вот, когда гулял Найси так один и пел, выскользнула она [Дейдре] наружу и стала прохаживаться мимо него и не признала его.

— Красива, — сказал он, — тслочка, что прохаживается возле нас.

— Телочки хороши, коли есть на них быки, — сказала она.

— Рядом с тобой есть могучий бык, — сказал он, — король уладов.

— Из вас двоих больше мне по душе, — сказала она, — молодой бычок вроде тебя.

— Не бывать этому! — сказал он ей. — Известно мне предсказание Катбада.

— Ты отказываешься от меня?

— Да, — сказал он.

Тогда бросилась она к нему и схватила его за оба уха.

— Да будут на них срам и стыд, — сказала она, — коли не уведешь ты меня с собой.

— Оставь меня, женщина! — сказал он.

— Да будет так! — сказала она.

Тогда крикнул он громкий клич. Услышали его улады и сбежались, готовые к бою. Прибежали и сыновья Уснеха, услышав крик своего брата.

— Что случилось, — сказали они, — отчего улады готовы перебить друг друга?

Рассказал он им все, что случилось с ним.

— Великое зло произойдет от этого, — сказали они, — но не оставим мы тебя, пока живы. Мы уйдем в другую страну. Нет короля в Ирландии, который не впустил бы нас в свою крепость.

Стали они держать совет. В ту же ночь отправились они в путь, и трижды пятьдесят воинов было с ними, и трижды пятьдесят женщин, и трижды пятьдесят псов, и трижды пятьдесят слуг, и Дейрдре¹.

Как уже было сказано, все они в итоге погибли из-за тяготевшего над Дейрдре предсказания (с которым каждый из них был прекрасно знаком), но тем не менее страх перед заклятием Дейрдре и чувство долга оказались сильнее, чем страх гибели.

Вероятнее всего, возникновению такого отношения к сатире и хуле, нашедшего свое отражение в ирландских преданиях, можно найти и вполне простое, отнюдь не магическое объяснение. Например, что филиды, поэты и прорицатели были еще и своего рода кельтскими «средствами массовой информации» — то есть они обладали вполне

¹ Изгнание сыновей Уснеха // Похищение Быка из Куальнге. С. 18.

реальной властью, гораздо большей, нежели современная «четвертая власть»...

Редко кто решался обойтись с филидом неподобающим образом или, тем более, нанести ему какой-либо вред, поскольку в ответ на это филид мог сложить песнь или стих, подвергнув в нем проклятию обидчика, а то и всю его родню. Эта песнь быстро становилась «достоянием общественности», и, учитывая тот факт, что кельты жили общинами, будущее такого ославленного человека оказывалось весьма печальным. А если это был король, то последствия были еще более серьезными: воины могли перестать ему подчиняться и даже покинуть — не только его, но и королевство, оставив местность без защиты. Ведь слова филида считались неотвратимым пророчеством.

Интересно, что сами женщины не боятся песней хулы и поношения: «Многие оставят сегодня своих друзей и близких, — сказала Медб, — родные края, отца и мать. На меня падет хула и проклятья, коли не все воротятся живыми. Все ж, хоть иные уйдут, а иным суждено оставаться, всех мне дороже сама я»¹.

Наречение имени

Доподлинно не известно, являлось ли прямой обязанностью друида наречение имени. Ирландский и валлийский эпосы содержат несколько эпизодов, связанных с наречением, но в них идет речь о героях или людях, несущих беду.

¹ Похищение Быка из Куальнге // Похищение Быка из Куальнге. С.126.

Изменение имени означало и изменение участи. При этом имя не обязательно изменялось по звучанию — иногда случалось наоборот: слову придавался новый смысл. Так было с Блодьювидд, женой валлийского героя Ллеу, при наказании ее за попытку убийства мужа. Изначально имени «Блодьювидд» был присущ его явный, буквальный смысл — «подобная цветам» (об истории появления на свет Блодьювидд см. ниже, в разделе «Создание живого из неживого»), однако друид превратил ее в обительницу ночи, внося магические изменения непосредственно в язык (!):

«Я не стану убивать тебя, но сделаю нечто худшее. Я обращу тебя в птицу, и из-за горя, что ты причинила Ллеу Ллау Гифесу, ты никогда больше не увидишь солнечного света, и все птицы будут ненавидеть тебя, и бить, и клевать, если обнаружат. И ты не лишишься своего имени, но всегда отныне будешь зваться Блодейведд.

И сейчас „блодьювидд“ — это сова на нашем языке, и все птицы враждуют с нею. И до сих пор валлийцы зовут сову „блодейведд"⁴»¹.

Один из известнейших героев кельтского эпоса Кухулин вначале носил имя Сетанта. Случилось так, что он убил сторожевого пса кузнеца Кулана, и за свой проступок он сам назначил себе наказание — вырастить щенка той же породы, что и убитый пес, выхаживая его, пока тот не станет столь же сильным, как отец. А пока щенок будет расти, юноша обязался охранять слода кузнеца. Друид Катбад, поразмыслив над словами Сетанты, находит их весьма мудрыми и предлагает ему взять имя в соответствии с принятым решением — Кухулин, что означает «пес Кулана». Сначала юноша отказывается, но друид пророчит ему связанную

¹ Мат, сын Матонви // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С 69.

с новым именем славу, и тот соглашается. Гак Сетанта становится Кухулином.

Своему приемному сыну Катбад нарекает имя при следующих обстоятельствах: мальчик, едва родившись, пошел к реке, и ее воды расступились перед ним. Так мальчик получил имя этой реки.

В «Изгнании сыновей ^неха» Катбад дает имя девочке, громко кричавшей в утробе матери, — Дейрдре, что означает «трепетная» (как известно, она принесла несчастья и смерть окружающим ее людям).

Гейсы

К теме наречения примыкает такой важный род друидической деятельности, как «наложение гейсов».

Гейсы (*ирл.* *geasa* — «запрет») — это перечень табу и запретов, накладываемых друидом и связанных с обстоятельствами рождения, получения имени и многими другими. Изменяться гейсы могут только по усмотрению друида. По своему характеру гейсы были как обычными запретами — своего рода обетами, которые обязан соблюдать получивший их кельт, так и магическими формулами, заклетьями, в чем-то ограничивающими конкретного человека (например, обездвиживающими его), а то и целые армии.

Ирландский герой король Койнаре получает список гейсов, которые с методичной последовательностью нарушает:

«Ты не должен обходить Тару справа, а Бреджию — слева,

Ты не должен охотиться на злобных зверей из Керны.

Ты не должен покидать Тару каждую девятую ночь.

Ты не должен спать в доме, в котором после заката горит огонь, и в доме, огонь в котором виден со двора.

Ты не должен следовать за тремя всадниками в красном в сторону дома Красного.

Во время твоего правления не должно случиться никаких грабежей и похищений.

Ни один мужчина и ни одна женщина не должны входить после заката в дом, в котором ты будешь находиться.

Ты не должен вмешиваться в спор, вспыхнувший между двумя твоими рабами»¹.

В результате козней народа Дану Койнаре сначала разнимает двух рабов, затем объезжает Тару неположенным образом, и вместе с войском они преследуют животных Керны, следует за всадниками в красном, останавливается на ночлег в доме, запрещенном ему для ночлега гейсом, и, наконец, дает приют старухе после заката солнца.

Гейсы накладывает и уже знакомый нам Кухулин, состоявший в родстве с кланом богини Дану и бывший учеником Катбада.

Результатом первого гейса, наложенного им, стала трагедия — смерть собственного сына. В стране теней у Кухулина остался внебрачный сын, которому он в наследство завещал кольцо, обладающее своеобразным магическим свойством: когда оно станет мальчику впору, ему будет нужно разыскать отца. Кроме кольца оставляет он для мальчика запреты и нарекает ему имя: «пусть он никому не называет себя, пусть никому не уступает дороги, пусть никогда не отказывается от поединка. Имя же его будет Конла». По достижении должного возраста юноша едет разыскивать отца и, будучи не в состоянии нарушить гейсы, погибает от его же руки.

В другой раз Кухулин накладывает магический гейс в тактических целях: стоя на одной ноге и прикрыв один глаз

¹ Цит. по изд.: Кельтская мифология. Энциклопедия / Пер. с англ. С. Голова и А. Голов. М.: Эксмо. 2002. С. 159.

рукой, он срубает молодой дуб и скручивает его в виде кольца, затем пишет на нем огамическую формулу¹, не позволяющую армии королевы Медб двинуться с места (заклятие распространялось на всех, кроме Фергуса — друга Кухулина), пока кто-либо не сделает дубовое кольцо аналогичным образом. Кольцо с магической надписью Кухулин водрузил на вершину камня в Ард-Куилен.

Гейсы самого Кухулина были таковы : не отказываться от мяса любого очага; не есть мясо собаки (в том числе и водяной собаки), так как в соответствии с его новым именем («пес Кулана») это было бы формой каннибализма, и не отказывать в помощи ни одной женщине. Обстоятельства складываются таким образом, что по дороге на битву Кухулин встречает трех старух, которые поджаривали мясо собаки на огне. Старухи предлагают ему разделить с ними трапезу, на что Кухулин сначала не соглашается. Старухи укоряют героя в неучтивости: «недостойно великого человека проходить мимо ничтожного дара и не принять его». В результате Кухулин оказывается в такой ситуации, что не может исполнить один гейс, не нарушив другой.

По мнению Ф. Леру, гейсы, выражавшиеся в строгих запретах, носящих религиозный характер, нарушение которых влечет за собой множество бед, использовались друидами в качестве средства давления и манипуляции воинским сословием. С другой стороны, гейсы можно рассматривать как некое предопределение, рок или судьбу. Возможно, что наложенные табу были неизбежной платой за выдающиеся способности, ни одному герою не удается избежать наложенных на него магических заклятий, и, в конце концов, с этим оказывается связана гибель каждого героя.

¹ См. раздел «Друиды и письменность. Огам. Языки кельтов».

В подобных случаях друида стоит воспринимать как прорицателя-ясновидца, буквально предсказывающего обстоятельства смерти, а не как своенравного коварного злодея с изощренной фантазией. Гейсы действительно бывали весьма изощренными, но какими бы трудноосуществимыми они на первый взгляд ни казались, рано или поздно обстоятельства складывались именно таким образом, что они осуществлялись невзирая на любые меры безопасности, предпринимаемые героем. Несоблюдение одного из запретов как будто запускало некий механизм, где за нарушением одного гейса следовало нарушение другого и т. д. Или же, как в ситуации Кухулин а, герой оказывался между двух огней и, осознавая, что идет на смерть, старался исполнить свой долг, не потеряв достоинства и не опозорив свой род.

Прорицания, гадания, ясновидение

Согласно ряду скел, друид для получения тайного знания и совершения магических действий должен был прийти в сакральное место, которое, как правило, находилось на могиле умершего героя, в пещере, на холме и т. д., и остаться там на ночь.

Друид Даллан, чтобы разыскать похищенную жену короля Эохаида, отправляется ночью к горе Слиаб Даллан. Там он срезает четыре тисовых прута и наносит на них огамические символы. С помощью полученных магических инструментов он определяет местонахождение королевы Этайн.

Для восстановления утраченных частей скелы «Похищение Быка из Куальнге» сын друида Сенхана Муирген остается на ночь у могилы Фергуса, участника событий, описываемых в «Похищении». Муирген поет камню песнь,

как если бы это был сам Фергус, обращаясь к нему с просьбой рассказать ему все «Похищение» целиком. Фергус удовлетворяет его просьбу: три дня и три ночи он рассказывает утраченное предание от начала и до конца.

Друид Мог Руитх прорицал с помощью колеса, отчего и получил свое имя («Гадающий при помощи колеса»).

В «Словаре Кормака»¹ описывается ритуал прорицания *imbus forosnai* (доел, «озарение светом»). Друиду надлежало разжевать кусок мяса собаки, кошки или свиньи, затем следовало положить этот кусок на камень возле двери и пропеть над ним заклинание, в котором друид обращался с просьбой принять его жертву, спустя некоторое время друид снова обращался к богам — на этот раз с просьбой оберегать его сон. После чего друид засыпал, и во сне ему¹ должны были открыться картины будущего.

Другой ритуал, описанный Кормаком, носит название «озарение песнью» или *teinm laegda*. Он заключался в том, что друиду для прозрения истины необходимо было коснуться большим пальцем зуба мудрости, после чего ответ приходил к нему в виде краткого стиха, либо дотронуться прутьями до предмета, относительно которого задавался вопрос, и также получить искомое озарение.

Целшпе/ибстео: заклинания, травы, музыка

Важнейшее значение в сфере друидического целительства имели различные магические и просто лекарственные растения. О происхождении целебных растений повествуется в скеле «Битва при Маг Туиред».

¹ «Словарь Кормака» составлен ирландским епископом Кормаком в X в.

Герой Нуаду в бою теряет руку, и Диан Кехт делает ему новую из серебра, которая функционирует как настоящая. Сын Диана Кехта, Мидху, желая улучшить «магическую хирургию», подходит к отрубленной руке, произносит заклинание «Сустав к суставу, и мышца к мышце!» и исцеляет Нуаду за три дня и три ночи. Самому Диану Кехту такое поведение сына приходится не по душе, и он его убивает. После смерти Мидху на его могиле выросло 365 трав по количеству мышц и суставов умершего. Его сестра Аирмид расстелила свой плащ и разложила травы согласно их целебным свойствам, но Диан Кехт снова вмешался и спутал все травы.

Лечение травами, как уже упоминалось, было широко распространено. Практике использования растений сопутствовали различные ритуалы. Помимо срезания омель, Плиний в «Естественной истории» описывает еще один обряд сбора трав.

Растение, о котором повествует Плиний, носит название селого, при его сборе нельзя пользоваться жезлом, жрецу подобало быть непременно в белой одежде, босому и с омытыми ногами; срывая растения, жрец должен был пропустить правую руку под одеждой таким образом, чтобы она вышла с левой стороны. Считалось, что такое растение может служить талисманом против всяких болезней, а его дым исцеляет болезни глаз.

Другое растение, растущий на болоте самолус, считалось лечебным против болезней скота, его следовало собирать натощак и левой рукой, а хранить где угодно, но подальше от любых напитков. Иногда добавляется, что тот, кто собирает самолус, должен делать это голыми руками, а если его срезать, то, уходя, ни в коем случае нельзя оглядываться.

Ветки вербены галлы использовали для предсказания будущего и жеребьевки, за что получили от Плиния оче-

редной упрек в том, что не делают различия между разновидностями трав и над всеми поют заклинания.

Друиды, помимо трав и заклинаний, использовали волшебное пение. Когда Кухулин влюбляется в богиню Фанд и уходит с нею, покинув свою законную супругу, за ним посылают друидов и заклинателей, которых он сначала чуть не убивает, но пока его держат за руки, пришедшие исполняют волшебные песни и рассудок Кухулина постепенно проясняется, а затем, благодаря эликсиру забвения, он забывает о Фанд.

Любой хорошей музыке в Ирландии приписывали также свойства умиротворять слушателей и погружать их в целительный сон.

В заключение отметим, что музыканты, например арфи́сты, причислялись к разряду *bo aige*, то есть свободных владельцев скота; они часто упоминаются рядом с филидами более высокого ранга¹.

Толкование снов

Упоминается в ирландских сказаниях и умение друидов толковать сны.

Однажды король Му́йрхертах видит странный сон: после кораблекрушения Му́йрхертаха уносит в когтях гриф, но затем они погибают. Друид, приходящийся ему молочным братом, говорит, что корабль — это его королевство, гибель корабля — это конец его власти и жизни, а гриф — женщина, которая его погубит. Дальнейшие события жизни Му́йрхертаха, приведенные в сказаниях, подтверждают верность друидического толкования.

¹ *Леру Ф. Друиды.*

Как-то раз на охоте король встречает прекрасную девушку и теряет из-за нее голову. Девушка соглашается жить с ним при двух условиях: мать детей Муйрхертаха должна быть удалена с ее глаз, а сам Муйрхертах ни при каких обстоятельствах не должен произносить имя своей новой возлюбленной. Когда король попросил девушку назвать свое имя, чтобы ни при каких обстоятельствах не нарушить ее условия, она ответила: «Это я Резкий Ветер, Буря, дочь благородных и чудных: Зимняя Ночь мое имя, для всякого места вместе. Вдох и Ветер: Зимняя Ночь». И вот впоследствии, в один из вечеров, на дворе развиралась буря, и король в разговоре с новой супругой восклицает: «Буря! Какая буря за окном!», тем самым нарушая свое обещание, и погибает подобно своему деду Лорну — спрятавшись в бочке и сгорев заживо¹.

Власть над стихиями и «боевая магия»

Друидам приписывали власть над стихиями и природой, считалось, что их могущество так велико, что с помощью колдовства одним своим желанием они могут, к примеру, иссушить реку.

Огромной силой в сказаниях наделяется «огонь друидов» и все связанные с ним магические практики. Использовался этот огонь по-разному: например, для особо важных предсказаний — тогда он добывался из костра, разожженного на рябиновых поленьях.

Друид Китруад создает магический огонь во время осады Друим Дамгайре^{1 2}. Для создания такого огня друид посылает

¹ Смерть Муйрхертаха, сына Эрк // Исландские саги. Ирландский эпос. М.: Худож. лит.. 1973. С. 679.

² См.: Леру Ф. Друиды.

солдат в лес за дровами из рябины и велит из них разжечь костры. Когда пламя разгорается, друид следит за его направлением, чтобы в зависимости от того, куда оно отклонится, дать указания войскам. Китруад возвещает, что если пламя обратится к югу, то армии Кор мака (тогдашнего короля Ирландии) надлежит преследовать вражескую армию, а если к северу, то необходимо немедленно уходить, потому как войско Кормака будет разбито, даже если будет стойко обороняться.

Вероятнее всего, в данном конкретном случае мы имеем дело как раз с упомянутыми ранее знанием законов природы и научным прогнозированием, подкрепленными авторитетом друида и ритуалом. Видя сложное положение армии Кормака, друид предлагает свою магическую помощь в качестве предсказателя, затем, определившись с направлением ветра, дает наилучшее, на его взгляд, тактическое решение.

В «Битве при Маг Туиред» бог Ллуг обращается к друидам с вопросом: чем они могут быть полезны в битве с фоморами? Те отвечают, что нашлют на лица фоморов потоки огня, да так, что те уж не поднимут головы.

Филид Аэд Мак Айнин спасает себе жизнь тем, что иссушает реки и озера, в которых его безуспешно пытаются утопить.

Другой друид, Мог Руитх, наоборот, возвращает людям Мунстера воду, иссякшую вследствие колдовства. С помощью воина Кенмхара, копавшего на месте предполагаемого источника, друид произносит заклинание, а когда заканчивает — вода с шумом пробивается сквозь земную твердь и растекается по всем долинам, руслам и водоемам.

При помощи волшебного ветра друиды богини Дану помешали сыновьям Миля высадиться на ирландский бе-

рег. Упомянутый выше друид Мог Руитх при помощи «дуновения друидов» обращает своих врагов в камень.

Во власт и друидов были и другие стихии — земли и дерева. В битве при Маг Туиред друид Матген обещает Ллугу в помощь двенадцать первых гор ирландской земли, а колдуньи Бе Куйлле и Дианан грозят при помощи чар превратить камни, деревья и дерн на земле в хорошо вооруженную армию, способную обратить противника в бегство.

Создание живого из неживого

В одном из валлийских сказаний, приведенных в «Мабиногион», мы находим следующий интересный пример магического творения жизни.

Король Мат (как и все короли в «Мабиногион», он отчасти и друид, поскольку владеет магией) помогает снять проклятие с сына своего племянника — будущего героя Ллеу. Мать Ллеу, Арианрод, не признавала сына, и, после того как Гвидион (племянник Мата) хитростью заставил дать сыну имя и оружие вопреки ее же проклятиям, Арианрод снова проклинает Алеу и предрекает ему, что «он никогда не женится на девушке из племени людей, живущих на земле». В следующей цитате мы, кроме всего прочего, видим причудливое сочетание друидической магии с уже распространенным среди кельтов на момент записи эпоса христианством:

«„Ну что ж, — сказал Мат, — мы с тобой применим наше волшебство и сотворим ему жену из цветов*⁴. А Ллеу вырос прекраснейшим юношей из всех, что жили тогда. И они взяли цвет дуба, таволги и ракитника, и сотворили

из него прекрасную девушку, и крестили ее святым крещением, дав ей имя Блодейведд»¹.

Нужно учитывать, что крещение в данном и последующих случаях означает в первую очередь магический ритуал наречения имени по кельтскому обряду, поскольку имя девушки, как уже говорилось выше, несет смысловую нагрузку: в буквальном переводе имя Влодьювидд означает «подобная цветам». Стоит заметить, что в Ирландии цветоводство было не распространено вплоть до XVII в., более того, цветы, в особенности те, что растут на воде, считались опасными. Вероятней всего, это было связано с тем, что цветы своей яркой окраской привлекали детей, что было чревато нежелательными последствиями^{1 2}.

Защита

В валлийском сказании «Бранвен, дочь Ллира» раненый предводитель людей Острова Могущества Бендигейд Вран велит оставшимся в живых соратникам отрезать ему голову (считавшуюся у кельтовместилищем души) и похоронить ее в Лондоне на Белом холме, дабы она защищала остров:

«„Возьмите мою голову, — велел он, — и отнесите ее на Белый Холм в Лондоне, и похороните там лицом к стране франков. И вы должны долгое время провести в дороге. В Харлехе вы будете пировать семь лет, и птицы Рианнон будут петь вам. И моя голова должна все время быть с вами,

¹ Мат, сын Матонви Ц Мабиногион: Легенды: средневекового Уэльса. С 64.

² См.: Михайлова Т. А. Хозяйка судьбы. Образ женщины в традиционной ирландской культуре. М., 2004.

как будто она на моих плечах. И в Гуэлсе в Пенфро вы должны находиться четыре по двадцать лет, и вы останетесь там, пока не отомкнете дверь в Абер-Хенвелен и Корнуолл. И когда вы отомкнете эту дверь, вы отправитесь в Лондон и похороните там мою голову./ <...> И они похоронили голову на Белом Холме; и это было одно из Трех счастливых погребений этого острова и причина Трех злосчастных выкапываний, ибо никакая опасность не приходила на остров с моря, пока голова не была выкопана»¹.

Позже голову Брана Благословенного выкапывает король Артур, не желавший, чтобы остров защищала какая-либо сила, кроме его собственной.

Изменение обушка

В валлийском сказании «Мат, сын Матонви» Мат (являвшийся братом богини Дон, у ирландцев — богини Дану) наказывает своих племянников Гилфайтви и Гвидиона за то, что они обманом выманивают его на поединок, а в его отсутствие лишили чести девушку, «державшую его ноги у себя на коленях»^{1 2}.

«И он поднял волшебный жезл и ударил им Гилфайтви, и тот превратился в оленюху. Он ударил и Гвидиона, который хотел убежать, и тот стал оленем. „В наказание я велю вам жить вместе, как диким зверям, облик которых вы приняли. И у вас будет то же потомство, что и у них. Через год в этот же день вы придете ко мне“.

¹ Бранвен, дочь Алира // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 38—40.

² Девушка в данной истории выступает как источник сил для мага, также в дальнейшем эта история переосмысливается как «бесчестье королю», лишаящее его магической силы.

И ровно через год он услышал шум за стенами дворца и лай собак. „Посмотрите, что там⁴⁴, — велел он слугам. „Господин. — сказали ему, — там олень с оленихой и с ними детеныш⁴⁴. Услышав это, он встал и вышел на крыльцо. И там он увидел трех зверей: оленя, олениху и прелестного олененка. И тогда он поднял свой жезл. „Тот из вас, кто был этот год оленихой, станет диким кабаном, а тот, кто был оленем, станет свиньей, — сказал он и ударил их жезлом, — но детеныша я беру на воспитание⁴⁴. И он дал ему в крещении имя Хиддун. „Идите же и будьте животными, в которых я обратил вас, а через год приходите ко мне в этот же день вместе с потомством⁴⁴.

И через год он услышал лай собак и шум за дворцовой оградой. Тогда он встал и вышел наружу, где увидел трех зверей. Это были дикий кабан и дикая свинья и с ними маленький поросенок. „Что ж, — сказал Мат, — я возьму его и воспитаю⁴⁴. И он ударил поросенка волшебным жезлом, и тот превратился в прекрасного юношу с каштановыми волосами. И в крещении он получил имя Хихдун. Им же он сказал: „Тот из вас, кто был кабаном, в следующем году будет волчицей, а тот, кто был свиньей, станет волком⁴⁴. И он ударил их жезлом так, что они превратились в волка и волчицу. „Вы будете носить облик этих зверей в течение года; через год приходите сюда же вместе с вашим потомством⁴⁴.

И в тот же день год спустя он услышал шум и лай собак за стенами дворца. Он встал и вышел наружу, где увидел волка с волчицей и с ними здорового и сильного волчонка. „Я возьму его, — сказал он, — и воспитаю, и у меня есть уже имя для него. Пусть он зовется Бледдун“. <...> И после этого он коснулся их обоих волшебным жезлом, и они обрели свой первоначальный облик. „Люди, — сказал он, — если вы сделали мне зло, то вы испутили его. И за позор, причи-

ненный мне, вы уплатили своим позором. Приготовьте же для них баню, и вымойте их, и оденьте*»¹.

В той же легенде рассказывается, как герой Ллеу, пытаясь бежать от своих преследователей, превращается орла.

В «Истории Талиесина» описывается его побег от колдуньи Каридвен:

«И она погналась за ним, а он, увидев ее, превратился в зайца и побежал. Но она превратилась в борзую и догнала его. Тогда он бросился в реку и превратился в рыбу. Но она сделалась выдрой и настигла его. Тогда он превратился в птицу и взмыл в небо. Но она сделалась соколом и догнала его в небе. Когда она уже почти схватила его, он, скованный еграхом смерти, камнем упал в кучу зерна, сложенную в амбаре, и превратился в одно из зерен. Тогда она сделалась черной курицей, и принялась р>азгребать кучу, и нашла его, и тут же проглотила..»^{1 2}

Воскрешение мертвых

Из валлийских сказаний мы узнаем о практике воскрешения мертвых при помощи волшебного котла, ранее принадлежащего племени богов Ту ага Де Данаан:

«Ия еще увеличу возмещение, — сказал Бендигейд Врзан, — я дам тебе котел, и свойство этого котла таково, что если погрузить в него сегодня убитого человека, то назавтра он будет так же жив, как раньше, крюме того, что не сможет говорить»³.

¹ Мат, сын Матонии // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 58-60.

² История Талиесина // Там же. С. 238.

³ Бранвен, дочь Ллира // Там же. С. 31.

Подобная практика описана и у ирландцев. Бог-целитель Диан Кехт, его сыновья и дочь наложили заклятье на источник под названием Слапе, положив в него понемногу от каждой травы, растущей в Ирландии. Смертельно раненные воины погружались в этот источник и возвращались к жизни, когда четыре друида, стоявшие вокруг источника, пели свои заклинания.

Другой друид, Дростан, помогает исцелить королю Ирландии своих раненых воинов: собрать молоко от ста двадцати безрогих коров, наполнить им яму, вырытую прямо посреди поля боя, и окунать туда раненых воинов. Друид заверил приближенных короля, что на теле воина, погруженного в такую яму, не останется и следа от ранения.

Лишение дара речи

Согласно сказаниям, могущество друидов было так велико, что они могли лишить человека дара речи или даже заставить говорить либо издавать какие-то звуки помимо воли.

Бард Талиесин заставляет бардов, находящихся при дворе короля Меллгона Гвинеда и уже утративших друидические знания, замолчать, а при попытке заговорить те издадут лишь непонятные звуки:

«И вот, когда барды и герольды встали, чтобы воспеть достоинства короля, и проходили мимо места, где сидел Тталиесин, он надул губы и принялся пальцем водить по ним, извлекая звуки наподобие „блерум-блерум“. Никто из них не обратил на него внимания, но, приблизившись к королю, они вдруг не смогли вымолвить ни единого слова, а лишь надули

губы и стали водить по ним пальцами, говоря „блерум-блерум“, как мальчик, которого они видели»¹.

Бард не просто занимался запоминанием текстов и прославлением короля, при дворе которого находился. Его стихи и песни должны были содержать особую магию, являть настоящее вдохновение, открывать тайны, отражать истинное положение вещей. Барды, находившиеся при дворе Меллгона, растеряли свой дар и поэтому не смогли противостоять Талиесину. Вот что он говорит, обращаясь к ним:

«Если вы настоящие барды
И извели все науки,
То поведайте Мите о тайнах,
Что сокрыты в глубинах бездны,
Где чудовище обитает
В адской пропасти беспредельной,
Где любые земные горы
Канут до снеговой вершины.
То чудовище неуязвимо,
Не боится мечей и копий,
Девятьсот груженных повозок
Унести оно может в лапах;
В темноту глядит одним глазом,
Что морского льда зеленее;
Три источника вытекают
Из его могучего зева;
Имена этих трех потоков
Я скажу вам, от вас не скрою.
Первый — тот океан рождает,

¹ История Талиесина // Мабиногион.... С. 246.

Что течет из глубин Корина,
Все моря наполняя влагой;
А второй равномерно льется
На людей и всю тварь земную,
Когда дождь идет животворный
С грозового темного неба;
Третий же посылают горы
Вниз с вершин на свои долины,
Засыпая их битым щебнем.
Вы такого, барды, не знали,
Суется в погоне за славой.
Где вам славить державу бриттов!
Но пришел я, бард Талиесин,
Посрамить вас, фальшивых бардов...»¹

* *

Возможно, что в описанных выше случаях применения друидами магических практик несколько преувеличено их могущество, однако именно то, какими они предстают в легендах и сказаниях, в полной мере демонстрирует веру кельтов в друидизм и высокий статус друидов в кельтском обществе.

Теперь мы обратимся к одному из важнейших, зловещих и наиболее спорных вопросов, напрямую связанных с магией друидов, и попутно постараемся получить наиболее ясное представление о том, что же такое магия.

¹ История Талиесина // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 249.

МАГИЯ И ПРОБЛЕМА ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ

Самой известной из античных источников магической практикой друидов, подвергавшейся резкому осуждению со стороны римлян и греков и вызывающей живейший интерес современных исследователей, несомненно, является жертвоприношение.

Говоря о жертвоприношении у друидов, нужно иметь в виду, что это именно *магическая* практика, и здесь нам уже не обойтись без более подробного рассмотрения самого понятия «магия».

Вот одно из описаний магии, звучащее удивительно современно (хотя и спорно) и тем не менее сделанное почти две тысячи лет назад:

«Магия — это одна из немногих вещей, о которых необходим продолжительный разговор, и лишь потому, что, будучи самым обманчивым из искусств, она всегда и везде пользовалась самым безусловным доверием. Пусть нас не удивляет, что она приобрела столь обширное влияние, ибо она соединила в себе три искусства, более всего волнующие человеческий дух. Изначально появившись из Медицины, в чем никто не может сомневаться, она, прикрываясь заботой о нашем теле, прибрала к своим рукам и душу, приняв обличье более священного и глубинного духовного целительства. Во-вторых, обещая людям самое приятное и соблазнительное, приписала себе заслуги Религии, по поводу которых в человеческих умах и по сей день нет ясности. И дабы увенчать все это, она прибегла к Астрологии; ведь каждый

желает знать будущее и убежден, что такое знание вернее всего получить от небес. И так, заковав человеческий разум в эти тройные оковы, она простирает свою власть над множеством народов, и цари царей поклоняются ей на Востоке...»¹

Термин «магия» (*лат.* *magia*, от *греч.* |дауи<б<;) появился в незапамятные времена: магами греки называли персидских и мидийских жрецов, но сама магия значительно древнее — она появилась, вероятнее всего, в ту пору, когда «человек разумный» (*homo sapiens*) оформился как вид, а может быть, и раньше. Такое предположение нам позволяет сделать сам предмет магии, ее цели и методы их достижения. Ведь в широком смысле магия — это «Наука и Искусство вызывать Изменение, совершающееся в соответствии с Волей»², и под это определение подпадает почти вся человеческая деятельность... В более узком смысле магией являются любые действия, ведущие к достижению заранее поставленной цели, но лишь те, что выходят за рамки обыденности и общепринятой системы знаний. Можно было бы использовать термин «сверхъестественное», если бы не полная его ложность, поскольку в Природе, в Натуре, в Естественном не может быть ничего «сверх», т. е. выходящего за его рамки. Таким образом, магия оказывается весьма близка к науке, и порою между ними нельзя провести четкой грани: ведь и наука зачастую обращается к силам и законам, которых не знает до конца и лишь строит на их счет гипотезы, пытаясь затем найти им экспериментальное подтверждение. Если в недалеком прошлом главное отличие науки было в стремлении «обездушить» Бытие, лишить его права на любую духовность, то сейчас на передовых рубежах науки, в первую очередь

¹ *Плиний Старший. Естественная история. XXX, 1—13.*

² *Кроули А. 'истер. Магия в теории и на практике. М.: Аокид-Миф, 1998.*

в квантовой физике, эта граница фактически размыта, а сам эксперимент неотделим от личности и воли экспериментатора. Более того, широкое хождение среди части физиков получил термин «квантовая магия»¹... Далее мы постараемся ограничиться более традиционным пониманием сего предмета, тесно связанным с религией и мистицизмом.

Древняя магия представляет собой синтез накопленного опыта взаимодействия с различными природными феноменами физического и нефизического происхождения, наблюдений, верований и философии, суть которой в том, что в основе всего лежит беспредельная и необъяснимая «энергия». Часто магию связывают с культом мертвых, так как смерть есть возвращение к природе, и если при жизни энергия, содержащаяся внутри человеческого тела, сдерживается «оболочкой», то после смерти она освобождается и начинает существовать по иным законам. Стремление управлять подобными видами энергии или силы, познать их законы и породило магические культы.

Не следует забывать и о такой немаловажной (>азновдности магии, как медицина. Первыми адептами магической науки становятся те, кто хорошо разбирается в лекарственных свойствах растений и адов, — неслучайно греческое слово *pharmakon* обозначает и лекарство и чары одновременно.

Естественные свойства вещей и законы их взаимодействий, преломленные в поэтическом воображении, воплотились в церемониях и обрядах, привязанных к определенным местам, ставшим со временем сакральными. Неудивительно, что появляется и необходимость в людях, которые могли бы регулярно совершать нужные обряды, и, дабы бога и духи

¹ См. , например: *Заречный М. Квантово-мистическая картина мира. Структура реальности и путь человека.* СПб.: Вест, 2006; *Доронин С. И. Квантовая магия.* СПб.: Вест, 2007.

природы не прогневались, совершать их правильно — так появляется институт священнослужителей-магов:

«У мага нет сомнения в том, что одни и те же причины всегда будут порождать одни и те же следствия, что свершение нужного обряда, сопровождаемое определенными заклинаниями, неизбежно приведет к желаемому результату, если только колдовство не будет сведено на нет более сильными чарами другого колдуна. Маг не упрощает высшую силу, не ищет благорасположения переменчивого и своевольного сверхъестественного существа, не унижается перед грозным божеством. Но власть его, сколь бы великой он ее ни считал, никоим образом не является властью произвольной и безграничной. Он располагает ею лишь постольку, поскольку строго следует правилам своего искусства или природным законам, как он их понимает. Пренебрегать этими правилами, преступать эти законы (пусть даже в самом малом) — значит навлекать на себя неудачу и даже подвергать крайней опасности свою жизнь. Если маг и претендует на верховную власть над природой, то это власть конституционная, ограниченная в своих полномочиях и осуществляемая в точном соответствии с древним обычаем»¹.

Будем иметь в виду все сказанное, возвращаясь к рассмотрению непосредственно кельтской магии, то есть друидизма. Вполне определенные и подробные высказывания о ней мы находим у Цезаря:

«Все галлы чрезвычайно набожны. Поэтому люди, пораженные тяжкими болезнями, а также проводящие жизнь в войне и в других опасностях, приносят или дают обет принести человеческие жертвы; этим у них заведуют друиды.

¹ Фрэнгер Дж. Дж. *Золотая ветвь. Исследования магии и религии.*
С. 68.

Именно галлы думают, что бессменных богов можно умиловать не иначе, как принесением в жертву за человеческую жизнь также человеческой жизни. У них заведены даже общественные жертвоприношения этого рода. Некоторые племена употребляют для этой цели огромные чучела, сделанные из прутьев, члены которых они наполняют живыми людьми; они поджигают их снизу, и люди сгорают в пламени. Но, по их мнению, еще угоднее бессмертным богам принесение в жертву попавшихся в воровстве, грабеже или другом тяжелом преступлении; а когда таких людей не хватает, тогда они прибегают к принесению в жертву даже невиновных»¹.

Попробуем разобраться, что же на самом деле стоит за словами Цезаря — хитроумного политика, опытного дипломата и блестящего полководца-завоевателя.

Во-первых, Цезарь делает акцент на том, что галлы очень набожны и ему как римлянину это бросается в глаза, потому что в Риме на тот момент была уже весьма поверхностная система культов различных богов, божеств и духов. К тому же пантеон постоянно обогащался божествами завоеванных народов, и постепенно их обилие и разнородность привели к тому, что люди стали утачивать какую бы то ни было веру. Римляне все еще устраивали праздники в честь своих божеств, ходили в храмы, делали богатые пожертвования словесным и родовым покровителям, но все более формально, скорее выполняя некий общественный долг, нежели руководствуясь искренней и глубокой ве[^]юй.

Нетрудно понять, что религия в Риме в ту пору из стержня жизни превратилась в красивый, но пустой ритуал, легко сочетаемый с любым другим — в том числе с экзотическим и запретным в ту пору христианством... В Галлии и других

¹ Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Кн. VI, 16.

кельтских странах все обстояло иначе. Религия являлась не просто частью жизни: все бытие было буквально пронизано верой — фанатичной верой в магию. И вера эта была настолько велика, что вся реальная власть надежно пребывала в руках служителей культа — друидов.

Вернемся к словам Цезаря. Он пишет, что к друидам обращаются не только люди, пораженные тяжелым недугом, но и люди, проводящие всю свою жизнь в битвах, т. е. воины, храбрость и отвагу которых отмечает и он сам. Эти люди тоже подчиняются друидам. По свидетельству Цезаря, воинам даже в голову не приходит противостоять друидам, настолько они верят в их силу и силу исполняемых ими ритуалов. Также верят они в то, что отлучение от ритуала грозит им гибелью.

Далее: «галлы думают, что бессмертных богов можно умиротворить не иначе, как принесением в жертву за человеческую жизнь также человеческой жизни». Тут нужно вспомнить, что друиды — это не только служители культа в современном понимании, они еще и ученые своего времени, т. е. они исследуют окружающий мир всеми доступными для них способами. С этой точки зрения «одна человеческая жизнь за другую», как бы кощунственно это ни звучало, есть не что иное, как закон сохранения энергии. Древняя магия основывалась (как современное американское законодательство — на прецеденте, как наука — на повторяемом эксперименте) на том, что можно было проверить опытным путем, на том, что однажды случилось и привело к нужному результату.

Далее Цезарь сообщает нам, что в жертву галлы обычно приносили преступников, воров или вообще всех, кто совершил тяжкий проступок, словно именно эти «категории граждан» угоднее всего были кельтским богам в качестве жертвы. Что ж, для древнего общества вполне логичное и закономер-

ное решение, — не следует забывать, что уже в христианской Европе и в странах Востока воровство довольно долго каралось смертью. В этом смысле галлы «убивали двух зайцев» — казнили преступников и угождали богам. Возможно, в число жертв входили также и пленные. Цезарь упоминает, что при «недоборе» галлы приносили в жертву и невиновных соплеменников. Тут опять-таки не стоит забывать, что речь идет о чрезвычайно набожных людях. Если принимать свидетельства Цезаря на веру, то принесение в жертву человека невиновного в таком случае может быть только *добровольным выбором* самой жертвы.

Религиозный максимализм, свойственный кельтам, в полной мере проявляется и пять веков спустя после галльской кампании Цезаря — уже на ирландской земле, во время проповеднического служения св. Патрика.

«В те еще времена, когда вся Британия была погружена в холод неверия, досточтимая дочь одного из королей по имени Монесан была преисполнена Духом Святым, с чьей помощью не принимала она ни одного предложения, хотя многие сватались к ней. Нередко поливали ее обильно водой, но и тогда нельзя было принудить ее пойти против желания и совершить недостойное. Когда среди побоев и потоков воды принуждали ее покориться, она все спрашивала свою мать и кормилицу, знают ли они Творца колеса, освещающего мир, и слышала в ответ, что создал солнце Тот, Чей престол — небеса; она, часто принуждаема к замужеству, отвечала, просветленная ярчайшим светом Святого Духа: „Никогда не совершу я этого*. Ибо по примеру патриарха Авраама всем существом искала она Творца всего созданного. В великом горе пребывали ее родители, а услышав, что каждый седьмой день является праведному мужу Патрику Господь, отправились со своей дочерью в Ирландию. С пре-

великими трудами добрались они до него. Спросил он у новоприбывших: кто они? Пришельцы воскликнули: „Горячее желание дочери нашей увидеть Господа привело нас к тебе“. Тогда, преисполнившись Святым Духом, возвысил Патрик голос и спросил: „Веруешь ли ты в Бога?“ И ответила она: „Верую*. Тогда погрузил ее Патрик в купель с водой и Духом Святым. Не сходя с места, рухнула тогда девушка на землю и испустила дух свой в руки ангельские. Погребли ее там, где скончалась. И предрек Патрик, что через двадцать лет перенесут ее тело с почестями в часовню неподалеку. Так потом и случилось. Мощам девушки из-за моря и посейчас поклоняются там»¹.

Логика набожного кельта весьма проста: если Царствие Небесное наследуется после смерти каждым христианином, то к чему ждать долго? Но так как самоубийство тяжкий грех, то горячее желание воссоединиться с Господом приводит к тому, что Он сам забирает душу только что крещенного кельта.

Вернемся к кельтским жертвоприношениям. Цезарь и Страбон так описывают их: для церемонии в качестве жертвенника изготавливают огромное чучело из прутьев, которое наполняют предназначенными в жертву людьми, помимо них в жертву приносятся также и домашний скот, и другие животные — все они оказываются в чучеле и сжигаются... В описаниях этой церемонии у Страбона и Цезаря есть некоторые расхождения: Цезарь говорит, что идол, наполняемый людьми, делается из прутьев, а Страбон — что из сена и дерева, но

¹ Житие святого Патрика / Пер. с лат. Г. В. Бондаренко и С. В. Шкунава. Перевод выполнен по изданию: *The Patrician texts in the Book of Armagh* / E.d. L. Bieler. Dublin, 1979 (*Scriptores Latini Hiberniae*. Vol. X). P. 62 — 122. (Источник: <http://www.odysseus.msk.ru/nunibers/Year—2006&id=41.>)



это не меняет сути дела. Прежде всего, представляется маловероятным, чтобы конструкция, состоящая из таких материалов, да еще в форме чучела (т. е. с руками, ногами, головой), могла выдержать и людей, и животных — причем не только домашних, но и диких! О них упоминает Страбон: «затем бросали туда скот и всевозможных диких животных, а также людей, и все это вместе сжигали». А Цезарь уточняет, что *все члены* чучела наполняются людьми. Очевидно, что уже для того, чтобы заполнить идола, сделанного из прутьев в форме человеческого тела, все еще живыми людьми, скотом и дикими животными, было просто необходимо чудо...

Далее Страбон продолжает описывать галльские зверства:

«...Римляне отучили их от обычаев, жертвоприношений и гаданий, противоположных тем, что в ходу у нас. Они наносили человеку, обреченному в жертву, удар в спину и гадали по его судорогам. Однако они не приносили жертв без друидов. Упоминаются еще и другого рода человеческие жертвоприношения; они расстреливали свои жертвы из лука или распинали их в святилищах...»¹

Напомним, что распятие — это казнь, практикуемая в первую очередь самими римлянами. Смерть от стрел также вызывает множество вопросов, так как ни один кельтский народ не использовал в ту пору лук. Есть версия, например у С. Пиготта, что стрелы использовали только в ритуальных целях. Если следовать этой версии, все равно остается непонятным тот факт, что ни в одном из древних кельтских языков нет слова для обозначения, пусть даже в ритуальных целях, этих предметов. В ирландском языке все слова, связанные со стрельбой из лука, заимствованы из латинского и других иностранных языков, а в древних текстах не встречается ничего похожего по описанию.

Согласно римскому поэту Лукану, жившему в I в. н. э., кельты приносили жертвы Тевтату, Езусу и Таракису, «что были не добрее Дианы скифской». М. Элиаде, исследуя этот вопрос, пишет:

«Подлинность этих имен подтверждается надписями галло-римского периода, упоминающими Езуса, Гаранукуса (или Юпитера Таранукуса) и Марса Тутатиса. Автор одного средневекового комментария (имеется в виду *Commenta Bemensia*, приведено в: /. *Zwicker. Fontes historiae rellgiois Celticae*, 1, p. 51 sq.) попытался истолковать эти надписи, но

¹ *Страбон. География. С. 188.*

его толкования противоречивы. Однако комментарий содержит точные сведения о видах жертвоприношений, приличествующих каждому божеству: в честь Тевтата человека надлежало утопить в чане с водой; для Езуса жертву подвешивали на дерево и выпускали из нее кровь; Таранис, „владыка воинств и величайший из всех небесных богов“, требовал сожжения жертвы в деревянном коробе»¹.

Отдавая дань уважения знаменитому религиоведу, не можем все же не отметить, что довольно странно опираться в исследованиях на комментарии, написанные через много столетий после комментируемых событий, т. е. «жертвоприношений» богам, о которых ничего не известно из наиболее аутентичных источников — самих кельтских сказаний. Сами же изображения из археологических раскопок истолковывать можно как угодно.

Множество несоответствий и нестыковок невольно приводят к вопросу: а были ли человеческие жертвоприношения у кельтов на самом деле? Весьма сомнительным представляется и то, что друиды, настолько ревностно охраняющие свои тайны не только от чужаков, но и от своих соплеменников, что даже не пользуются письменностью и уводят на период обучения учеников в леса, вдруг начинают совершать такое таинство, как жертвоприношение, при всеобщем обозрении да еще допускают к участию в нем (не в качестве жертв) иностранцев. А предсказание, добытое способом, описанным Страбоном со ссылкой на Посидония («гадание по судорогам» и т. д.), и подавно должно было иметь настолько тайный характер, что случайный очевидец обретал все шансы превратиться в следующий «инструмент гадания».

¹ *Элиаде М. История веры и религиозных идей: В 3 т. / Пер. А. А. Стариной. М.: Критерион, 2002. Т. 2. С. 124.*

Однако четыре таких авторитетных античных автора, как Посидоний, Страбон, Диодор Сицилийский и Гай Юлий Цезарь, в один голос свидетельствуют в своих трудах о зверствах галльских жрецов.

О Посидонии и его трудах С. Пиготт отзывается следующим образом: «...возвращаясь к Посидониеву рассказу о друидах, следует заметить, что если и есть в нем некий элемент „мягкого“ примитивизма, то он уравновешен откровенным и неприукрашенным описанием сопутствующих им варварских обычаев, таких как человеческие жертвоприношения. В последнее время, как мы дальше увидим, была сделана попытка снять с друидов вину, отрицая их участие в этих варварских обрядах. Но это всего лишь порыв отчаяния, направленный на то, чтобы сохранить образ „мягкого“ примитивизма в нелегкой ситуации. Возможно, на манер Зенона в III веке до н. э. (когда тот пытался оправдать канибализм тем, что он якобы может не быть аморальным „в некоторых обстоятельствах“ у примитивных народов) некоторые стоики могли счесть приемлемыми даже такие обряды. Но Посидоний сообщает о них безыскусно, как об еще одном дикарстве, наравне с любимой кельтскими вождями „охотой за головами“...»¹

Одной из главных проблем при обращении к античным источникам оказывается привычная для той поры практика использования большого фрагмента текста или пересказа без ссылки на автора. Считалось, что читатель, как человек образованный, легко распознает в тексте одного автора авторство и свидетельство слов другого. Но, к сожалению, рукописи горят, и множество первоисточников погибло, а сведения, содер-

¹ *Пиготт С.* Друиды. Поэты, ученые, прорицатели / Пер. Е. Ф. Левиной. М.: Центрполиграф, 2005. С. 107.

жащиеся в них, дошли до наших дней лишь в переложении и обработке других авторов. Античная традиция основывалась на авторитете и не предполагала обработку и перепроверку уже имеющихся данных заново. Такая ситуация приключилась и с друидами. В своих научных изысканиях Посидоний пользовался массалиотскими источниками, из которых мог почерпнуть знания о галльских священных ритуалах, а данные эти могли быть весьма и весьма разнородными и, вполне вероятно, не очень достоверными. Какие источники использовал Посидоний? Может быть, рассказы путешественников и бродяг в портовой массалиотской таверне?.. Жил ли Посидоний среди кельтов, как он сам это утверждает, или же он «слегка преувеличивает»? Страбон и Диодор писали уже после захвата Галлии римлянами и в своих трудах открыто ссылались на Посидония. Плиний Старший также писал после Посидония, открыто отстаивая в своих трудах интересы Рима и опираясь на тексты своих предшественников, — он просто не мог отзываться о друидах иначе. Поэт Лукан был придворным поэтом императора Нерона, который в 61 г. поручает Паулину Светонию «уничтожить друидов раз и навсегда», и было бы странным, если бы Лукан написал что-либо хвалебное в их адрес.

Что же касается Цезаря, то в своем повествовании о военной кампании 52—51 гг. до н. э. он использует труды Посидония, но прямо на них не ссылается, создавая тем самым впечатление свидетельства «непосредственного участника событий», коим он действительно является — но только в отношении военных действий и дипломатических коллизий, что не имеет прямого отношения к религиозным обрядам. Цезарь действительно воочию наблюдает галльский социум, возможно, некоторые «бытовые ритуалы», совершаемые в повседневной жизни простыми галлами. Но поскольку его

« Записки о Галльской войне », по меткому замечанию того же С. Пиготта, носят «самооправдательный характер», то становится вполне понятным, почему Цезарь пишет о жертвоприношениях.

Дело в том, что от практики жертвоприношений в самом Риме на тот момент отказались не так давно. По свидетельству Плиния Старшего, «в действительности только в 657 г. от основания Рима, при консульстве Корнелия Лентула Красса, сенат запретил человеческие жертвоприношения; это доказывает, что вплоть до того времени подобные ужасные обряды могли совершаться. Галлы исполняли их до наших дней, ибо только император Тиберий призвал к порядку друидов и всю орду пророков и знахарей. Но что пользы издавать запреты на искусство, уже перебравшееся через океан и подступившее к самым границам Природы»¹.

Цезарю было удобно выставлять галлов в невыгодном свете — варварами с бесчеловечными и омерзительными обрядами, возглавляемыми кровожадными жрецами. У современников Цезаря и у всех грядущих поколений галлы должны были вызывать брезгливость и страх — по логике вещей подобный народ, находящийся в конфронтации с Римом, заслуживал полного уничтожения. Вероятно, по этой причине он напрямую не называет друидом своего соратника Дивитиака. Описывая его как человека преданного Риму, верного, справедливого и разумного, Цезарь просто не может открыто сказать, что Дивитиак был друидом!

Аналогичным образом римляне поступали и с первыми христианами, объявив евхаристию каннибализмом. Первые христиане к причастию допускали только братьев по вере, принявших крещение, остальные же, неопиты — «оглашен-

¹ Плиний Старший. Естественная история. XXX, 12—13.

ные», — должны были покинуть помещение, в котором шла служба, т. е. само таинство причащения проходило для них «за закрытыми дверями», что породило множество фантазий и слухов, умело использованных римлянами — христиане якобы причащались настоящей кровью и плотью принесенных в жертву людей... Это произвело должный эффект в римском обществе и сыграло свою роль в отношении к христианам в целом.

Обращаясь к ирландским текстам как к наиболее достоверным источникам, находим *единственное* упоминание о жертвоприношениях в «Лейнстерской книге» в составе трактата, озаглавленного «Диншенхас» («Старина мест»):

« Почему так названа Маг Слехт¹ ? А вот почему. Стоял там величайший из идолов всей Ирландии, что назывался Кром Кройх, а вокруг него были двенадцать каменных идолов. Сам же он был из золота, и почитали его как божество все народы, что захватили Ирландию до прихода Патрика. По обычаю, подносили ему первые плоды и перворожденных любого семейства. Раз пришел к Кром Кройху король Ирландии Титернах сын Фоллаха, со всем множеством мужей и женщин Ирландии, дабы почитать его. И простерлись они все перед ним, так что лопнули их лбы, переносицы, колени и локти, и погибло там три четверти всех ирландцев. Отсюда и Маг Слехт^{1 2}.

Сама «Лейнстерская книга», известная еще как «Нугавальская книга», представляет собой средневековый ирландский манускрипт, датируемый примерно 1160 годом. Этот труд в числе прочих содержит такие тексты, как «Похищение Быка из Куальнге», «Книга захватов» и «Старина мест», из которого и приводится цитата.

¹ «Равнина Поклонения».

² Старина мест // Предания и мифы средневековой Ирландии.

Отнесемся к этому свидетельству со всем вниманием, однако отметим следующее. Во-первых, это единственное письменное свидетельство и упоминание о принесении человеческих жертв. Во-вторых, о самом Кром Кройхе никаких упоминаний, кроме этого текста, нет, и нет никаких археологических доказательств существования подобного культа на территории Маг Слехт. В-третьих, Кром Кройхе по описанию очень похож на Молоха, которому в Карфагене приносили в жертву детей - первенцев от каждой из знатных семей, не стоит забывать и о том, что переписчик данного манускрипта был христианским монахом... И, наконец, в-четвертых, этот самый Кром Кройхе непосредственно связан с фигурой Патрика Ирландского, одним из подвигов которого считается низвержение именно этого идола.

В качестве комментария приведем цитату из энциклопедии кельтской мифологии, авторы которой встают на защиту монахов-переписчиков: «...такого рода сведения по сакральной топографии обнаружены в составе нескольких крупнейших средневековых ирландских манускриптов; последнюю „редакцию“^{4*} их текстов, естественно, осуществили христианские монахи-переписчики. Однако эти церковники редко позволяли себе вносить изменения в изысканную архитектуру старинных поэм. Еще труднее представить себе монастырского писца, решившего и посмевшего сочинить легенду, в которой описаны человеческие жертвоприношения, практиковавшиеся у древних ирландцев»¹.

Ни в коем случае не желая относить на счет монаха-переписчика сочинение подобных легенд, хотелось бы заострить внимание на том факте, что ко времени создания манускрип-

¹ Кельтская мифология. Энциклопедия / Пер. с англ. С. Голова и А. Голова. М.: Эксмо, 2002. С. 44.

та на дворе стоял уже XII век, а Патрик Ирландский прибыл со своей священной миссией в Ирландию в V веке, т. е. христианство существовало на острове уже семь веков. Патрик был и остается настоящей легендой Ирландии, о нем, помимо пересказа реальных событий, коих немало случилось за его долгую жизнь, конечно же, слагали и легенды. Люди, культура и история которых на протяжении многих веков существовала в устном творчестве, просто не могли поступить иначе, таков был их менталитет. В связи с этим существует вероятность, что одна из легенд о Патрике Ирландском, свержающем культ какого-либо языческого божества, со временем трансформировалась в то, что изложил переписчик Аэд Уа Кримтайнн в «Старине мест».

Ирландские скелы часто повествуют о всевозможных чудесах, порой довольно устрашающих, связанных с магическими практиками друидов, но никогда и нигде не упоминают, что в жертву был принесен живой человек, и не упоминают друидов, гадающих на человеческих внутренностях или по предсмертным конвульсиям. Ирландский эпос содержит множество описаний сражений, где друиды гадают и помогают советами королям, находят пропавших людей и т. д., но ни разу ни один друид не предложил своему королю — ради предсказания об исходе битвы или по любому другому поводу — погадать способами, описанными авторами «Посидониевой традиции». И допускать, что монах-переписчик добросовестно записывает рассказ об идоле Кром Кройхе, при том что нет ни одной скелы, содержащей момента поклонения «поганым идолищам» и принесения им человеческих жертв, более чем странно.

Или вот еще любопытный момент: Тацит описывает, как римский прокуратор Светоний Паулин приходит с войсками на остров Мона, священный центр друидизма того

времени: «...На берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины; похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия. Новизна этого зрелища потрясла наших воинов, и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары. Наконец, вняв увещаниям полководца и побуждая друг друга не страшиться этого исступленного, наполовину женского войска, они устремляются на противника, отбрасывают его и оттесняют сопротивляющихся в пламя их собственных факелов. После этого у побежденных размещают гарнизон и вырубают их священные рощи, предназначенные для отправления свирепых суеверных обрядов: ведь у них считалось благочестивым орошать кровью пленных жертвенники богов и испрашивать их указаний, обращаясь к человеческим внутренностям...»¹

Мы видим, что для решающей битвы друиды прибегают к последнему средству — своей магии. Однако в этом рассказе ничего не говорится о принесении там же друидами кого-либо в жертву. Цезарь в своем описании друидов говорит о том, что жертвы приносились *во времена большой опасности*, но для друидов трудно представить большую опасность, чем уничтожение их святыни и последнего прибежища!

Описанную в рассказе Тацита тактику друидов подтверждают материалы ирландских преданий: самое действенное и сильное оружие друидов — это их огонь. Они разжигают «священный огонь», читают заклинания, произносят всяческие магические формулы и т. д., что, впрочем, им не очень помогает. Армия Светония поначалу цепенеет от происходя-

¹ Корнелий Тацит. *Анналы* / Пер. А. С. Бобовича. XIV, 30.

щего на берегах Моны. Вероятно, ритуалы, наблюдаемые ими, были и вправду впечатляющими, потому как впечатлить и тем более напугать воинов действующей римской армии могло только что-либо поистине экстраординарное. Придя в себя, римляне вступают в бой и, как и следовало ожидать, побеждают немногочисленное, «наполовину женское» войско, защищавшее остров. Уже после описания уничтожения священных рощ Тацит говорит, а вернее сказать — повторяет за Посидонием, о кровавых ритуалах.

Обратимся теперь к археологическим источникам. Помимо священных [*Уощ* у кельтов для ритуальных целей имелись святилища, которые носили название «неметон» и были защищены прямоугольной оградой, часто окруженной еще и рвом. С. Пиготт описывает кельтские святилища, найденные постройки, особенности их архитектуры, древние кладбища. Пиготт, сам будучи археологом, приводит скрупулезное описание найденных святилищ — оппидиумов, принадлежавших кельтам. Он отмечает, что в Провансе было найдено святилище, несколько отличающееся от остальных: «...Его вход украшала старинная колонна, украшенная резными изображениями человеческих голов, в нишах которой находилось пятнадцать черепов взрослых людей. Некоторые из них были отсечены от высохших тел, а в нескольких даже сохранились большие железные гвозди, которыми они были ранее прибиты к какой-то деревянной конструкции...»¹

То есть головы были прибиты или отсечены уже после смерти, возможно, это были головы своих героически погибших воинов, либо наоборот — головы врагов, поверженных кельтами в бою. Страбон отмечал, к примеру, что «...еще

¹ Пиготт С. Друиды. Поэты, ученые, прорицатели. С. 56—57.

варварский и экзотический обычай, свойственный большинству северных народов, -г- возвращаясь после битвы, вешать головы врагов на шеи лошадям и, доставив эти трофеи домой, прибивать их гвоздями напоказ перед входом в дом. Посидоний говорит, что ему самому пришлось наблюдать подобное зрелище во многих местах, хотя сначала он чувствовал отвращение, но потом, привыкнув, спокойно переносил его. «Головы знатных врагов галлы [сохраняли] в кедровом масле, показывали чужеземцам и не соглашались отдавать их [за выкуп] даже на вес золота»¹.

Это объясняется тем, что у кельтов существовал культ отрубленных голов (считалось, что душа человека находится в голове). Неслучайно Бран Благословенный, будучи раненым, просит отрезать ему голову и закопать ее на Белом холме, чтобы таким образом защищать свою землю. Головы врагов отрубались и забирались, вероятно, как символ того, что побежденный потерял не только жизнь, но и душу. Все это заставляет усомниться, что найденные в вышеупомянутом святилище головы были отсечены во время жертвоприношений.

В труде другой исследовательницы, Энн Росс, «Кельты-язычники» дается описание кельтского святилища, в котором были найдены останки, вроде бы свидетельствующие о ритуальных жертвоприношениях (святилище раскопали в 1956 г. в Либеннице, датируется оно III в. до н. э.): «В длинной ограде, окруженной валом и рвом, были обнаружены свидетельства жертвоприношений детей и животных, человеческий череп, который мог служить для ритуальных возлияний, платформа для жертвоприношений, ямы с костями и огромное количество посуды, разбитой также в риту-

¹ *Страбон. География. С. 188.*

альных целях. Два перекрученных бронзовых торквеса, видимо, первоначально облекали шеи двух огромных Деревянных идолов: остались лишь ямы от столбов, сами идолы не сохранились...»¹.

Мнения современных исследователей кельтской культуры по вопросу о человеческих жертвоприношениях разделились. Франсуаза Аеру заявляет: «Что же касается человеческих жертвоприношений, в которых упрекали кельтов, то лучше не обращаться к их перечню, чтобы оградить себя от рассмотрения всякого вздора, как древнего, так и современного»^{1 2}. Далее она отмечает, что толкование изображения друида, в смысле совершения человеческого жертвоприношения на дольмене, есть не что иное, как плод богатого воображения.

Английская исследовательница миссис Нора Чедвик, напротив, не отрицает наличия культа жертвоприношений у друидов, отмечая в своем исследовании, что друиды лишь присутствовали при жертвоприношениях, наблюдая за правильностью исполнения культа, не участвуя в нем непосредственно и, возможно, даже осуждая подобного рода практику. Это весьма странная идея, ведь и наблюдение в таком случае являлось бы соучастием, а для служителя культа неодобрение означало бы полное неверие в исполняемый ритуал.

Еще один, уже неоднократно цитированный нами, современный исследователь кельтской цивилизации Стюарт Пиготт также склоняется к версии о существовании практики жертвоприношений: «...вряд ли разумно снимать с друидов

¹ РоссЭ. Кельты-язычники / Пер. с англ. Н. Ю. Чехонадской. М.: Центрполиграф, 2005. С. 165.

² Гюйонварх К.-Ж.. Леру Ф. Кельтская цивилизация / Пер. с фр. Г. В. Бондаренко, Ю. Н. Стефанова. СПб.: Культурная инициатива, 2001. С. 221.

вину за веру и участие в человеческих жертвоприношениях, возможно даже весьма активное участие. Ведь даже в цивилизованном римском мире с этим покончили только в начале I века до н. э. Однако он не разделяет мнения миссис Чедвик, о том, что друиды были лишь наблюдателями, с «выражением неодобрения на лице», совершенно справедливо поясняя: «Друиды были мудрецами варварского кельтского общества, и религия кельтов была также их религией, со всей ее грубостью и дикостью. Будет чистой романтикой и капитуляцией перед мифом о „благородном дикаре“ воображать, что они стояли над жертвами связанные чувством долга, но с неодобрением на лицах и возвышенными мыслями в голове...»¹

Наша соотечественница Н. С. Широкова также склоняется к версии, что друиды практиковали принесение человека в жертву в ритуальных целях: «...для кельтов жертвоприношения были частью друидической науки прорицания. Друид интерпретировал знак или по необходимости создавал его сам единственно магической силой своего слова, заклиная и прорицая...»^{1 2}

Подведем итог. Так приносили кельтские жрецы в жертву людей или нет?

Большинство современных исследователей кельтского мира склонны дать положительный ответ на этот вопрос. Наиболее весомым аргументом здесь можно считать археологические находки, которые проще всего объяснить именно с этих позиций, хотя вполне понятно, что однозначно истолковать их и реконструировать весь ход событий, опираясь только на них, все равно невозможно. Если же допустить

¹ *Пиготт С. Друиды. Поэты, ученые, прорицатели.* С. 118.

² *Широкова Н. С. Мифы кельтских народов.* М., 2005. С. 49.

существование такого ритуала, то все-таки о нем нельзя сказать ничего конкретного, так как античные авторы, как уже упоминалось выше, дают совершенно фантастические и политически ангажированные описания сего действия, имеющие лишь отдаленное сходство с реальностью.

Как уже отмечал Пиготт, друиды были мудрецами своей эпохи, зачастую весьма грубой и жестокой, и действовали они в соответствии со своими религиозными убеждениями: если в их ритуалы входило жертвоприношение людей, то вряд ли сам процесс вызывал бы у них чувство стыда или брезгливости. Магическая основа их религии дает все основания для такого подхода: «одна жизнь в обмен на другую». Однако время шло, и друиды, изучая природу и ее законы, вполне могли что-либо изменить или переосмыслить в своей магической практике. Массалиотская колония также могла сыграть немалую роль и оказать свое влияние на кельтскую религиозную культуру. Отметим и то, с каким пиететом относится Цицерон к познаниям галльского друида Дивитиака в области прорицания — это вряд ли было бы возможно, предложи тот в процессе прорицания совершить нечто бесчеловечное.

Опираясь на все вышесказанное, сделаем предположение, что если отдельные друиды и использовали когда-то в древности практику человеческих жертвоприношений, то ко времени галльской кампании, предпринятой Цезарем, уже несколько столетий как отказались от нее. Современные археологические находки все чаще указывают на приношения богам¹ в виде трофеев и ценных предметов, которые

¹ Мы говорим здесь, разумеется, о *кельтских* богах Туатах, а не о безобразных фоморах — божествах, попавших в фольклор, вероятнее всего, из докельтских верований. Фоморы, по некоторым источникам, действительно порой требовали человеческих жертвоприношений. Победа Туатов над фоморами (а фактически победа сформировавшегося друидизма и кельтского духа) как раз и могла оказаться тем историческим рубежом,

часто и в больших количествах находят на дне водоемов. Конечно, возможно, что пленников все еще умерщвляли, но явно не в ритуальных целях.

МАГИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ

В своей практике друиды широко использовали различные волшебные предметы. Часто это были дары обитателей иного мира, такие как, например, волшебный котел или ветвь. Магические предметы могли принадлежать живой природе (ветвь омелы или знаменитое змеиное яйцо) или же изготавливаться из всевозможных материалов с использованием заклинаний (например, волшебная палочка); наделялись магическими свойствами и музыкальные инструменты (к примеру, арфа Дагды).

Волшебный мешок

Волшебный мешок весьма популярен в валлийском эпосе. Он может использоваться, например, в качестве своеобразного «бездонного вместилища»:

«И когда начался пир, он [Пуйлл] вошел прямо в зал и, войдя, приветствовал Гуала, сына Клида, и всех сидящих с ним, мужчин и женщин.

„Помоги тебе Бог, странник, — сказал Гуал, — чего ты хочешь?4" — „Господин, — сказал Пуйлл, — пусть Бог хра-

за которым последовал отказ от кровавых ритуалов прошлого. Подробнее о Туатах и фоморах см. далее — в разделе «Религиозный мир кельтов».

нит тебя, у меня есть к тебе просьба^{*4}. — „Что ж, — сказал Гуал, — если твоя просьба разумна, я с радостью ее исполню“. — „Я прошу совсем немногого, господин, — сказал Пуйлл, — наполни этот маленький мешок едой“. — „Ну, это скромная просьба, — сказал тот, — и я исполню ее. Дайте ему еды!^{*} — велел он.

И вошли многие слуги и принялись наполнять мешок, но, сколько они туда ни клали, мешок не становился полнее. „Друг мой, — спросил Гуал, — твой мешок еще не полон?^{**} — „Он не наполнится ничем, что в него ни положишь, клянусь Богом, — сказал Пуйлл, — пока владеющий землями и богатствами не встанет сверху и не придавит еду ногами^{**}. — „О мой друг, — сказала Рианнон Гуалу, сыну Клида, — стань скорее на этот мешок^{**}. И он поднялся с места и стал обеими ногами в мешок. Тогда Пуйлл поднял мешок так, что Гуал оказался в нем с головой, и быстро затянул мешок ремнем, и завязал его, и протрубил в рог¹.

Волшебный котел

Котлу кельтский эпос приписывал неограниченные возможности — от схожих с функциями волшебного мешка способностей преобразовывать пространство (на этот раз в качестве рога изобилия), как, например, легендарный котел Дагды, являющийся неиссякаемым источником пищи для достойных, до возможности оживлять умерших (« Книга завоеваний Ирландии»). Последнее свойство перешло по наследству к священной чаше Грааля.

¹ Пуйлл, король Диведа // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 18.

Вот что о таком котле можно прочесть в «Мабиногион»:

«И я еще увеличу возмещение, — сказал Бендигейд Вран, — я дам тебе котел, и свойство этого котла таково, что если погрузить в него сегодня убитого человека, то на завтра он будет так же жив, как раньше, кроме того, что не сможет говорить<...> „Господин, — спросил Матолх, — откуда ты взял котел, который дал мне?*4 — „Он попал ко мне, — ответил тот, — от человека из твоей страны, и я не знаю, где он его взял". — „Кто это был?" — спросил он. „Аласар Ллестигуневид, — ответил тот, — и он приплел из Ирландии со своей женой Кимидей Кимейнфолл. Они спаслись из Железного Дома в Ирландии, где для них был разожжен костер, и бежали сюда. Я удивлен, что ты ничего не знаешь об этом". — „Я знаю нечто, господин, — сказал Матолх, — и все, что я знаю, я расскажу тебе. Однажды я охотился в Ирландии на холме над озером, что называлось Озером Котла. И я увидел высокого рыжеволосого мужчину, идущего от озера с котлом на спине. Он имел свирепый и отталкивающий вид, и с ним была женщина. И хотя он был высок, она была выше его вдвое. И они подошли ко мне и приветствовали меня. «Что вы тут делаете?» — спросил я у них. «Вот, господин, наше дело, — ответил он, — эта женщина вскоре должна зачать, и я хочу, чтобы ее ребенок стал самым защищенным из воинов». Я предложил им свое покровительство, и они прожили у меня год. И этот год я щедро содержал их, но неприязнь к ним росла, и к концу четвертого месяца они стали ненавидимы всеми в моей стране, ибо угнетали и оскорбляли придворных и народ. И наконец мои люди потребовали, чтобы я выбирал между ними и этими пришельцами. Я попросил совета, что с ними делать, ибо их не удавалось ни упросить, ни заставить уйти из-за их силы и воинственности. И мне дали совет изготовить дом из желе-

за. И когда он был готов, собрались все кузнецы Ирландии, кто имел клещи и молот. И они обложили дом древесным углем, когда пришельцы собрались там. И мужнины, женщины и дети принесли им еду и питье, и, когда они захмелели, кузнецы принялись разжигать уголь и раздувать мехи, пока дом не раскалился добела. Тогда пришельцы собрались в середине дома, пока жар не стал невыносимым, потом же он нажал на стену плечом и вырвался наружу. И то же сделала его жена, но, кроме них, оттуда никто не спасся. После этого, я думаю, господин, — сказал Матолх Бендигейду Врану, — они и бежали к тебе“. — „Да, — сказал тот, — они пришли и отдали мне котел*. — „И что же, господин, ты сделал с ними? “ — спросил он. „Я поселил их в своих владениях, и их число умножилось, и они преуспевали и снабжали области, где они жили, лучшими воинами»¹;

Еще в валлийских легендах упоминается котел вдохновения, принадлежащий богине колдовства и мудрости Бригит, образ которой в процессе христианизации сливается с образом святой Бригитты.

Волшебная чаша

В кельтском эпосе упоминания о волшебной чаше встречаются так же часто, как и о котле. Чашам приписывается множество магических свойств. Вот, например, что говорится в ирландской повести «Приключения Кормака в стране обетованной» (Кормак в конце своих странствий получает от жителя сида волшебную чашу):

¹ Бран вен, дочь Ллира // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 31-32.

«В руке воина помещалась золотая чаша. Кормак изумлялся чаше, из-за множества ликов на ней и странности исполнения. „Есть нечто в ней еще более странное, — сказал воин. — Пусть под ней будут сказаны три лжи, и она расколется натрое. Потом пусть под ней будут сделаны три справедливых утверждения, и она соединится вновь, какой была прежде*⁴. Воин сказал под ней три лжи, и она раскололась на три части»¹.

В валлийском сказании «Манавидан, сын Ллира» один из героев повествования, Придери, попадает в заколдованный замок, где висит золотая чаша. Как только он касается чаши, его руки тут же прилипают к ней, ноги к полу, а сам он лишается дара речи. В аналогичную ситуацию попадает и его мать Рианнон, спеша на выручку сыну: «И, войдя туда, увидела она Придери, державшего чашу, и подошла к нему. „О сын мой! — воскликнула она, — что ты здесь делаешь? “ И она *протянула* руку к чаше, и, как только она коснулась ее, рука ее также прилипла к чаше, а ноги — к мраморной плите, и ока не могла сказать ни слова...»

Так или иначе котлы и чаши в кельтском эпосе связаны с функцией речи — воины, ожившие при помощи котла, остаются немыми, прикосновение к волшебной чаше может лишить дара речи, и, наконец, волшебные чаши раскалываются, если над ними произносятся неправду, и восстанавливаются от сказанной правды. Такое отношение к речи весьма характерно для народов, не имевших письменности. Кроме того, сама речь была довольно сильным оружием друида, и одним из самых страшных для него наказаний была потеря речи; как уже упоминалось, друид, не знающий, как правильно говорить, — одно из великих бедствий для Ирлан-

¹ Приключения Кормака в стране обетованной // Исландские саги. Ирландский эпос. С. 692.

дни. В «Истории Талиесина» барды онемели, поскольку, как было уже отмечено, были именно друидами незнающими:

«Бард неискренний лживую сложит песню;
И хвала, что возносит бард суетливый,
Тщетна и мимолетна, как в небе дымка;
И пусты их речи и труд напрасен.
Их слова опорочить спешат невинных,
Запятнать целомудрие честных женщин
И невинных дев, подобных Марии;
Клевета стала целью их жалкой жизни.
Ночью пьют они, день для сна оставляя,
Праздно проводят жизнь, гнушаясь работой;
Вместо храма в кабак их ведет дорога,
А друзья их — мошенники и бродяги.
Во дворец они входят, не протрезвевши,
И бессмыслицу всякую восхваляют,
Всякий смертный грех до небес возносят,
Всякий низкий поступок для них заслуга.
Города и деревни они проходят,
Будто скрыться хотят из объятий смерти.
Нет у них ни жилищ, ни приюта на ночь,
Они часто голодными спать ложатся.
Ни молитв, ни псалмов они знать не знают
И хвалы не возносят Единому Богу.
Не увидишь их в храме по воскресеньям,
И святые праздники им — что будни.
В небе птицы летают, рыбы плавают в море,
Пчелы мед собирают, черви в земле роются.
Всякая тварь пропитанье трудом находит,
Кроме бездельников — бардов и бродяг бесполезных»¹.

¹ История Талиесина // Мабиногион: Легенды средневекового- Уэльса. С. 254-255.

Волшебная ветвь

Волшебная ветвь упоминается как проводник, связывающий с иным миром. Как предмет, принадлежащий миру радостей, она помогает излечить тоску и разогнать тяжелые мысли:

«Кормак возвратился во дворец, и домочадцы изумились ветви. Кормак потряс ею на них и вверг их в дремоту от сего часа до того же времени следующего дня. К концу года воин пришел и попросил у Кормака возмещение, оговоренное за его ветвь. „Оно будет дано“, — сказал Кормак. „Сегодня я возьму твою дочь Айльбе“, — сказал воин. Так он забрал девушку с собой. Женщины Тары испустили три громких крика вслед дочери короля Эрина. Но Кормак потряс ветвью на них, так что изгнал из всех них горе и вверг их в сон. <...> „Возьми теперь свою семью, — сказал воин, — и возьми чашу, дабы ты мог иметь ее для различения между правдой и ложью. И у тебя будет ветвь для музыки и наслаждения. А в день, когда ты умрешь, все это будет взято от тебя... Я Мананнан, сын Лира, — сказал он, — король Обетованной Страны; показать эту Страну было целью, ради которой я увлек тебя сюда. Толпа всадников, кроющих дом, которую ты узрел, — это люди ремесел Ирландии, собирающие скот и богатство, которые обращаются в ничто. Человек, которого ты видел разжигающим огонь, — это расточительный юный хозяин, и из своего хозяйства он платит за все, что истребляет. Источник, который ты видел, с пятью ручьями из него, — это Источник Знания, а ручьи суть пять чувств, через которые обретается знание. И ни у кого не будет знания, кто не выпьет глотка из самого источника и из ручьев. Люди многих ремесел, — это те, кто пьет из них всех“.

На следующее утро, когда Кормак поднялся, он обнаружил себя на лугу у Тары, со своей женой, своим сыном и своей дочерью, и у него были его Ветвь и Чаша»¹.

Н. С. Широкова предполагает, что речь идет о ветви яблони, так как яблоки также считались символом потустороннего мира.

Волшебные камни

Кельты вполне логично наделяли камни свойствами памятников и преград. Если происходило какое-либо значимое событие, это довольно часто оставляло следы в виде отпечатка на близлежащих камнях. Подобным образом поступают и в наши дни, создавая памятники из гранита и иных твердых пород.

Ирландские воины, пытаясь задержать армию Бендигейда Врана, разрушают мост над рекой, на дне которой лежит магнитный камень: «Господин, — сказали они Матолху, — нет способа спастись, кроме как перейти через реку Ллинон и оставить реку между тобой и им, разрушив мост. На дне этой реки лежит магнитный камень, и ни корабль, ни лодка не могут пересечь ее»^{1 2}; в результате Бендигейду Врану самому приходится стать мостом для своей армии.

О культе камней у кельтов подробно пишет Н. С. Широкова: «...многочисленные камни (менгиры, дольмены, кромлехи и др.), усеивающие кельтские земли, связаны с религиозными традициями, которые уходят в седую древность,

¹ Приключения Кормака в стране обетованной // Исландские саги. Ирландский эпос. С. 692.

² Бранней, дочь Ллира // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 35.

тянутся непрерывно через неолит и бронзовый век, через кельтский и римский периоды вплоть до эпохи Средневековья и сохраняются в народных обычаях Европы Нового времени. Культ камней является одной из самых древних религий человечества. Для первобытного человека не было ничего более вечного, более благородного или внушающего больший ужас, чем величественная скала или имеющая какие-нибудь странные очертания гранитная глыба. В величии камня, в его твердости, в его форме и цвете человеку чудились реальность и сила какого-то иного мира. Люди поклонялись камням, потому что видели в них средоточие сверхъестественной энергии» которая может помочь защитить их самих или их мертвых. По одной из версий, кельты считали, что на менгирах отдыхают души покойных»¹.

Одним из самых знаменитых камней в ирландской мифологии считается камень Лиа Файл: «Из Фалиаса принесли они Лиа Файл, что был потом в Таре. Вскрикивал он под каждым королем, кому суждено было править Ирландией»^{1 2}. Этот камень символизировал некий сакральный центр, а Тару нередко называли долиной Фаль.

В кельтской культуре почитание камней осталось и после принятия христианства; например, в житии кельтского святого Геральда, аббата Мэйо, мы читаем:

«Был муж жизни чтимой, по имени Геральд, святейший аббат многих монахов, который происходил от благородных родителей, а именно от короля и королевы. Прежде чем его мать стала носить этот благословенный плод в чреве своем, она во внутренностях своих носила кровавый кусок, который в народе называется поросячьим параличом. Тогда излеченная

¹ Широкова И. С. Мифы кельтских народов. С. 63.

² Битва при Маг Тумред // Похищение Быка из Куальнге. С. 331.

заботливым небесным врачом от этой неизлечимой болезни спасительным лекарством, она зачала младенца в утробе своей. Однако она родила младенца вместе с вышеупомянутой кровавой массой. Так он пришел в этот мир, держа этот кусок, отяжелявший материнскую утробу, в правой руке как знак будущей святости. Этот самый кусок в форме затвердевшего камня в народе назвали камнем святого Геральда. Этот камень многим приносил телесное здоровье, и прежде всего, женщинам в родильных страданиях, которые пьют воду с этого камня, дает особенную защиту»¹.

Волшебный жезл и волшебная палочка

Обязательным атрибутом сказочного волшебника, инструментом, без которого сегодня магия просто немыслима, является волшебная палочка.

Подобные предметы часто упоминаются в валлийском эпосе как инструменты, помогающие превращать людей в животных и наоборот. Прародительницей волшебной палочки или волшебного жезла считается дубина Дагды, имеющая свойство одним концом убивать живого, а другим воскрешать мертвого.

С помощью магического жезла маг Мат превращает своих племянников в животных. С помощью подобного жезла Гвидион расколдовывает своего сына, возвращая ему человеческий облик:

«...Тогда он взглянул на вершину дерева и там увидел орла, и когда орел хлопал крыльями, вниз летели черви и куски

¹ Житие святого Геральда из Мэйо / Пер. А. Р. Гузаировой // «Кельтская церковь»: Материалы конференции в МГУ 24 апреля 2006 г. М., 2006.

падали, которые подбирала свинья. И он подумал, что этот орел — Але у, и произнес такой энглин:

„Дуб растет между двух озер,
Красотою радуя взор.
Если я говорю нелживо,
То мой сын на его вершине*4.

Тогда орел слетел чуть пониже и уселся на ветку, словно слушаая. И Гвидион сказал другой энглин:

„Дуб растет высоко в горах,
Он исхлестан злыми ветрами.
Но зато не сгнил под дождями;
Мой сын Ллеу в его ветвах**.

И после этого орел слетел на самую нижнюю ветку. Тут Гвидисн спел еще один энглин:

„Дуб красуется в вышине,
Ветви вытянув над обрывом.
Если я говорю нелживо —
Мой сын Ллеу придет ко мне!***

И орел спустился к ногам Гвидиона, который тотчас ударил его волшебным жезлом, и он приобрел свой истинный вид...»¹

При помощи магического жезла Мат подвергает свою невесту проверке на невинность:

¹ Мат, сын Матонви // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 68-69.

«И ее привели к нему, и она вошла. „О дева, — спросил он ее, — девушка ли ты?“ — „Я не знаю, господин, кем же я еще могу быть“. Тогда он взял волшебный жезл и положил его на пол. „Перешагни через него, — сказал он, — и если ты девушка, я увижу это“.

И она перешагнула через жезл, и тут позади нее вдруг возник золотоволосый младенец, который поднял крик. Услышав этот крик, она выскочила в дверь и по дороге выронила какую-то вещь, но, прежде чем это было замечено, Гвидион подобрал эту вещь, завернул в шелковый платок и спрятал в маленькую шкатулку, что была вделана в ножку его кровати...»¹

При помощи магического жезла король королевства Тир На Н-Ог, чтобы не утратить власть, заколдовывает свою дочь:

«После долгого правления король стал беспокоен; он боялся, что кто-нибудь сумеет сесть в кресло раньше него и снимет с его головы корону. Поэтому однажды он призвал своего друида и спросил: „Долго ли сохраню я кресло, чтобы править этой страной, сядет ли кто-нибудь в него прежде меня и снимет ли корону с моей головы?“ — „Ты сохранишь кресло и корону навсегда, — сказал друид, — если твой зять не отберет их у тебя“. У короля не было сыновей, а только одна дочь, самая прекрасная женщина в Тир На Н-Ог, и подобной ей нельзя было найти ни в Эрине, ни в любом другом королевстве мира. Когда король услышал слова друида, он сказал: „У меня не будет зятя, ибо я сделаю дочь такой, что никто не женится на ней“. Затем он взял жезл друидических чар и, приказав дочери встать перед ним, ударил ее жезлом и сотворил свиную голову на месте ее соб-

¹ Там же. С. 60.

ственной. Затем он отослал дочь на ее место в замке и, повернувшись к друиду, сказал: „Нет человека, который бы женился на ней теперь*»¹.

Волшебное яйцо^{1 2}

Плиний пишет, что имеется еще и особый сорт яиц, почитаемых галлами.

Летом, в жаркую погоду, в определенную фазу луны собирается вместе огромное количество змей. Сцепившись в гигантский клубок, они из своей слюны и слизи создают в самом его центре некое яйцевидное тело с хрящеватой скорлупой и многочисленными присосками. Размером это «яйцо» бывает с небольшое круглое яблоко. Чтобы раз добыть его, надлежит в определенную фазу луны отправиться в лес, затем дожидаться, пока рептилии с шипением не вытолкнут яйцо на поверхность клубка, поймать его в свой плащ; после чего следует немедленно покинуть это место верхом на коне, так как змеи будут преследовать похитителя до тех пор, пока водная стихия не преградит им путь.

Аутентичность змеиногo яйца проверялась довольно просто — оно имело свойство плыть против течения. Этот необычный предмет был весьма популярен среди кельтов и использовался друидами в ритуальных целях. Считалось, что такое яйцо помогает выигрывать любые тяжбы и получать доступ к царям. Комментируя это свидетельство, язвительный Плиний добавляет, что он знал одного воина из племени

¹ Ойсин в Тир На Н-Ог // Предания и мифы средневековой Ирландии.

² *Ovum anguinum* на латыни.

воконтиев, казненного императором Клавдием, носившего такое яйцо на груди в качестве талисмана.

Ф. Леру отмечает, что ритуальный характер этого предмета был понят Плинием неверно — змеиное яйцо почиталось кельтами как религиозный символ и представляло собой сакральную модель «Космического Яйца». В качестве обоснования она ссылается на следующую любопытную археологическую находку: во Франции, в местечке Сент-Амаден, был найден могильный холм Пуарон, внутри которого не было обнаружено никаких захоронений, но в центре «могильного» холма располагался алтарь из пяти сланцевых плит, в середине которого было помещено магическое змеиное яйцо.

МАГИЧЕСКИЕ ЖИВОТНЫЕ

Согласно ирландским скелам, животные, в отличие от людей, могли спокойно путешествовать между мирами — и без каких-либо неприятных последствий. Некоторые животные служили спутниками богов.

Лошадь считалась олицетворением плодородия земли — достаточно вспомнить ирландский ритуал инициации короля, чтобы понять, какое место кельты отводили лошадям в своих ритуалах. Лошадь часто олицетворяла валлийскую богиню Рианнон, галльскую Эпоной и ирландскую Этайн; королеву Медб также иногда изображали в виде лошади. Лошадь имеет колоссальное значение в кельтской культуре, так как кельты были воинами, а значит, наездниками, конь Кухулина — Серый Махи — обладает человеческим рассудком, так же как и конь Мерлина. Лошадь считалась

одним из самых ценных подарков. Часто именно лошади доставляют героев в сид и из сида в мир людей.

Вороны были священными спутниками богини Морриган. Традиционно воронам приписывали магические свойства и считали справедливыми судьями в спорах. Страбон, ссылаясь на рассказ Артемидора, описывает один из методов разрешения споров при содействии воронов: «Есть, — рассказывает он, — какая-то гавань на океанском побережье, называемая „Два ворона“⁴⁴; там появляются два ворона с беловатым правым крылом; люди, имеющие спор о чем-либо, приходят сюда, кладут на высоком месте доску и затем бросают туда куски ячменной лепешки, причем делают это каждый отдельно; птицы прилетают и расклевывают часть лепешки, другую разбрасывают; выигрывает тяжбу тот человек, чья ячменная лепешка разбросана»¹. Само слово «ворон» являлось имяобразующим: например, Бран Благословенный означает «благословенный ворон», а его сестра Бранвен — «белая ворона». Позднее вороны стали предвестниками смерти, а встреча с ними — плохим предзнаменованием.

Змеи играют довольно странную роль в кельтской мифологии. С одной стороны, друиды весьма широко использовали в своей практике описанное выше змеиное яйцо; существует даже мнение, что змеи в некотором роде олицетворяли друидов, а Патрик, выгнав всех змей, одержал таким образом символическую победу над друидизмом. С другой стороны, змеи зачастую играли негативную роль и служили причиной гибели героев:

«Когда Мейв нашла, что ей отказал в предпочтении герой с нравом без изъяна, она замыслила уязвить его тело, поскольку не разделил он с ней ее буйство. Она поставила для

¹ *Страбон*. География. С. 188.

него смертную западню, потому что не уступил он хотениям женщины. Горестна была гибель его от змея, каким образом, я сейчас правдиво поведаю.

На озере Мейв, где южный простирается берег, росла рябина, и во всякий месяц любого времени года видны были ее спелые плоды. Так хороши были гроздья ее, что была она слаще цветочного меда, и краснеющий плод под-держивал человека, лишенного пищи, в течение трех дней. Несомненно прибавляла она человеку год жизни, и недужный получал облегчение от сока ее спелых ягод. Но с добычей ее сопрягалась опасность, ибо, хоть была она испытанным для людей лекарством, при ее корнях скрывалось ядовитое чудище, чтобы помешать всякому приблизиться и оборвать ее.

Мейв, дочь Омаха щедрых кубков, охватила мучительная болезнь. Она отправила посланье к Фраоху, и герой спросил, в чем желанье ее. Она отвечала, что не сможет поправиться, пока не получит в свои изящные руки полную пригоршню плодов с того холодного озера, сорванных никем иным, только Фраохом.

„Не был я нанят плоды собирать, — сказал сын Фиахи с алеющим лицом, — но хоть не делал я этого прежде, — добавил Фраох, — сейчас я пойду, чтобы нарвать плодов для Мейв^м.

Фраох удалился, нехотя ступая, и пустился плыть по озеру. Он нашел чудище крепко спящим, а пасть его была раскрыта на дерево. Фраох, сын Фиахи острооружный, ушел от чудища незамеченным, неся полную пригоршню красных плодов туда, где Мейв тосковала по ним.

„Хотя хорошо то, что ты сделал, — сказала Мейв с белоснежной грудью, — ничто не облегчит меня, благородный воин, кроме ветви, оторванной от ствола*.

Фраох, юноша, не знавший страха, снова отправился плыть по спокойному озеру, однако не мог он, как ни велика была его удача, избежать назначенной ему смерти. Он ухватил рябину за верхушку и оторвал ветвь от дерева, но, когда он направлялся к берегу, разбуженное чудище заметило его. Оно настигло его, когда он плыл, и ухватило руку своей зияющей пастью. Фраох схватил чудище за пасть, если бы у Фраоха был теперь его клинок!

Чудище изгрызло его прекрасную грудь и оторвало ему напрочь руку. В спешке примчалась белокурая дева, неся клинок, от которого не было проку. Схватка эта была недолгой — рука его все еще держала чудовище за голову»¹.

Здесь стоит отметить, что описанное в приведенном фрагменте чудовище больше похоже на *дракона*, чем на змею. Однако, вопреки сложившейся уже в жанре фэнтези традиции, драконы в кельтском эпосе практически не встречаются (за исключением невразумительных описаний, подобных описанию чудища в «Смерти Фраоха»). «Эра драконов», если можно так выразиться, началась на кельтских территориях с приходом христианской культуры и после многочисленных этнокультурных взаимодействий с германскими племенами — уже в эпоху рыцарства.

Быки у кельтов, как у народа скотоводческого, играют заметную роль в легендах и сказаниях. Белые коровы с красными ушами считались животными иного мира, молоком именно такой коровы была выкормлена святая Бригитта. А желание завладеть породистым быком было порою вполне достаточным основанием для того, чтобы развязать войну:

¹ Смерть Фраоха // Предания и мифы средневековой Ирландии.

« Был это третий род воинов в Ирландии, род из Ироса Домнана, а еще есть потомки Дедада в Темре Лохра и потомки Рудрайге в Эмайн Махе. Потомки Рудрайге победили потом все другие роды. Собрались вместе все улады и люди Айлиля и Медб, ворвались в ту крепость и увели с собой Флидас. Увели они и других женщин, а еще взяли с собой все, что было там из украшений и драгоценностей, все, что было из золота и серебра, рогов для питья и чая, блюд и бочек, все, что было из одежды всех цветов, все, что было из скота — сто молочных коров, сто двадцать быков и еще три сотни других животных.

Потом пошла Флидас по совету Айлиля и Медб к Фергусу, сыну Ройха, и осталась с ним во время похищения Быка из Куальнге. Посылала она каждые семь дней свой скот для людей Ирландии, и питались они им во время того похищения. Были это коровы Флидас.

Потом отправилась Флидас с Фергусом на его родину, и получили они там во владение землю в той части долины Муиртемне, где был Кухулин, сын Суалтама. А потом умерла Флидас, и плохо после этого стало в доме Фергуса. Ведь привык он получать от нее все, что хотел. Тогда пошел он в Коннахт к Айлилю и Медб, чтобы узнать всю правду и получить возмещение за скот своей жены. Нашел он на западе Краухаиа свою смерть, так приказал сделать Айлиль»¹.

Одно из самых объемных и значительных произведений ирландского эпоса носит название «Похищение Быка из Куальнге».

Еще о трех магических существах — *вепре* (борове), *олене* и *лососе* — будет рассказано в разделе «Жизнь после смерти. Друиды и мистическое учение Пифагора».

¹ Похищение коров Флидас // Похищение Быка из Куальнге. С. 74.

«ЖЕНСКАЯ МАГИЯ»

Следует сразу отметить, что в вопросе о существовании женщин-друидов, как, впрочем, и во многих других вопросах, касающихся друидизма, современные исследователи не пришли к единому мнению. Леру и Пойонварх полагают, что женщин, исполняющих друидические функции, не существовало. Цезарь в своих «Записках...», повествуя о друидах, ничего не сообщает о друидах-женщинах. Хотя Тацит при описании взятия острова Мона и говорит, что среди оборонявшихся друидов были «женщины с распущенными волосами и факелами в руках», однако там нет указаний на то, что они имели статус «друидесс». С другой стороны, современный исследователь М. Энрайт, ссылаясь также и на работу Х. Биркхана, полагает, что в Ирландии существовали женщины-друиды, занимавшие особое положение. Существует гипотеза, что аналогичные друидические «посты» занимали и галльские женщины, называемые ueleta или ueleta¹.

В одном из «оградительных текстов», приписываемых св. Патрику, известному, в частности, своими многочисленными победами над друидизмом (см. главу «„Друид^{4*} Патрик Ирландский»»), содержится последовательный перечень того, что может навредить христианину: *«Ограждаю я тебя ныне всей этой силой <...> против заклинаний женщин и кузнецов и друидов, против любого знания, которое может повредить телу и душе человека»^{1 2}*. Интересна, кстати, и сама формулировка текста, звучащего как «заклинание от заклинания», защищающее не только от предполагаемого

¹ См.: Михайлова Т. А. Хозяйка судьбы: Образ женщины в традиционной ирландской культуре. М.: Языки славянской культуры, 2004.

² Там же. С. 14.

вреда, который способны нанести вышеперечисленные потенциальные носители магических способностей, но и от «любого знания», коими те обладают.

Страбон, ссылаясь на рассказ Посидония, повествует о группе жриц, живших на острове Ауара:

«...В океане, говорит Посидоний, лежит островок, находящийся не особенно далеко в открытом море, прямо перед устьем реки Айгер¹; на острове живут самнитские женщины, одержимые Дионисом; они умиляют этого бога мистическими обрядами, как же как и другими священнодействиями; и ни один мужчина не вступает на остров, хотя сами женщины отплывают с него для общения с мужчинами и затем возвращаются обратно. Существует обычай, продолжает Посидоний, раз в год снимать крышу святилища и затем крыть ее снова в тот же день перед заходом солнца, причем каждая женщина приносит свой груз соломы для крыши; но женщину, у которой груз выпадет из рук, остальные разрывают на куски; они носят куски жертвы вокруг святилища с криками „эу-а“ и не прекращают хождения, пока не утихнет их неистовство; по его словам, обыкновенно кто-нибудь поражает [на смерть] обреченную женщину»^{1 2}.

Есть еще одно дошедшее до нас предание, согласно которому на острове Сейн жили девять жриц-девственниц. По этому преданию, целомудрие лежало в основе их власти управлять морской стихией, предсказывать будущее, исцелять болезни и оборачиваться животными³.

Итак, согласно оградительному списку Патрика, женщины выделяются в отдельную группу, магические силы

¹ Вероятно, один из островов близ устья р. Луары, впадающей в Атлантический океан в районе г. Нант.

¹ Страбон. География. С. 188.

³ См.: Широкова Н. С. Мифы кельтских народов. М., 2005.

и знания представителей которой таковы, что требуется особая заклинательная защита, чтобы оградиться от них. Учитывая свидетельства Посидония, логично предположить, что существовало некое сообщество женщин, обладающих магией, не входившее, однако, в состав друидического клана, в противном случае зачем Патрику упоминать их в заклинании «отдельным пунктом»? Подтверждает существование такого женского сообщества «кельтских ведъм» археологическая находка, представляющая собой свинцовую табличку из Аарзака, на которой сохранились имена галльских заклинательниц. Предположительно в тексте таблички содержится направленное на них проклятие. На особую роль женщин в духовной жизни кельтского общества указывает еще одна археологическая находка: в Чехии, в Либенице, было обнаружено кельтское святилище, в центре которого располагалось захоронение предположительно кельтской жрицы. Найдка датируется III в. до н. э.; по данным археологов, это святилище функционировало в течение 24 лет¹.

Чтобы понять, что же из себя представляла кельтская женская магия и каким образом она связана с друидизмом, рассмотрим тексты некоторых скел, в которых встречается упоминание о ней и ее adeptax.

В скеле «Похищение Быка из Куальнге» описывается встреча королевы Медб с пророчицей Фидельм:

«Вдруг открылось ей чудесное видение, и то была юная девушка, шедшая навстречу рядом с колесницей. Девушка ткала бахрому, держа в правой руке станок из светлой бронзы с семью золотыми полосками на концах. В зеленых разводах был плащ на ее плечах, скрепленный на груди заколкой с тяжелым навершием. Тонки были алые губы на ее румянном

¹ Росс Э. *Кельты-язычники*. М., 2005.

лице, а ясные глаза смеялись. Белизной сверкали ее зубы, и всякий решил бы, что это рассыпанный жемчужный град. Цвета новой парфянской кожи были ее губы. Звуки арфы, чьих струн касаются искусные пальцы, напоминал ее дивный голос. Сквозь все одежды светилось ее тело, словно снег, выпавший на одну ночь. Белоснежными были ее стройные ноги с красными, ровными и острыми ногтями. Три пряди золотистых волос девушки были уложены вокруг головы, а четвертая висала по спине до икр. Оглядела ее Медб и молвила:

— Что ты делаешь здесь, о девушка?

— О твоём процветании и благе забочусь я, созывая четыре королевства Ирландии в поход на уладов для Похищения Быка из Куальнге, — отвечала девушка.

— Отчего же ты помогаешь мне? — спросила Медб.

— Немалая на то причина, — отвечала девушка, — ведь я одна из тех, кем ты повелеваешь.

— Как зовут тебя? — снова спросила Медб.

— Нетрудно ответить — я Фидельм — ведунья из Сида Круахан.

— Поведай же, о Фидельм-ведунья, что видишь ты, глядя на войско?

— Красное вижу на всех, алое вижу.

— Знаю, — молвила Медб, — что одолела нынче немощь Конхобара в Эмаин. Побывали там мои гонцы, и нечего нам страшиться уладов. Ответь не тая, о Фидельм, Фидельм-ведунья, что видишь ты, глядя на войско?

— Красное вижу на всех, алое вижу.

— Овладела немощь Кускрайдом Менд Маха, сыном Конхобара, на Инис Кускрайд. Побывали там мои гонцы, и нечего нам страшиться уладов. Ответь не тая, о Фидельм, Фидельм-ведунья, что видишь ты, глядя на войско?

— Красное вижу на всех, алое вижу.

— Немощью охвачен Эоган, сын Дуртахга, в Рат Айтир. Побывали там мои гонцы, и нечего нам страшиться уладов. Ответь не тая, о Фидельм, Фидельм-ведунья, что видишь ты, глядя на войско?

— Красное вижу на всех, алое вижу.

— Охватила немощь Келтхайра, сына Утехайра, в его крепости. Побывали там мои гонцы, и нечего нам страшиться уладов. Ответь не тая, о Фидельм, Фидельм-ведунья, что видишь ты, глядя на войско?

— Красное вижу на всех, алое вижу.

— Что за дело мне до твоих слов, — сказала Медб, — ведь чуть только сойдутся вместе ирландцы, уж не миновать ссор, драк и буйства, да споров о том, кто поведет войско и кто пойдет сзади, кому первому перейти брод или реку да кто убьет свинью, корову, оленя или иного зверя. Но ответь не тая, о Фидельм, Фидельм-ведунья, что видишь ты, глядя на войско?

— Красное вижу на всех, алое вижу.

Начала туг Фидельм вещую песнь и предрекла ирландцам деяния Кухулина...»¹

Т. А. Михайлова дает весьма любопытный комментарий этой скелы^{1 2}. Она отмечает, что данный эпизод существует в двух источниках и различается на первый взгляд незначительными, но для нашего исследования очень важными деталями. Один вариант, приведенный выше, содержится в «Лейнстерской книге» (ок. 1160 г.), второй вариант, более ранний по времени, содержится в «Книге бурой коровы» (ок. 1100 г.). Детали, интересующие нас, таковы:

— Фидельм не просто говорит, что она ведунья из Сиды Круахан, но и конкретизирует, что «прибыла из Аль-

¹ Похищение Быка из Куальнге // Похищение Быка из КуальЕЕге. С. 127.

² См.: Михайлова Т.А. Хозяйка судьбы: Образ женщины в традиционной ирландской культуре. М., 2004.

бана, Британии, где обучалась поэтическому и пророческому искусству»;

— спрашивая пророчества, Медб уточняет, находится ли Фидельм в состоянии *imbus forosnai* (см. «Прорицания, гадания, ясновидение»);

— в «Книге бурой коровы» упоминается также, что Фидельм была вооружена: «Оружие у этой девушки, и два черных коня в ее колеснице».

Исходя из всего вышесказанного, можно классифицировать Фидельм как филида, т. к. она сама сообщает, что прибыла из Альбаны, где, как уже говорилось ранее, находился центр друидических школ, и обучалась там. Немаловажно и то, что она вооружена и, следовательно, умеет, как и всякий друид, этим оружием пользоваться. Отметим один любопытный момент, связанный с *imbus forosnai*: для того чтобы проричать, Фидельм не нужно исполнять ритуал и погружаться в магический сон — быть может, в силу того, что она уроженка сида и может одновременно пребывать в двух мирах. Вообще же женщина воспринималась (и, возможно, до сих пор воспринимается) в кельтской культуре как посредница между миром людей и миром потусторонним: «...обычная женщина, жена и мать, могла показаться какой-то странной, и тогда „раскрывалось“, что это сида или подменьш, лишь принявший образ реальной женщины»¹.

Само пророчество и форма, в которой оно сделано, заслуживают отдельного внимания. Встреча королевы с провидицей состоялась практически сразу после беседы с ее собственным друидом, который дает весьма туманный прогноз: «...да, ты вернешься, что бы ни ждало остальных», т. е. будущее армии Медб для него не ясно, и отнюдь не потому, что

¹ Там же. С. 15.

его «квалификация» ниже, нежели у Фидельм. Михайлова проводит параллель между этой скелой и спелой «Приключения Неры», в которой говорится о том, что Сид Круахан был разрушен и разграблен армией Медб и ее мужа, короля Айлиля; возможно, этим и объясняются слова Фидельм: «я одна из тех, кем ты повелеваешь». По мнению Михайловой, шестикратное повторение просьбы Медб об исходе битвы является своего рода формулой испрашивания благословения, однако эта же формула дает возможность Фидельм проклясть войско шестикратным однозначным ответом: «...совершенно очевидно, что ее знаменитое пророчество „красное вижу на всем, алое вижу**» есть на самом деле проклятие войску коннахтов, которое незадолго до этого разрушило ее собственное жилище. Таким образом, метафорическая („красное** — кровь) вербализация судьбы, совершенная сакральным лицом (ban — fhaith „пророчица**, буквально „жено-пророк**), оказывается равнозначной креации будущего, что, как можем мы предположить, именно так и понималось самой королевой Медб и что для традиции кельтской может считаться скорее универсалией»¹.

Вообще же, сам сюжет, когда на пути у войска встречается одинокая женщина и предсказывает ему поражение и смерть, довольно часто встречается в ирландских скелах. В соответствии со сказанным выше, предсказания, сделанные такими женщинами, можно расценивать и как проклятия.

Другой пример предсказательницы-воительницы мы встречаем в ирландской скеле «Сватовство к Эмер», где Кухулин обучается боевой магии у воительницы и жрицы по имени Скатах:

¹ Там же. С. 49.

«Когда же на третий день отослал Форгал своих людей и остался один, принялись улады восхвалять перед ним Кухулина, Конала и других колесничных бойцов из уладов. И говорил Форгал, что поистине все это правда и велики подвиги, о которых он слышал. „И все же, — говорил он, — если бы Кухулин отправился в Шотландию к Домналу Милдемалу, то от того возвеличилось бы его боевое искусство, а если бы довелось ему побывать у Скатах, дабы обучиться боевым приемам, то превзошел бы он великих бойцов всей Европы"»¹.

О том, что Скатах является еще и провидицей, Кухулин узнает у ее дочери: «На третий день дала девушка совет Кухулину и сказала, что если пришел он обучиться воинскому искусству, то пусть отправится туда, где Скатах обучает своих сыновей — Куара и Кета. Велела она Кухулину геройским прыжком лосося перенестись в тисовую рощу и, приставив меч к телу Скатах между двух грудей, потребовать исполнения трех дел: „обучения боевому искусству без всякой утайки, разрешение мне соединиться с тобою за должный выкуп и предсказание всего того, что случится с тобой, ибо она провидица"». Скатах предсказывает Кухулину жизнь героя-воина и смерть в возрасте тридцати трех лет.

У всех этих пророчеств есть одна общая деталь: прорицательницы делают их лишь тогда, когда к ним за этим обращаются; вероятнее всего, обращение за прорицанием есть необходимое условие, благодаря соблюдению которого у прорицающего, как в случае с Фидельм, появляется возможность проклясть испрашивающего.

Итак, попробуем составить некий собирательный образ кельтских женщин, обладающих магией:

¹ Сватовство к Эмер // Похищение Быка из Куальнге. С. 42.

— женщины не входили в состав друидического клана, но некоторое женское сообщество находилось на привилегированном уровне;

— вполне вероятно, что женщины этого сообщества частично проходили обучение у друидов;

— согласно скелам, их магия была сопоставима с магией филидов: прорицание, моделирование будущего;

— согласно скелам, они могли явиться как в образе прекрасной девушки, так и в образе уродливой старухи, как, например, в случае с королем Койнаре в скеле «Разрушение дома Да Дерга»;

— встречи с ними носили деструктивный характер и часто были чреваты гибелью для испрашивающих предсказания (может быть, их деятельность в скелах отчасти была похожа по характеру на реальные действия галльских *ueleta* или *ueleta* и выше упомянутая табличка с проклятиями имела такое же предназначение);

— в скелах им приписывается нечеловеческое или получеловеческое происхождение; как правило, они уроженки сидов.

Внешний вид друида

Несмотря на существующие в современной культуре штампы (о которых мы еще поговорим ниже), подлинный внешний вид друида воссоздать крайне сложно.

Согласно описанию Плиния и содержанию ирландских скел, жрец-друид облачен в белые одежды. Ф. Леру в своем исследовании, придерживаясь того же мнения, подчеркивает, что белый цвет является «универсальным жреческим цветом индоевропейцев», и подкрепляет эту теорию лингвистическими исследованиями: во всех кельтских языках *vindo-s (*ирл.* find, *ваялийск.* gwun, *бретонск.* gwenn) обозначает «белый, добрый». Подтверждение при желании можно обнаружить и в ирландском эпосе: к примеру, оллама уладов Ферхертне Мак Коирпре описывают как «блистательного мужа в белом», другой ирландский друид Сеиха Великий тоже носил ослепительно белые одежды с каймой из чистого серебра.

Что касается синего и зеленого цветов, приписываемых бардам и прорицателям, Леру придерживается мнения, что это есть не что иное, как «ошибка неodruidизма», в качестве доказательства снова приводя лингвистические параллели: в частности, «glas» во всех живых языках означает

одновременно и зеленый, и сини, и даже серый цвет. Вполне вероятно, что «ошибка неodruidизма» является результатом «трудностей перевода»: так, например, королева Медб встречает пророчицу в зеленом плаще — это вполне согласуется с представлениями, бытующими в неodruidизме, о том, что прорицатели носили зеленые одежды. Если исходить из текста ирландских скл, то можно заметить, что в описании внешности всех, кто имеет отношение к другому миру — будь то предсказатель или умерший герой, — всегда встречается зеленый цвет. Например, на Фергусе, явившемся филиду, спавшему на его могиле, зеленые одеяния, а филид фоморов Аох Летглас и вовсе наполовину зеленый.

Справедливости ради надо отметить, что белый цвет для повседневной деятельности *является* самым непрактичным, особенно если учесть тот факт, что святилища друидов находились в труднодоступных лесах, рощах и т. д. Можно предположить, что друиды действительно носили белые одежды, но лишь при непосредственном выполнении своих жреческих обязанностей, в остальное же время были допустимы варианты. Зеленый цвет в лесу мог играть и маскировочную роль, немаловажную для скрытных жрецов.

Что касается «подлинно-исторического» изображения друида, то его не существует вовсе, что, как отмечает С. Пиготт, дает возможность воображению «развернуться вовсю». В своей книге «Друиды. Поэты, ученые, прорицатели» он подробно рассматривает тенденцию «меняющейся моды друидических костюмов и аксессуаров».

В 1648 г. Элиас Шедиус изображает друида на титульном листе книги «Религия древних германцев, галлов, бриттов и вандалов». На его рисунке друид предстает



Два друида. Гравюра XVIII в. с барельефа найденного близ г. О/пен, Франция

старцем с короткой бородой, облаченным в длинную рубашку, из-под которой выглядывает босая нога в сандалии, поверх рубашки надета подпоясанная туника с короткими широкими рукавами, бахромой и плотно прилегающим воротом. Голову жреца, на манер римского триумфатора, украшает лавровый венок. Взгляд друида безмятежен, в одной руке у него кубок, в другой, вероятно, ритуальный нож, похожий на серп, описанный Плинием. Друид изображен в компании женщины, видимо тоже жрицы (хотя замысел автора неясен), одеяния которой дополняет человеческий череп, через плечо у нее перекинут барабан, а в руках в качестве барабанных палочек — человеческие кости. Эта пара друидов изображена на фоне дубовой



Титульный лист книги «Религия древних германцев, галлов, бриттов и вандалов» с изображением друида (1648)

рощи, усеянной человеческими головами и искалеченными мертвыми телами.

Весьма интересна и английская традиция изображения друидов. Почти сто лет спустя доктор Уильям Стьюкли в книге «Стоунхендж — храм, возвращенный британским друидам» («Stonehenge: a temple restored to the British Druids», 1740) добавляет в облачение друида короткий плащ с капюшоном, подрезает тунику выше колен, оснащая жреца флягой и секирой.

Спустя еще сто лет, в 1845 г., другой англичанин, Чарльз Найт, в издании «Старая Англия в иллюстрациях» («Old England: A Pictorial Museum», 1845) публикует изображение группы друидов во главе с архидруидом, где



Друид из книги Уильяма Стьюкли «Стоунхендж — храм, возвращенный британским друидам» (1740)

жрецы выглядят на греко-римский манер: длинные туники, крепящиеся брошью на плече, короткие аккуратно подстриженные бороды, некоторые из жрецов вместе с их предводителем уже лишились большей части волос, один из друидов держит в руках нечто в форме полумесяца. Главные отличия архидруида на изображении — это лавровый венок и некое подобие скипетра, заменяющего посох.

Там же содержится изображение архидруида, вершащего правосудие. Этот архидруид очень похож на греческого бога, голову его украшает серповидная диадема, а шею — ирландское ожерелье, горжет.

Примерно в это же время (1851 г.) в Париже выходит книга «История Франции», где содержится изображение



Друиды из книги Чарльза Найта «Старая Англия в иллюстрациях» (1845)

галльского друида, совершающего жертвоприношение. На фоне дубовой рощи и боязливо выглядывающих из-за деревьев местных жителей (а возможно, младших жрецов) босоногий суровый друид в длинном белом одеянии собирает в чашу кровь жертвы...

Что касается одежды, то раскопки захоронений, датированных VI в. до н. э., дали возможность восстановить, каким образом одевалась кельтская знать в этот период: «Мужская одежда состояла из куска ткани, верхние концы которой скалывались фибулой или булавкой, на бедрах же она стягивалась поясом. Одежда женщин, наподобие дорийского хитона, скреплялась на обоих плечах. Специфический признак этого периода — распространение жен-



Архи друид в полном облачении судьи из книги
«Старая Англия в иллюстрациях»

ских украшений, конечно, в первую очередь, опять-таки среди ведущего слоя...»¹

Вполне понятно, что приведенные нами изображения имеют мало общего с тем, как выглядели и одевались друиды времен Плиния, Цезаря и Диодора Сицилийского, однако именно они послужили образцами для современных почитателей культа друидов, или, как их еще называют, неodruidов. На празднествах, устраиваемых ныне вокруг Стоунхенджа, можно увидеть большие скопления современных последова-

¹ Филип Ян. Кельтская цивилизация и ее наследие / Г 1ер. с чешек. А. П. Можайской, Е. В. Гарабриной. Прага, 1961.



Друид из книги «История Франции» (1851)

телей культа: зачастую это бородатые мужчины, облаченные в белые туники и длинные плащи, держащие в руках «магические» посохи, украшенные резьбой и увитые омелой с наверхием в виде «магического» камня или кристалла, с бутфорскими мечами и кубками... А вот мы видим «...парня, сидящего в абсолютном спокойствии, одетого в темно-зеленую мантию, играющего на арфе среди древних деревьев, и женщину рядом с ним... Ока одета в белую мантию, окантованную фиолетовым и красным... А что вы скажете о жрице с перьями в волосах, которая идет по вересковой пустоши к древнему каменному кругу?...»¹

¹ Ор Э. Р. Что такое друидизм? (Источник: <http://www.druidism.ru/whatisdrui.cby.pdf>.)

Современные «друиды», склонные к театрализованным представлениям, а то и к «ролевым играм», внесли массу дополнений в ставший и без того уже сказочным образ древнего кельтского жреца.

Кроме всего прочего, в книгах неодруидического направления выведен так называемый «архетип друида», на который следует равняться каждому адепту:

«...Где-то внутри нашего сознания живет образ старого Друида, который мы приняли как оригинальный образ, как прототип. Он худощав, ему около 70 лет, немного ниже шеста футов (примерно 1,8 метра), с длинными седыми растрепанными волосами, у него длинная борода. Он одет в простую мантию с темным плащом на плечах, на голове свободный капюшон, сандалии на ногах. В его руке может быть побег омелы, золотой серп или резной деревянный посох... Прекрасен он или мрачен, старый Друид является источником универсальной и трогательной истины. Двигаясь с потусторонней безмятежностью, он совмещает мягкость обращения и возраст с абсолютной неуязвимостью. Для многих он кажется олицетворением земли Британии, Ирландии и Бретани, гордых своими титулами... Он такой же хаотический, как зеленые ограды, и настолько неразговорчивый, насколько это вообще возможно. Мы чувствуем, что он может разговаривать с птицами, призывать гром, стоять без страха лицом к лицу с любым человеком. Кроме всего этого, если старый Друид, обитающий в нашем сознании, потирает свой подбородок и погружается в глубокие размышления, произносит свою истину с легкой иронией, то это почти точно и определено он...»¹

¹ Там же.

Друиды и письменность» Огам. Языки кельтов

Как уже говорилось, друиды избегали использовать письменность, дабы уберечь свои знания от глаз непосвященных. Однако это не значит, что друиды и их ученики, в первую очередь дети знатных родов, получавшие воспитание у друидов, не умели ни читать, ни писать. Многие современные находки, такие как «Календарь из Колиньи», о котором уже упоминалось выше, однозначно подтверждают, что друиды были очень образованны. Друиды и высокородные кельты вполне прилично владели латынью и древнегреческим языком.

Этимологическое исследование самого слова «кельт» приводит нас в греческом языке к понятию «живущий скрытно» — очевидно, что жрецам «скрытного народа» подбавляет вести еще более потаенный образ жизни. Мудрость, которой обладает друид, должно хранить внутри себя, не обращаясь к внешним средствам, а знанием делиться только с избранными. Согласно воззрениям друидов, письмена имеют огромную магическую силу и не следует использовать их просто так — для повседневных нужд. Записывать же сакральные знания на языке чужеземцев считалось кощунством. Кроме того, магия могла просто потерять свою силу

или обратиться против самого адепта, осмелившегося на подобный проступок...

Для магических практик у друидов существовала своя тайнопись. В русском языке есть поговорка: «написанное пером — не вырубишь топором», она близка по своей сути к восприятию друидами их тайной письменности, называемой ими *огам*.

Согласно кельтским легендам, огам — это подарок бога Огмия, его детище, «отец огама — Огмий, мать — рука и нож Огмия». В «Баллимотской книге»¹ говорится, что имя «огам» друидской письменности дал сам Огма во времена правления короля Бреса. Огамом называли мудрость, с помощью которой барды обретают дар сочинительства и проносят свои стихи. Согласно легенде, самым первым огам носил название *Soim* и был посвящен Ллугу, сыну Этлема.

Использовать огам, учитывая его божественное происхождение, следовало с превеликой осторожностью, поэтому к нему прибегали лишь для начертания заклинания, высечения надписей на могильных камнях или при разделе собственности. Воздействие огамического заклятия было близко к сатире или хвале, но усиленной десятикратно. Магия огама облекала слова в нечто существующее на физическом уровне, поэтому заклятие имело физическую силу, которая действовала до тех пор, пока существовал носитель, на котором оно было запечатлено. Понягну, что заклинание, высеченное на камне, обладало почти неограниченным сроком действия, менее долговечны огамические формулы, вырезанные на стволах и ветвях деревьев, еще меньше — написанные на деревянных табличках и т. п. Описания применения

¹ «Баллимотская книга», или «Книга Баллимота» — древнеирландский манускрипт, датируемый XIV в.

огама весьма многочисленны: с помощью заклинания, начертанного огамом, можно остановить целую армию, как это сделал однажды Кухулин, или определить местонахождение человека и т. д.

Археологических подтверждений использования огама в магических целях нет — это и не удивительно, учитывая сказанное выше о тайном характере таких практик, но множество упоминаний об этом содержат ирландские скелы. Огамические надписи обнаруживаются на территории Шотландии, Великобритании, больше всего надписей было найдено в Ирландии — в основном это могильные камни, надгробия. Имя, высеченное огамом на каменном надгробии, должно было навсегда запечатлеть память об умершем человеке и, вероятно, служило для него оберегом в будущей загробной жизни.

Неудивительно и то, что не было найдено ни одного литературного текста, написанного огамом. Связано это, кроме прочего, с тем, что ни характер, ни само построение огамического алфавита не располагают к подобному.

Большая часть найденных археологами огамических надписей имеет вертикальное расположение — будь то на каменных столбах различной формы, табличках или стенах. Огамические надписи более позднего периода чаще расположены горизонтально.

«Книга Баллимота» излагает структуру алфавита огам. В ней насчитывается порядка ста пятидесяти вариантов написания огамического шрифта. Согласно заключению лингвистов, изначально огам состоял из двадцати символов, позже к ним было добавлено еще пять. В основе построения огамических алфавитов лежит общий принцип деления на группы из пяти символов. Первые три группы по пять символов передают согласные звуки, четвертая группа — глас-

ные, а пятая считается добавочной и содержит дифтонги. Все знаки, относящиеся к пятой группе, в отличие от четырех предыдущих, отличаются по своей форме: крестообразной, спирали, круга или ромба. Профессор А. Рис¹ упоминает, что выделялось также и пять видов языка: язык фениев, язык поэзии, язык разъединения, язык поэтов, на котором общались лишь посвященные, и тайный язык, без знания которого не стать поэтом. Общая для огамического письма форма нанесения — черточки от центральной оси. Считается, что каждому огамическому символу соответствует дерево. Отражение такого положения вещей обнаруживается в «Битве деревьев», входящей в состав «Мабиногион», где каждое дерево имеет свое место в иерархической структуре, аналогично иерархии человеческих социумов:

«На битву первыми шли деревья, старшие в роде,
А юные ива с рябиной процессию замыкали;
От запаха крови пьян, шагал терновник колючий;
Ольха устремлялась в бой, подняв могучие ветви;
И розы свои шипы к врагу простирали в гневе;
Кусты малины пришли, покинув лесную чащу;
И жимолость ради битвы презрела свою ограду,
И плющ вместе с ней, и вишня, что шла на битву со смехом;
Последней береза шла, мудрейшее из деревьев,
Отстав не трусости ради, а гордость свою сберегая;
Их строй по бокам ограждал золотарник цветущий,
Ель шла впереди, полководцем средь них величаясь;
А королем был тис, что первым в Британии правил;
Мохом обросший вяз не в силах был сдвинуть корни

¹ Рис А.. Рис Д. **Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / Пер. с англ. Т. Михайловой. М., 1999.**

И плелся в хвосте, пугая врагов кряхтеньем и скрипом;
Орешник оружие острил в преддверии грозной битвы,
И бирючина, как бык, стремилась за стройной елью.
Падуб зеленый пришел, не отставая от прочих;
За ним и боярышник дивный, чей сок исцеляет раны;
Аоза, извиваясь, ползла на бой за деревьями следом.
Нерадостно трусам пришлось: был папоротник загублен,
Ракитник пришлось срубить и выкорчевать утесник.
Но храбр, хоть и ростом мал, оказался медовый вереск,
Что в первых войска рядах врагу наносил удары.
От поступи мощного дуба дрожали земля и небо,
Он втаптывал в землю врагов, разя их без счета,
А рядом с ним царственный тис отражал атаки
Врагов, что шли на него, как волны на берег моря;
И груша сражалась там же, обильно кровь проливая;
Каштан состязался с елью в свершенье подвигов ратных.
Бел снег, и чернила черны, и зелены деревья,
Спокойны пучины вод с тех пор, как я крик услышал;
С тех пор березы растут в стране этой без опаски,
И тянутся вверх дубы в холмистом Гвархан-Мэлдеро...»¹

О значении огамического письма и его связи с деревьями Т. А. Михайлова пишет следующее:

«Сам характер огамических знаков дает основания для группировки их по пять однотипных символов (от одной до пяти насечек в каждом знаке), что находит развитие в поздней так называемой „схоластической огамической“ традиции. В среднеирландских трактатах „Руководство для ученых“, „Книга Огама“ и ряде других сохранились подробные описания самого огамического алфавита, даны „кенинги“

¹ Битва деревьев // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 261.

м. | «маний букв... их „имена“ и фонетическое наполнение (и. естественно, предложены теории возникновения этого алфавита)... Огамическая письменность, действительно, ..никогда не нуждалась в настоящей дешифровке, поскольку «качение ее никогда не исчезало среди образованных социальных прослоек Ирландии»⁴⁴ [Королев 1984, 7], но в то же время именно описание огамических символов среднеирландскими „лингвистами“⁴⁴ ясно дает понять глубину языкового „среза“⁴⁴, соответствующую времени возникновения этого алфавита.

Традиционно огамические знаки делятся на так называемые „семьи“ (мрд. *aicmeT* а сами буквы называются *fid* (р/. *fedá*, букв. ‘дерево, палочка, веточка’). Название огамического алфавита — *be-the-luis-nin*, по „именам“⁴⁴ первых фидов первой семьи (аналогично словам *алфавит. азбука, I >унический футарк*). Знаки имеют следующие имена и фонетические значения:

Beithe — „береза“^{*}, передает звук [B];

Luis — „растение, росток, трава“⁴⁴, передает звук [l];

Fern — „ольха“^{44*}, передает др.-ирл. звук [f]. на более раннем этапе — [w] (к и. -е. *g^w);

Sail — „ива“⁴⁴, передает звук [s];

Nin — „сено“⁴⁴ или „вилы“⁴⁴, передает звук [n];

Uath — „страх“⁴⁴, видимо, как-то соотносится с лат. *ravere* ‘бояться’, предположительно передает придыхание... ;

Dair — „дуб“⁴⁴, передает звук [d];

Tinne — „блеск“⁴⁴ или „расплавленный горячий металл“⁴⁴, передает звук M;

Coll — „орешник“⁴⁴, передает звук [lc];

Cert — „яблоня“⁴⁴ (?) (при валл. *perth* ‘куст’), передает звук [k^w], в гойдельский период еще не слившийся фонетически с [k] и сохраняющий признак лабиализованности;

Muin — „шея*, либо „шутка, насмешка**, либо „любовь, привязанность*, передает звук [гп];

Gort — „сад, огород, поле*, передает звук [g];

Getal — „убийство* (?), по мнению Д. МакМануса, не сохранившееся глагольное имя к *gonid* ‘убивает, ранил’⁴ [McManus 1988, 157—9], предположительно передает звонкий лабиовелярный звук [g^w]... в надписях не встречается;

Straif — „сера*, знак предположительно передает аффрикату [ts] либо звонкий [z] (возможно, близок к галльскому звуку [ч, так называемому „тау-галликум*, в гойдельском слившемся с [s]); в поздних трактатах знаки, кодируемые как *cert*, *getal*, *straif*, назывались „загадками огама*, т. е. явно изначально должны были передавать звуки, уже не существовавшие в классическом древнеирландском;

Ruis — „краснота*, передает звук [r];

Ailm — „сосна*, передает звук [a];

Opp — „ясень*, передает звук [o];

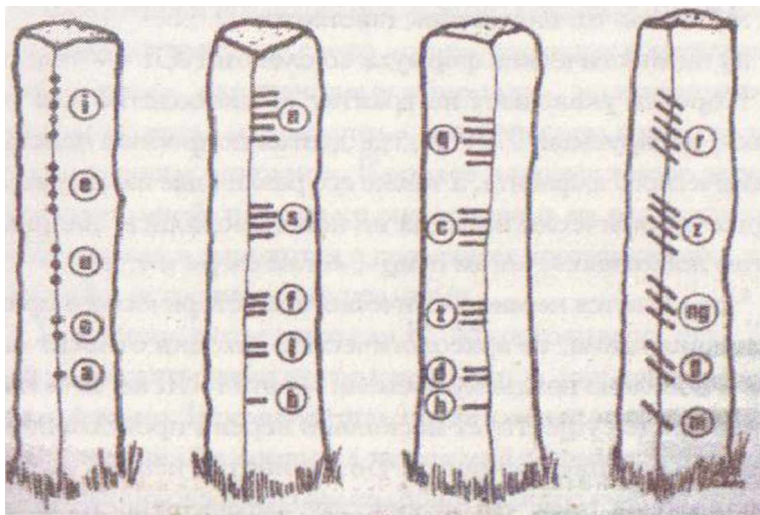
Ur — „земля, почва* (?), передает звук [и];

Edad — возможно, искаженное *ebad* ‘осина’ (кеннинг „умное дерево* и „брат березы*), передает звук [e];

Idad — возможно, искаженное *ibar* ‘тис’, передает звук [i]»¹.

Основная масса найденных огамических надписей датируется V—XI вв. н. з., общее число таких находок порядка 500 надписей, 50 из которых были найдены в Уэльсе и Корнуолле и представляют особый интерес для исследователей языка, так как содержат своего рода билингву, т. е. параллельно огамической надписи идет транскрипция латинскими буквами.

¹ Михайлова Т. А. *Древнеирландский язык: Краткий очерк*. М.: Языки славянских культур. 2010. С. 35—36.



Огамический алфавит

Эрик Мак-Уайт приводит несколько разновидностей часто встречающихся огамических надписей:

- а) такой-то, сын такого-то;
- б) такой-то, потомок такого-то божественного предка;
- в) просто имя;
- г) такой-то, внук такого-то;
- д) такой-то, вассал такого-то;

е) ономастическая формула (клановое имя) со словом ANM — «имя» (как отмечает А. А. Королев¹, ссылаясь на исследование Ж. Вандриесома, последнее есть не что иное, как подражание латинским христианским надписям со словом «потело» (имя); кроме того, в огамических надписях, содержащих данную формулировку, часто присутствует изображение креста);

¹ Королев А. А. Древнейшие памятники ирландского языка. М., 2003.

- ж) такой-то, племянник такого-то;
- з) ономастическая формула со словом КОІ — «здесь».

Королев указывает на трактат «Руководство для ученых», датированный XIV в., где дается подробное описание огамического алфавита, а также его различные вариации, которые практически никогда не использовались, например «огам животных», «огам птиц», «огам озер» и т. д.¹

Что касается не мифологического, а исторического происхождения огама, то археологические находки относят огам уже к довольно позднему времени — это I—III вв. н. э. В научной среде существует несколько версий происхождения огамической письменности. Большинство исследователей склоняются к тому, что огамические алфавиты построены по принципу латинского либо греческого алфавитов. В труде Королева, современного исследователя в области европейских языков, подробно рассматриваются различные гипотезы происхождения огамического письма.

Л. Ричардсон приводит свою этимологию самого происхождения названия письменности «огам». По его мнению, Огма был всего лишь силачом клана богини Дану, а принадлежность и покровительство искусствам ему приписали позднее. Опираясь на фонетический разбор слова, он считает, что огам был заимствован из древнегреческого языка (agma) и получил свое название в честь специальной буквы, отличающей его от латинского алфавита. Однако такую версию Королев считает маловероятной в силу, во-первых, неясности обстоятельств такого заимствования, во-вторых, фонетических сложностей, которые при таком заимствовании должны были дать другой звук и, соответственно, другое название.

¹ Там же.

Комментируя исследование другого ученого, Дж. Киллена, по версии которого слово «огам» восходит к греческому слову «огмос», означающему «борозда», и сикомическим глаголам «кусать» и «царапать», в переносном значении также означавшим «письмо», Королев находит такую версию несостоятельной, поскольку она основана на недоказанных предпосылках и находится в серьезном противоречии с хронологией и историческими реалиями.

По мнению исследователя К. Марстрандера, огам был изобретен галльскими друидами в I в. н. э. как криптографическое письмо. Исследователь предполагает, что основу огамического письма составил латинский алфавит в том виде, в каком он прижился в Галлии. Марстрандер считает, что порядок букв огамического алфавита тесно связан с классификацией деревьев по степени благородства их происхождения (см. «Битву Деревьев»). Также он предполагает, что огам состоит в родстве с руническим письмом, в частности огам заимствовал из рунического письма классификацию знаков и отождествил бога Огму с Одним, так как оба эти божества — покровители искусств и мудрости, «боги-вязатели», по выражению другой исследовательницы, Ф. Леру.

Исследователь рунического алфавита Х. Аритц, основываясь на ошибочном предположении, что самые ранние огамические надписи принадлежали шотландским пиктам, выдвинул гипотезу, что огам и вовсе был заимствован пиктами из скандинавских рун.

Исследователь В. Келлер сопоставляет классификацию огамической азбуки с классификацией звуков в латинской грамматике Доната «*Ars minor*». По версии Келлера, автором огама является некий ирландец, живший в IV в., получивший образование в римской Британии. Этот ирландец был столь образован, что владел и рунической грамотой;

таким образом, основываясь на латинской и рунической грамматике, он создает огам. Королев считает эту версию маловероятной; по его замечанию, гораздо проще было уже тогда заимствовать латинский алфавит, который вполне подходил для гойдельского языка. Кроме всего прочего, эта версия противоречит археологическим данным, согласно которым самая ранняя огамическая надпись датируется I в. н. э.

Р. Турнейзен, анализируя работы трех вышеупомянутых исследователей, приходит к следующим выводам: 1) нет никакой связи между именем Огмы и названием письменности ввиду явного фонетического несоответствия; 2) огамическая письменность берет свое начало от зарубок на деревянных палочках, которые использовались для счета предметов, календарных отметок и, возможно, магических практик; 3) исходя из версии Келлера, можно предположить, что некий ирландский колонист в юго-восточной Британии на основе существующей практики зарубок создает для своих соотечественников более простую, нежели латинский алфавит, систему письма — огам.

Исследователь Ж. Вандриес склоняется к версии о латинских корнях огамической письменности, но считает, что группирование по пятеркам — это аналог счета по пяти пальцам.

Еще один ученый, Р. Макалистер, выдвинул гипотезу о том, что огамический алфавит восходит к этрусской азбуке и халкидинскому варианту западногреческого алфавита, такая смесь языков была заимствована друидами в V в. до н. э. Потом друиды преобразовали это заимствование в некое подобие «азбуки глухонемых» для безмолвного общения и колдовства, в Ирландии же эта «азбука» снова стала письменностью.

Исследователь Дж. Карни склоняется к версии, что огам был искусственно изобретен галльскими друидами в период конфронтации с римлянами в качестве тайного языка; происхождение огамической азбуки он также связывает с ранним латинским алфавитом.

Королев по вопросу происхождения огамической письменности приходит к следующим выводам: 1) имя бога Огма могло играть основную роль в названии огамической письменности; 2) огамическая письменность возникла на основе культурных контактов в период I—III вв. н. з.; 3) основой огама был латинский алфавит; 4) классификация в огамическом алфавите связана с классификацией деревьев у древних кельтов; 5) форма знаков в огамическом алфавите взята из традиционной системы счетных и магических знаков; 6) для высечения надписей на могильных камнях огам стал использоваться гораздо позже, ранее же он использовался для мнемонических записей, наносимых на дерево или кость, и самые ранние огамические письма до нас не дошли.

В период христианизации кельтских земель огам стал использоваться все реже и после X в. был практически полностью вытеснен письмом, созданным на основе латинского алфавита.

Рассмотрим теперь кратко устные языки кельтов. Хотя первые археологические данные, связанные с ранними следами кельтов, были получены в XIX в., сам термин «кельт» уже не был новым. Еще в XVI—XVII вв. благодаря работам лингвистов Дж. Бьюкена и Э. Ллюда кельтами стали называть народы, говорившие на кельтских языках. Кельтские языки относят к итало-кельтской группе индоевропейских языков, разделенной на две группы наречий.

Первую группу наречий филологи классифицируют как Q-кельтскую или гойдельскую (от уэльского названия ирландского языка Gwyddel), отличительной чертой этой группы являлось наличие первоначальной индоевропейской «q», которая позднее стала звучать как «к», а писаться как «с». К этой языковой группе принадлежали жители Ирландии, а в конце V в. н. э. эта группа языков получила распространение в Шотландии благодаря ирландским поселенцам из королевства Дал Риادا. Когда-то на этом языке говорили обитатели острова Мэн, также некоторые следы гойдельской группы сохранились на континенте.

Вторую группу классифицируют как P-кельтскую. Она характерна тем, что индоевропейская «q» в ней трансформировалась в «р». Группа P-кельтских языков получила распространение на континенте, где относящиеся к ней языки носят название галльских, бриттских или галло-бриттских. В Британию этот язык завезли поселенцы железного века, на нем же говорили в эпоху римского господства; впоследствии он разделился на валлийский, бретонский и корнский языки.

И по сию пору на кельтских языках говорят в некоторых районах Британских островов. Кое-где в Ирландии, Шотландии, Бретани (Франция) это и вовсе живые языки. В Уэльсе же валлийский язык не только сохранился, но и является употребительным в повседневной жизни, а жители некоторых деревень на севере Уэльса до недавнего времени почти не понимали современный английский.

Подытоживая наш экскурс в кельтское языкознание, укажем еще раз на то, что, несмотря на знание кельтами и, в первую очередь, друидами письменности (как собственной, так и сопредельных цивилизаций), главную роль в этой

культуре играла все же устная речь — именно посредством нее пере давалась и духовная традиция, и повседневные знания. Однако не стоит оставлять надежд на то, что в результате новых археологических находок (или правильной интерпретации старых) нам посчастливится когда-нибудь соприкоснуться с древней друидической письменностью и завеса тайны, окутывающая сей феномен европейской культуры, чуть приподнимется.

Религиозный мир кельтов

«На северных островах земли были Племена Богини Дану и постигали там премудрость, магию, знание друидов, чары и прочие тайны, покуда не превзошли искусных людей со всего света.

В четырех городах постигали они премудрость, тайное знание, дьявольское ремесло — Фалиасе и Гориасе, Муриасе и Финдиасе.

Из Фалиаса принесли они Аиа Файл, что был потом в Таре. Вскрикивал он под каждым королем, кому суждено было править Ирландией.

Из Гориаса принесли они копье, которым владел Луг. Ничто не могло устоять перед ним или пред тем, в чьей руке оно было.

Из Финдиаса принесли они меч Нуаду. Стоило вынуть его из боевых ножен, как никто уж не мог от него уклониться, и был он воистину неотразимым.

Из Муриаса принесли они котел Дагда. Не случилось людям уйти от него голодными.

Четыре друида были в тех четырех городах: Морфеса в Фалиасе, Эсрас в Гориасе, Ускиас в Финдиасе, Семиас

и Муриасе. У этих четырех филидов и постигли Племена Богини премудрость и знание»¹.

Начало скелы «Битва при Маг Туиред» дает очень важную информацию об обитателях кельтского пантеона — Племенах Богини Дану. Что же представляло собой божественное племя? Во-первых, стоит обратить внимание на то, что это далеко не первое по счету божественное племя, пришедшее на территорию Ирландии. Немаловажное значение имеет и то, что племя Дану обучалось премудрости у друидов, а не наоборот. Это означает, что власть друидов была выше власти обитателей сидов (о сидах и иных потусторонних мирах мы расскажем чуть ниже). Как пишет С. Шкунаев^{1 2}, практически единственным критерием, по которому скелы объединяются в этот цикл, является участие в них персонажей из Племен Богини Дану — божеств древнеирландского (иногда общекельтского) пантеона, сделавших в начале христианской эпохи первый шаг по тому пути, который привел их в Новое время к положению фэй и прочих сверхъестественных существ. С первого взгляда бросается в глаза то, что этот цикл лишен основных составляющих всякой мифологической системы — космологии и эсхатологии, преданий о сотворении мира и о его грядущем конце. Несомненно, такие предания существовали, но знание об этих предметах было прерогативой друидов. Друиды, как говорит один из текстов, иногда даже утверждали, будто это они создали небо, моря и землю. Исчезновение друидов как сословия предопределило гибель основных частей их доктрины. В связи с этим, как отмечает Шкунаев, можно предположить, что причиной

¹ **Битва при Маг Туиред // Похищение Быка из Куальнге. С. 351.**

² *Шкунаев С. В. Герои и хранители ирландских преданий.*



Езус

сохранности основных языческих мифов у германских народов могло быть именно отсутствие у них корпоративно организованного жречества.

Из описания, оставленного поэтом Луканом, известны имена трех главных богов кельтов: Тевтата, Езуса и Тараниса. Тевтат, чье имя переводится как «Отец племени», имел двойственный облик: покровительствовал, с одной стороны, военному делу и воинам, с другой — торговцам и торговым делам (по словам Яна де Фриса, он «мог быть как Меркурием, так и Марсом»). Тараниса отождествляют с германским Донаром и римским Юпитером, так как корень «*taran*» обозначает «гром». Езуса сопоставляли со скандинавским Одином, в его изображении обычно присутствует дерево*



Таранис

Еще один бог, не упоминаемый Луканом, но часто встречающийся в иконографии древних кельтов, — это Цернун. Его изображали в виде лысого старика с оленьими ушами и рогами, сидящего со скрещенными ногами, в одной руке он держит ожерелье, а в другой змею с головой овна. Цернун окружен множеством зверей, среди которых прекрасный олень.

Также археологи находят множество статуй женских божеств, символизирующих плодородие и материнство. Часто они изображаются с ребенком в утробе или на коленях, с корзинами фруктов или рогом изобилия. Женский архетип в кельтской мифологии занимает центральное место, доказательством этому служат ирландские скелы и валлийские



Цернун

предания, где праmaterью всех богов считается богиня Дану (Дон у валлийцев)¹.

Частично воссоздать кельтский пантеон помогают литературные памятники, повествующие о богах кельтов, — это ирландские скелы, рассказывающие о Племенах Богини Дану, и валлийский «Мабиногион».

ТУАТА ДЕ ДАНААН И ФОМОРЫ

Наиболее интересной скелой всего ирландского цикла является «Битва при Маг Туиред». Ценность ее в том, что в ней представлен практически весь кельтский пантеон, включая *фоморов*, о которых крайне мало данных.

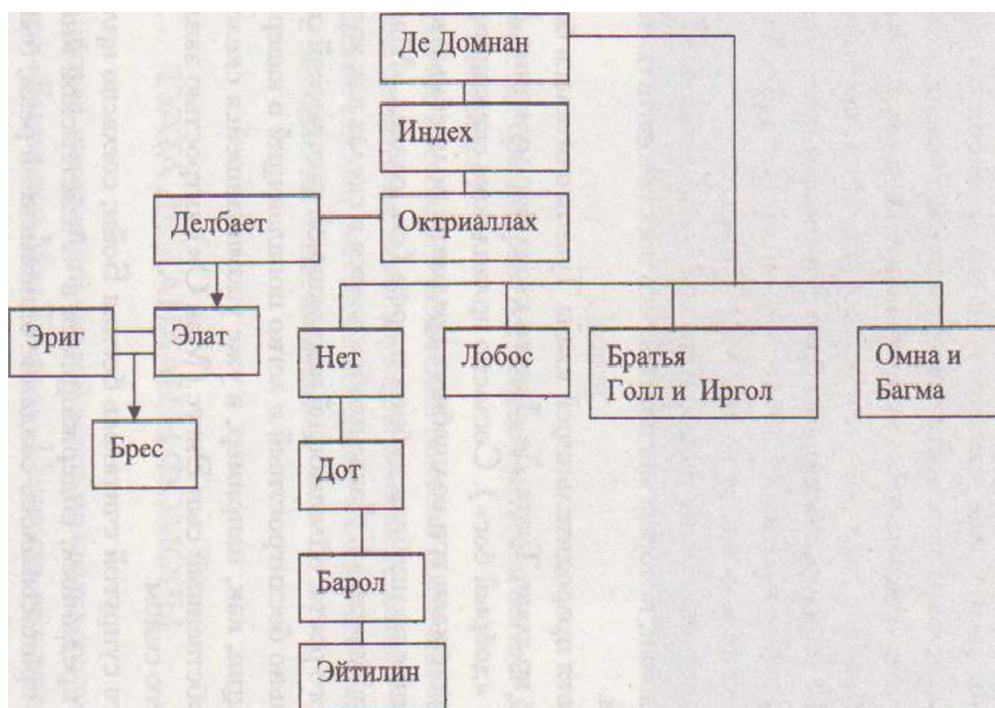
¹ По материалам книги: *Эли аде М. История веры и религиозных идей: В 3 т. Т 2. М., 2002.*

Боги рода Туата Де Данаан («Клан богини Дану») считали своей праматерью богиню Дану, а фоморы принадлежали роду Де Домнан, что дословно обозначало непосредственное место их обитания — морскую бездну. Фоморы, вероятно, были более древним изначальным божественным родом, нежели остальные божественные племена, которые в легендах описываются как прибывшие из-за моря. Фоморы находились в постоянном и весьма успешном противодействии с вновь прибывшими божественными поселенцами, конец этому противостоянию положили Туата Де Данаан, победив фоморов в битве при Маг Туиред.

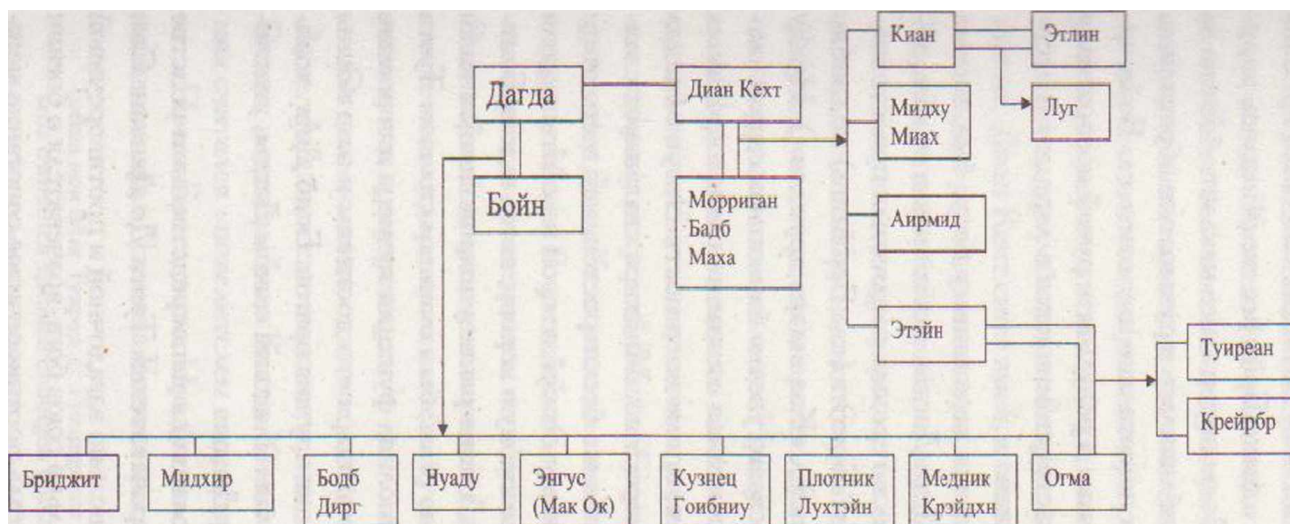
Далее приведены генеалогические древа фоморов и Туата Де Данаан, которые мы попытались восстановить по тексту скелы.

Хотя прародительницей клана Туатов считалась богиня Дану, во главе Туата Де Данаан стоял бог-мужчина Дагда (ирл. «добрый бог»). Согласно ирландским сказаниям, ему принадлежали три волшебных предмета: волшебный котел, огромная волшебная дубина и арфа (см. раздел «Магические предметы»). Дагда изображается в скелах как муж огромного роста, обладающий недюжинной физической силой, довольно бесхитростный и легко попадающий в каверзные ситуации, как, например, в уже упоминавшейся скеле, где его собственный сын Энгус (Мак Ок) хитростью завладевает его сидом.

Его супругой считалась богиня Бойн; согласно ирландским преданиям, содержащимся в «Лейстерской книге», Бойн приписывалось создание одноименной реки, бывшей прежде ручейком, по берегам которого росли волшебные орехи, открывавшие съевшему их все тайны бытия. Орехи нередко падали в ручей и съедались *лососями*, от чего лососи пользовались у кельтов глубоким уважением и считались



Фоморы



Туата Де Данаан

вещими. Ни человеку, ни богу не позволено было приближаться к этому ручью, однако Бойн все же решилась нарушить древний запрет. Воды попытались наказать богиню заслушание: едва она приблизилась к ручью, они обратили на Бойн всю свою мощь и попытались поглотить ее. Бойн чудом осталась жива, однако в результате ручей превратился в реку Бойн, которая часто упоминается в легендах и ассоциируется с самой богиней.

Дагда, как и полагается верховному богу, был весьма плодовит (см. схему). Дети Дагды, так же как и он сам, довольно часто становились героями различных повествований. О богине Бриджит-Бригит (св. Бригитте) подробно говорится ниже (см. раздел «Календарь друидов»). Нуаду «Серебряная рука» до своего увечья был полководцем клана. Энгус (Мак Ок) считался одним из самых красивых среди Туата Де Данаан, кроме внешности Энгус обладал незаурядным умом и хитростью. Мидхира связывают с миром мертвых. Он был так же бесхитростен, как и его отец; брат Энгус уводит его жену Этайн, а герои из свиты короля Конхобара отнимают волшебную корову, котел и дочь Блатнад. Огма, или Огмий, также ранее упоминавшийся нами в связи с письменностью огам, был главным силачом Туата Де Данаан. Гоибни выполнял функции кузнеца для воинов Туата Де Данаан — благодаря его доспехам и элю войны делались неуязвимыми для оружия врагов. Бодб Дирг, хозяин подземного дворца, был младшим сыном Дагды, унаследовавшим титул самого Дагды.

Диан Кехт, не состоявший в непосредственном родстве с Дагдой, был богом-врачевателем Туата Де Данаан. Сам Диан Кехт является довольно загадочной и противоречивой фигурой. Чего стоит только союз бога - врачевателя и богини смерти (Морриган). Столь противоречивое сочетание мож-

но истолковать и самым мистическим образом: как брачный союз между Жизнью (здоровьем) и Смертью... Кроме того, Диан Кехт был весьма эксцентричен и нередко предавал смерти своих отпрысков: один из них, из общих с Морриган детей, был настолько ужасен при рождении, что родители решили умертвить младенца, после смерти Диан Кехт вскрыл сердце ребенка и обнаружил там трех змей. Умертвив их, Диан Кехт сжег змей, а пепел высыпал в реку, после чего вода в реке вскипела так, что в ней погибло все живое. Впрочем, такое убийство было оправданно — позволив родителям этому младенцу вырасти, он стал бы великаном и проглотил бы всю Ирландию. Случай с другим сыном, Мидху (Миах), уже описывался ранее. Диан Кехт не одобрил того, что сын полностью излечил Нуаду:

«Недобрым показалось такое лечение Диан Кехту, и обрушил он меч на голову сына, и рассек кожу до мяса. Исцелил эту рану искусный Миах. Тут вторым ударом меча разрубил ему Диан Кехт мясо до самой кости, но вновь исцелил эту рану Миах. В третий раз занес меч Диан Кехт и расколол череп до самого мозга, но и тут исцелил Миах свою рану. В четвертый же раз мозг поразил Диан Кехт, говоря, что уж после этого удара не поможет ему ни один врачеватель. Воистину так и случилось...»¹

Отдельно надо сказать о внуке Диан Кехта — боге Луге. Луг был сыном дочери одного из фоморов Барола, Этлин, и сыном Диан Кехта, Киана. Бог Луг не без основания считался «повелителем всех искусств»:

«После Бреса снова Нуаду стал их королем и как-то однажды позвал Племена Богини на славный пир в Тару^{1 2}. В то

¹ Битва при Маг Туиред // Похищение Быка из Куальнге. С. 357.

² Тара считается древней столицей Ирландии (до XII в.), резиденцией и местом коронации верховных королей. Сейчас это холм, на котором

время держал туда путь воин по имени Самилданах. Два привратника были тогда в Таре, и звали их Гамал, сын Фигада, да Камал, сын Риагала. Заметил один из них незнатных людей, приближающихся к Таре, а во главе их был благородный воин, отмеченный знаками королевского сана.

Повелели они привратнику объявить о них в Таре, а тот пожелал узнать, кто перед ним.

— Видишь ты Луга Лоннансклеха, сына Киана, сына Диан Кехта и Этне, дочери Балора, того, что приемный сын Таллан, дочери Магмора, короля Испании, и Эхайда Гайрух, сына Дуаха.

И спросил привратник Самилданаха:

— Каким ремеслом ты владеешь? Ибо не знающий ремесло не может войти в Тару.

— Можешь спросить меня, — отвечал Луг, — я плотник.

— Ты нам не нужен, — молвил привратник, — есть уж у нас плотник, Лухта, сын Луахайда.

— Спроси меня, о привратник, я кузнец, — сказал Луг.

— Есть между нами кузнец, — ответил привратник, — Колум Куалленех, человек трех невиданных приемов.

— Спроси меня, я герой, — сказал Луг.

— Ты нам не нужен, — ответил привратник, — воитель могучий есть в Таре, Огма, сын Этлиу.

— Спроси меня, я играю на арфе, — снова сказал Луг.

— Ты нам не нужен, ибо есть уж среди нас арфист, Абкан, сын Бикелмоса, что был призван из сидов людьми трех богов.

находится множество древних памятников. Ритуальный брак верховного короля с его землей заключался на «пиру Тары», в Медовом покое — главном пиршественном зале; сама Тара также по своему устройству воспроизводила сакральное деление Ирландии — вокруг Медового покоя было четыре зала. Здесь расположен легендарный камень Фаль.

— Спроси меня, — молвил Луг, — я воитель.

— Не нужен ты нам, — ответил привратник, — в Таре <>с*страшный Бресал Эхарлам, сын Эхайда Вастлама.

Снова Луг молвил:

— Спроси меня, я филид и сведущ в делах старины.

— Нет тебе места среди нас, — отвечал тот, — наш филид Эн, сын Этомана.

И сказал Луг:

— Спроси меня, я чародей.

— Ты нам не нужен, — ответил привратник, — есть уж у нас чародеи, да немало друидов и магов.

И сказал Луг:

— Спроси меня, я врачеватель.

— Ты нам не нужен, — промолвил привратник, — Диан Кехт среди нас врачеватель.

— Спроси меня, — снова сказал он, — я кравчий.

— Ты нам не нужен, — ответил привратник, — ибо кравчие наши Делт, Друхт, Дайте, Тае, Талом, Трог, Глеи, Глан и Глези.

— Спроси меня, — сказал Луг, — я искусный медик.

— Ты нам не нужен, есть среди нас уже Кредне.

И тогда снова заговорил Луг:

— Спроси короля, — сказал он, — есть ли при нем человек, что искусен во всех тех ремеслах. Если найдется такой, то покину я Тару.

Направился привратник в королевские покои и обо всем рассказал королю,

— Юный воин пришел к входу в Тару, — сказал он, — что зовется Самилданах. Все, в чем народ твой искусен, постиг он один, человек всех и каждого дела.

И тогда повелел король расставить перед Самилданом доски для игры в фидхелл, и всякий раз тот выигрывал, сделав Кро Луга¹.

Когда же рассказали о том Нуаду, то король молвил:

— Пропустите его, ибо до сей поры равный ему не приходил к этой крепости.

Тут пропустил Луга привратник, а тот вошел в крепость и воссел на место мудреца, ибо и вправду был сведущ во всяком искусстве...»^{1 2}

Что касается соотношения между родами фоморов Де Домнан и богов Туата Де Данаан, то следует отметить, что, несмотря на множество отличий, непроходимой границы между ними не было. Более того, отпрыски и тех и других довольно часто вступают в брак. Возможно, противостояние фоморов и Туатов прежде всего отражает конфликт между богами и их собственными демоническими ипостасями. В узком смысле это конфликт между достойным и недостойным отправлением королевской власти, а в более широком — противопоставление двух состояний одного и того же мира — Космоса и Хаоса. Как пишет С. Шкунаев, «фоморы — это главным образом не тип персонажей, а тип действия, персонификация пограничного состояния мира. Во множестве текстов демонический характер фоморов подчер-

¹ *Фидхелл* — настольная игра типа шахмат, часто выступающая в кельтской мифологии в качестве средства решения споров, конфликтов ит. п. Хотя ее название чаще всего переводится как «шахматы» и в ней используется доска наподобие шахматной, однако точные ее правила и способ игры утрачены (соответственно невозможно перевести и термин «Кро Луга»). Валлийский аналог названия этой игры звучит как геиддбвилл. Надо сказать, что, хотя игра в фидхелл и была придумана во времена Троянской войны, в ту пору еще не знали ее ирландцы, ибо разрушение Трои и битва при Маг Туиред случились в одно время.

² Битва при Маг Туиред // Похищение Быка из Куальнге. С. 361.

квивается их обликом одноногих и одноглазых существ, какими они предстают во время сражения. В соответствии со «моей двойной природой ту же позу (стояние на одной ноге с прикрытым глазом вообще часто связывается в традиции I совершением магических, „пограничных“ действий) принимает и Луг, ведя свое воинство в битву. Кульминацией ее становится поединок между ним и Балором, многими чертами сближающийся с космической битвой, известной большинству индоевропейских народов»¹.

Говоря о безобразии фоморов, не следует забывать о том, что среди них довольно часто встречались исключения, например мать Луга или отец Бреса, о котором речь идет в следующем фрагменте:

«Как-то однажды случилось Эри, дочери Делбаета, женщине из Племен Богини, смотреть на море и землю из дома в Магт Скене, и море перед ней было так спокойно, что казалось бескрайнею гладью. Вдруг увидела она нечто, и был это пливший по морю серебряный корабль, немалый на вид, но не могла женщина различить его облик. Пригнали волны корабль к берегу, и увидела на нем Эри прекрасного воина. До самых плеч спадали его золотистые волосы. Платье его было расшито золотой нитью, а рубаха — золотыми узорами. Золотая пряжка была у него на груди, и от нее исходило сияние бесценного камня. Два копья с серебряными наконечниками и дивными бронзовыми древками держал он в руках. Пять золотых обручей были на шее воина, что нес меч с золотой рукоятью, изукрашенной серебром и золотыми заклепками»^{1 2}.

Отпрыски, рождавшиеся в результате связи фоморов и Туатов, наследовали прекрасную внешность — это обстоя-

¹ ШКуняев С. В. *Герои и хранители ирландских преданий*. С. 21.

² *Битва при Маг Туиред // Похищение Быка из Куальнге*. С. 353.

тельство, вероятно, было призвано символизировать победу светлого начала (Туатов) над темным (фоморов). Часто боги клана Дану вступали в связь и с обычными людьми, их дети, как правило, становились героями или легендарными королями, как, например, Кухулин и Койнаре.

«МАБИНОГИОН»

Исторические реалии Уэльса значительно отличались от реалий Ирландии, которая до X в. оставалась практически не тронутой ни римским, ни, позднее, христианским культурными воздействиями. Отличались они и от условий материковой Галлии, где произошла значительная ассимиляция кельтов римской цивилизацией.

Британия начиная с I в. н. э. постоянно подвергалась нападениям — на смену римлянам в V в. пришли германские племена англос и саксов. В VIII в. прибежищем отступающих бриттов стал полуостров на западе, эту область, отделенную от Ллогры (Англии) рвом, называли Уэльс, что дословно обозначает «застойная земля»; нашли здесь прибежище и христианские монахи, которые в самой Ллогре подвергались большей опасности. Печальным наследием кельтского прошлого полуострова стали междоусобные войны между различными кланами, вождями и англо-нормандскими феодалами. В XII в. изоляция Уэльса прекращается навсегда. С этого времени кельтская традиция «развивается» исключительно в творчестве бродячих бардов и сказителей.

Благодаря Гальфриду Монмутскому произошел синтез англосаксонского и кельтского наследий в легенде о короле Артуре — его идеальный образ пришелся очень кстати, от-

ражая монархические тенденции того времени. Так изначально кельтские сюжеты в виде баллад и сказаний о Тристане и Изольде, короле Артуре и чаше Грааля начали распространяться по всей Европе. Тем временем барды, развлекая валлийскую знать, использовали мифические и легендарные образы, объединяя их в так называемые «Триады Острова Британии» — объединяя имена и события по тройкам применительно к сюжету. В такой непростой исторической и культурной обстановке рождаются и воссоздаются повести, собранные позднее воедино под названием «Мабиногион».

Слово «мабиногион» является множественным числом от мабиноги», значение которого возводится к валлийским корням и трактуется как «повесть о юности». Распространенное толкование смысла его названия — «то, что должен знать рассказчик — ученик барда», т. е. «Мабиногион» — это основа обучения, базисное знание ученика барда, своеобразная шпаргалка, составленная для лучшего запоминания сюжетов.

Считается, что «Мабиногион» является «...компиляцией, составленной в XIII в. из весьма разнообразного материала состоявшими на княжеской службе бардами, частью для развлечения аристократического общества, частью для возбуждения националистических чувств накануне окончательного подчинения Уэльса Англии (1282). Этим объясняется стремление авторов (проведенное ими, однако, не вполне систематически) согласовать элементы, относящиеся к разным эпохам, и переделать иноземные сюжеты (ирландские и <французские) на национальный лад»¹. Повести, вошедшие в «Мабиногион», взяты главным образом из рукописи XIV в., озаглавленной «Красная книга Хергеста». Пре-

¹ Литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1932.

дание о Талиесине восходит к другому источнику — рукописи XVII в. Как предполагают ученые, четыре древнейших сказания «Мабиногион» сформировались в том виде, в каком мы их знаем, в X или XI столетиях, в то время как некоторые ирландские саги, например повесть об Этайн и Мидире или о смерти Конайре, следует возводить к VII или VIII вв. Предание о приходе Партолона было известно уже Неннию, писавшему около 800 г. Стоит упомянуть также и о «Белой Книге Риддерха», датируемой 1325 годом, и хотя тексты этих книг несколько отличаются друг от друга, общая их основа однозначно подтверждает наличие более древнего источника.

Темы и различные элементы кельтской мифологии в «Мабиногион», хоть и перерабатываются христианскими монахами-переписчиками, все же в основном остаются. При этом кельтские боги превращаются в древних королей и героев, но сохраняются путешествия в потусторонний мир; герои повествования щедро наделены древней магией друидов с их волшебными предметами, при этом, как правило, негативная оценка всего магического совершенно отсутствует.

Многие персонажи «Мабиногион» реально существовали, например поэт Талиесин, живший в VI в., или короли Уриен и Малгон Гвинедд, Максен Веледиг (Магн Максим). Можно это сказать и о короле Артуре. Вполне естественно, что описанные персонажи не были тождественны своим реальным прототипам.

«Мабиногион», в том виде, в котором он известен нам сегодня, впервые с валлийского на английский был переведен в 1848 г. леди Шарлоттой Гест.

Рассматриваемый нами свод сказаний содержит в себе одиннадцать повестей и условно разделен на четыре части.

Первая часть носит название «Четыре ветви Мабиноги» и состоит из четырех повестей: «Пуйлл, король Диве-

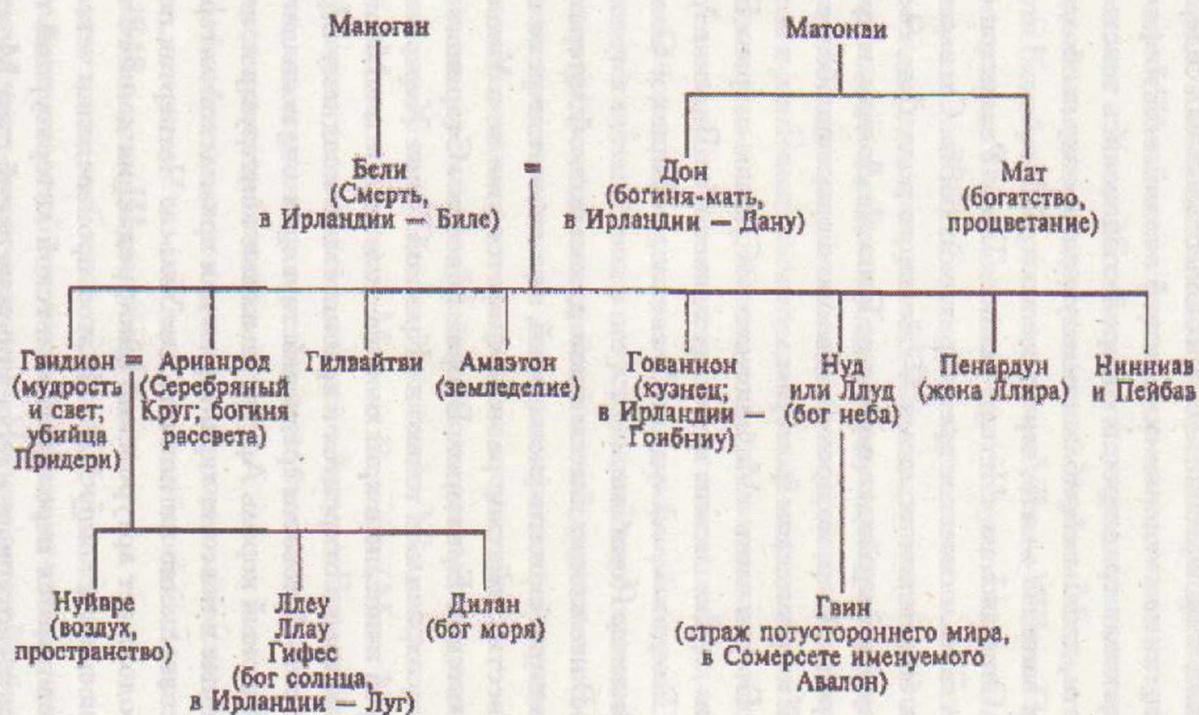
да», «Бранвен, дочь Ллира», «Манавидан, сын Ллира», Мат, сын Матонви». В этих повествованиях содержатся бесценные сведения по древней валлийской мифологии. Языковая традиция, в которой создавались тексты этой части, дает нам приблизительную датировку наиболее ранних записей — это, вероятнее всего, XI в.

Опираясь на «Четыре ветви», Томас Роллестон составил генеалогическое древо британских богов. Он вычленяет два божественных дома — женского рода Дон, соответствующий ирландскому клану Туата Де Данаан, и мужского рода Ллир, по происхождению и описанию более близкий к ирландским фоморам.

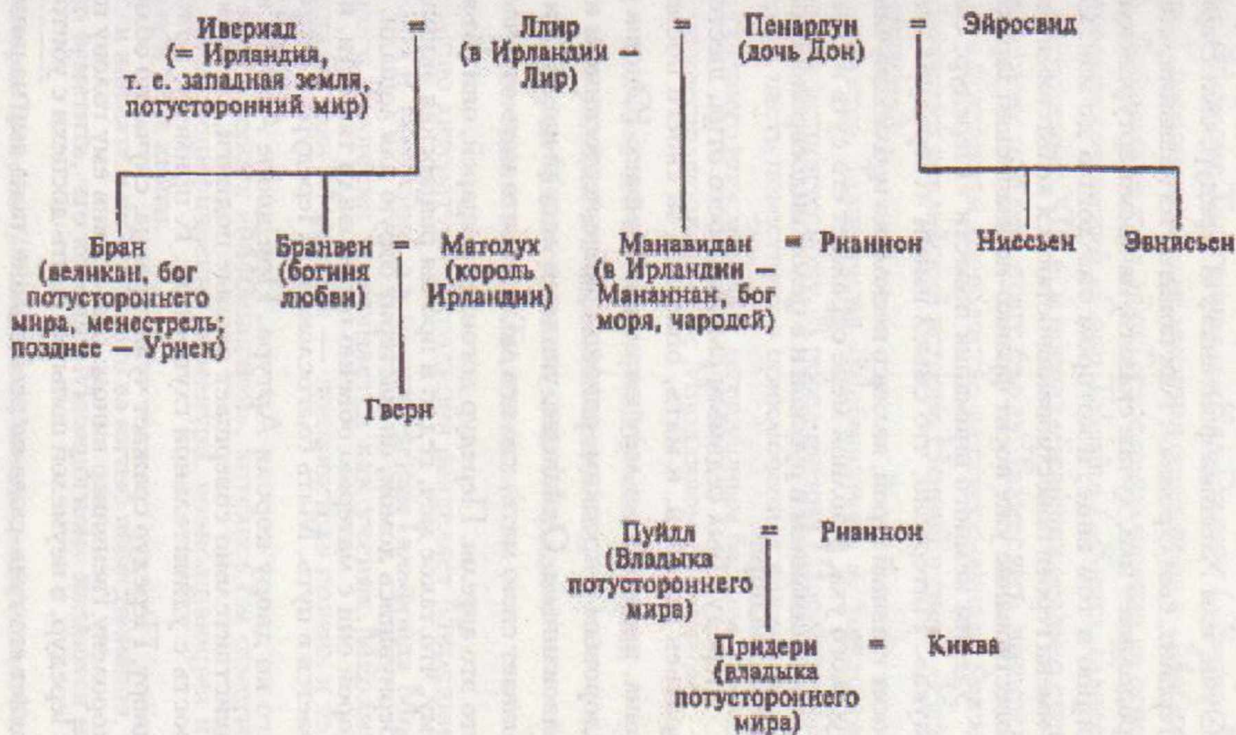
Вторая часть «Мабиногион», «Старина острова Британии», также состоит из четырех повестей: «Видение Максена Вледига», «Ллудд и Ллевелис», «Килох и Олвен» и «Видение Ронабви».

В нее входят классические для кельтской литературной традиции сюжеты сновидений, однако, в отличие от первой повести, действие разворачивается уже не в Уэльсе, а в кельтской Британии. Вторая повесть «Старины» целиком сохранилась только в «Красной Книге Хергеста», которая написана в приключенческом жанре и по особенностям языка относится к сравнительно позднему периоду. В третьей повести среди действующих лиц появляется легендарный король Артур; языковые конструкции, используемые в повести, характерны для ирландской литературы и совершенно нетипичны для Уэльса. Четвертая повесть продолжает артуровский цикл, редакция данного текста относится к концу XII в. В этом произведении четко прослеживается переход от кельтской литературной традиции к «артуриане» героев произведений сэра Меллори и Кретьена де Труа.

БОГИ РОДА ДОН



БОГИ РОДА ЛЛИРА



Третья часть «Мабиногион» — «Рыцари Артура»: «Оуэн, или Хозяйка фонтана», «Передур, сын Эвраука», «Герайнт, сын Эрбина». Как понятно из названия, эта часть продолжает или, лучше сказать, начинает артуровскую традицию в том виде, в котором она дошла до нас. Сюжет и имена героев повествования остаются кельтскими, но само повествование уже носит франко-норманнский характер.

Хмелим немного внимания повести «Передур, сын Эвраука». Интересно, что смысл имени «Передур», которое носит главный герой, являясь несколько неблагозвучным для русского уха, в полной мере отражает его суть и совпадает с его пониманием в русской и в целом индоевропейской языковой традиции.

Передур был седьмым сыном своего отца, шестеро его братьев погибли, и мать, опасаясь за своего последнего сына, прячет его в лесу и там воспитывает. Юноша растет здоровым и крепким, однако крайне неотесанным и необразованным. Однажды, увидев в лесу рыцарей, он спрашивает свою мать, кто эти люди, на что мать отвечает ему, что это ангелы. Передур догоняет рыцарей, они объясняют ему, что такое меч, седло и прочая рыцарская экипировка. Вернувшись домой, он мастерит сбрую для лошади, на которой они с матерью обычно перевозили тяжести, и собирается в путь. Мать благословляет Передура и отправляет его ко двору короля Артура. При дворе Артура юноша действительно совершает разные подвиги, сочетая храбрость с удивительной глупостью. К примеру, прибыв ко двору, Передур сражает чужестранца, случайно облившего королеву Гвенвивар вином: размозжив ему голову палкой, Передур, в неумелой попытке снять доспехи с убитого, тащит его туда-сюда по всей поляне, пока ему на помощь не приходит сэра Овайн...

Четвертая часть свода — «История Талиесина». В нее входят «История Талиесина» и «Кад Годдеу» («Битва Деревьев»), первоначально не имевшая отношения к «Мабинотон». Добавила ее туда леди Гест, скомпилировав на основе поэтических сочинений «Canu Taliesin» («Книга Талиесина»), датируемых XIII в. и принадлежавших реально существовавшему придворному барду Талиесину, жившему в VI в. в бриттском королевстве на северо-западе Англии (его упоминает валлийский историк Ненний в своей «Истории бриттов»).

Разумеется, Талиесин из «Мабиногион» не тождествен Талиесину историческому. В переложении Шарлотты Гест четвертая часть повествует о приключениях юноши Гвиона Баха, ставшего впоследствии легендарным бардом Талиесинном, отождествляющим себя с Мирддином-Мерлином:

«...Хоть сейчас я бард, чей хозяин Эльфин,
Но родился я в небесных пределах;
Пророк Иоанн называл меня Мирддин,
А сегодня я зовусь Талиесин...»¹

Обычно литературная традиция разделяет Мирддина-Мерлина и Талиесина, а в произведении Гальфрида Монмутского Талиесин упоминается как ученик Мерлина (Мирддин, сын Морврана — покровитель поэзии и тайных знаний).

Говоря о героях «Мабиногион», хотелось бы отметить несколько специфических моментов, возвращающих нас к главной теме книги.

Если внимательно следовать за нитью повествования, то можно заметить, что короли «Мабиногион» являются на-

¹ История Талиесина // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 247.

следниками друидического мудрости, подтверждая статус Британии как главного центра друидического обучения. Персонажи «Мабиногион», правители и герои Британии, владеют различной магией, а правитель Бендигейд Вран имеет устрашающую внешность и недюжинную физическую силу¹.

Ко времени сложения легенд, вошедших в «Мабиногион», сами друиды в Уэльсе стали уже легендой. Постепенное вырождение коснулось и бардов — единственных оставшихся в обществе представителей древней традиции. Талиесин, отправляясь освобождать своего близкого Эльфина, говорит так:

«...Затею состязанье
 Пред королевским взором
 И с бардами поспорю
 В сложенье сладких песен,
 И в колдовском искусстве,
 И в мудрости друидов...»

Затем продолжает:

«Я — Талиесин мудрый,
 Я знанием друидов
 Дам Эльфину свободу»^{1 2}.

В «Мабиногион» мы наблюдаем удивительный синтез: его герои легко сочетают древнюю магию с христианской верой — почти все герои «Мабиногион» упоминают Бога в своих разговорах, просят благословения. Например, легендарный филид Талиесин утешает своего неудачливого спасителя Эльфина такими словами:

¹ См.: Бранвен, дочь Ллира.

² История Талиесина. С. 245—246.

«Добрый Эльфин, не печалься!
Прок сыщи в том, что имеешь;
От печали нету проку.
Она в горе не подмога.
Тем, кто молится усердно,
Бог пошлет вознагражденье.
Никогда в плотине Гвиддно
Не было улова лучше!

Добрый Эльфин, вытри слезы!
От печали толку мало.
Не везет тебе, ты скажешь,
Но печаль не даст везенья.
Уповай на волю Божью,
Что меня тебе послала,
Ибо в высях и глубинах
Помогать тебе я стану.

Добрый и прекрасный Эльфин,
Недостойны твои слезы!
Ты не должен огорчаться,
Коль тебе я послан небом.
Хоть я плавал, словно щепка,
В грозной Дилана стихии,
Но полезней сотни рыбин
Для тебя в беде я буду.

Добрый Эльфин, не печалься!
Ты не будешь невезучим;
Из мешка меня доставши,
Мудреца вернул ты к жизни.

Доверяй моим советам —
И избавишься от бедствий;
Поминай Господне имя —
И не бойся злключений!»¹

Далее в рассказе Талиесина о самом себе мы находим удивительный мистический синтез христианства и кельтской мифологии, о котором уже говорилось выше:

«Я был с Господом моим на небесной тверди,
Когда он Люцифера низвергнул в бездну;
Знаменосцем я шел перед Александром;
Перечел я все звезды с юга на север;
Я был с Гвидионом возле Божьего трона;
Я видел в Ханаане смерть Авессалома;
Я нес Божье слово в долину Хеврона;
Я был у ложа Дон при рожденье Гвидиона;
Я наставником был у Илии с Енохом;
Я составил план Вавилонской башни;
Я стоял у креста, где распяли Сына;
Я три года томился в плену Арианрод;
Я в ковчеге с Ноем плывал по водам;
Я дрожал, видя казнь Содомы с Гоморрой;
Я видел, как строился Рим великий;
Я видел, как рушились стены Трои.
Я был с Господом моим у ослиных яслей;
Моисея я провел по водам Иорданским;
С Магдалиной я стоял пред Господним взором;
Я добыл свой дар из котла Каридвен;

¹ История Талиесина // Мабинопион: Легенды средневекового Уэльса. С. 239-240.

Трогал я струны арфы у Ллеон Ллихлина;
Я стоял на Белом холме с Кинфелином;
Год и день пребывал я в цепях и путах,
Голод, жажду терпел ради Сына девы»¹.

Короли в «Мабиногион» чрезвычайно мудры — по сути, последними друидами являются, как правило, именно они, а не состоящие при их дворах барды.

Король Манавидан в изгнании занимается сельским хозяйством и видит, как его урожай поедают мьппи; он ловит одну из них и собирается повесить. В это время его пытаются отговорить сначала клирик, потом священник, а потом и вовсе епископ, но Манавидан каким-то образом знает, что это не простая мышь, и оказывается прав. Эта мышь — жена Ллойда, колдуна, пришедшего мстить за убийство. И Манавидан начинает ставить колдуну условия, очень похожие на современные контракты, так как в этих условиях он оговаривает безопасность для себя, своих близких и своего королевства:

«— ...Скажи же сам свою цену.

— Освободи Рианнон и Придери, — сказал он.

— Ты получишь их.

— Но этого мало.

— Чего же ты еще хочешь?

— Сними чары и наваждение с семи частей Диведа, — сказал он.

— Я сделаю все это, если ты отпустишь мышь.

— Я не отпущу ее, — сказал он, — пока не узнаю, кто эта мышь.

¹ История Талиесина // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 247-248.

— Это моя жена. Когда это все случилось, я не смог выручить ее.

<...>

— Чего ты еще хочешь? — спросил тот.

— Я хочу, чтобы никакие чары больше никогда не сходили на семь частей Диведа.

— Так будет, — сказал тот, — если ты отпустишь ее.

— Я не отпущу ее, — сказал он.

— Чего же ты хочешь еще? — спросил тот.

— Я скажу: хочу, чтобы ты никогда не мстил ни Придери, ни Рианнон, ни мне.

— Я выполню это условие, и ты мудро поступил, высказав его, иначе я обрушил бы на твою голову все бедствия мира.

— Я знал это, — сказал Манавидан, — потому и сказал так...»¹

В изгнании благородные британцы не чураются тяжелой работы, выполняя ее лучше обычных людей, и это также указывает на их особый статус, столь отличный от статуса королей и знати последующих столетий. К примеру, тот же Манавидан, еще вчера бывший королем семи частей Диведа и кузеном короля Острова Могущества, занимается шитьем обуви и сельским хозяйством, вот как он отвечает опекаемой им Кикфе:

«— Господин, — спросила она его, — каким же ремеслом мы займемся теперь?

— Я могу только делать то же, что и раньше, — ответил он, — шить обувь.

— Господин, — возразила она, — эта грязная работа не подобает мужу такого достоинства, как ты.

¹ Манавидан, сын Ллира // "Там же. С. 43.

— Мое достоинство это стерпит, — ответил он.

И он стал работать с лучшей кожей, какую мог достать, и делал туфли с золочеными пряжками так хорошо, что работа прочих мастеров того города показалась грубой и неуклюжей по сравнению с его»¹.

Как мы уже говорили ранее, «История Талиесина» ценна еще и тем, что подробно рассказывает о роли бардов в королевстве (хотя сами они все менее и менее способны к ней):

«А в то время барды пользовались в королевстве великим почетом, выполняя роль тех, кого ныне именуют герольдами, поскольку им были ведомы родословия, и гербы, и деяния королей и знатных мужей, и дела иноземных государей, и древности королевства, особенно анналы его стародавних правителей, и также знали они всяческие языки — латынь, и французский, и валлийский, и саксонский. И на всех этих языках они составляли хроники и грамоты и слагали стихи и энглины»^{1 2}.

Выше, в разделе «Магические практики. Лишение дара речи», мы видели, как Талиесин обличал бардов, собравшихся у короля Мэлтона Гвинедда, за то, что они растеряли все умения друидов, связанные с магией. Но кроме этого, они утратили, возможно, и более важные функции высших друидов, контролировавших и направлявших королей на стезе праведного правления:

«...Если вы настоящие барды,
Испытавшие вдохновенье,
Почему вы молчите, видя,
Что неправду король содеял?

¹ Там же.

² История Талиесина // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 242-243.

Говоришь ты, Хайнин, не зная
Ни того, как твой стих зовется,
Ни как ложь отличить от правды,
Ни как звали Сына Господня,
Пока он не принял крещенья.
Ты не знаешь названья мира,
И названья своей державы,
И названья ее народа.
Господин мой внизу, в темнице,
В золотых цепях Арианрод,
Вы же чванитесь высотой,
Вознесенные без заслуги,
Но не знаете вдохновенья,
Но не ведаете отличья
Меж словами правды и кривды.
Вы не видите дальше носа,
Суется в погоне за славой,
Но, смолчав сейчас предо мною,
Не узнаете вы покоя,
До могилы не отдохнете.
Хоть молчите вы предо мною —
На Суде смолчать не удастся!..»¹

Фактически Талиесин горько сокрушается об утрате бардами их друидических функций и констатирует общий развал прежней социальной структуры, зиждившейся на авторитете друидов:

«...Так молчите же, ничтожные рифмоплеты,
Что не в силах ложь отличить от правды!

¹ История Талиесина // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 249.

Если б вы дорожили правдивым словом,
Знал король бы цену своим деяньям...»¹

Значимость «Мабиногион» как литературного и исторического памятника трудно переоценить. Сегодня принято обвинять в утрате и искажении многих литературных творений прошлого христианских монахов-переписчиков, но в данном случае именно благодаря их труду мы можем познакомиться хоть и с прошедшей определенной цензурой и редактуру, но сохранившей значительную часть аутентичности культурой бриттеких кельтов. Не уничтожая на корню чуждую их христианскому мировосприятию традицию, переписчики в прямом смысле совершают обряд крещения всего кельтского языческого мира, а барды — те немногие, кто еще был способен подтвердить свое высокое звание хранителей мудрости, — теперь, наряду с преданиями кельтской древности, несут в своих стихах христианскую «Благую Весть».

¹ Там же.

Жизнь после смерти. Друиды и пифагорейство. Сиды

Кельты считали, что с окончанием земной жизни их существование не заканчивается. Храбрость и бесстрашие кельтских воинов неоднократно служили предметом удивления и восхищения для античных авторов (и Цезаря в том числе), что не удивительно, ведь, согласно ирландским преданиям, дошедшим до наших дней, трусливый воин — это третье великое бедствие для Ирландии после незнающего друида и солгавшего короля. Более того, для кельтского воина особой честью было пасть в бою, а не умереть от старости. От той легкости, с которой принимали смерть кельты, и зародился рыцарский культ, где честь и долг воина гораздо выше его собственной жизни.

Немало удивляло римлян и то, что у кельтов было в порядке вещей обещать своим соплеменникам отдать долг, причем вполне материальный, после смерти — «на том свете»: с точки зрения кельта это вовсе не считалось обманом.

Подобное отношение к смерти породило множество теорий относительно веры кельтов в посмертное существование.

Томас Роллестон считает¹, что религия друидов берет свое начало у народов времен мегалита, живших на пространных

¹ См.: Роллестон Т. Мифы, легенды и предания кельтов. М.: Центр-полиграф. 2004.

материковой и островной Европы до прихода кельтов. Религия этих народов, возможно, была близка к известным нам воззрениям Древнего Египта и глубоко погружена в природную магию и мистицизм. Сравнительно молодой кельтский этнос, склонный воспринимать и впитывать чужие идеи, очень быстро проникся этими верованиями.

Цезарь, как и многие античные авторы, приписывал друидам веру в реинкарнацию и переселение душ: «...Больше всего стараются друиды укрепить убеждение в бессмертии души: душа, по их учению, переходит по смерти одного тела в другое; они думают, что эта вера устраняет страх смерти и тем возбуждает храбрость»¹.

Античные и современные сторонники этой теории не исключают изначального сходства друидических концепций и пифагорейства. Предполагается, что друидическое учение могло быть подвержено влиянию последователей учения Пифагора. Еще при жизни самого Пифагора проповедь его философских концепций приписывали его полумифическим ученикам — Замолксису в стране гетов и Абариду в галльских общинах на севере Италии и юге Франции.

От Геродота мы впервые узнаем о Замолксисе (Самолксисе) — бывшем рабе и ученике Пифагора:

«...Как я слышал от эллинов, живущих на Геллеспонте и на Понте, этот Салмоксис был человеком, работавшим на Самосе, а именно работавшим Пифагора, сына Мнесарха. Потом, став свободным, приобрел великое богатство и с ним возвратился на родину. Фракийцы влачили тогда жалкое существование и были несколько глуповаты. Салмоксис познакомился с ионийским образом жизни и обычаями, более утонченны-

¹ Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Кн. VI, 14.

ми, чем фракийские, так как ему пришлось общаться с величайшим эллинским мудрецом Пифагором. Салмоксис велел устроить обеденный покой для мужчин, куда приглашал на угощение знатнейших горожан. При этом он доказывал друзьям, что ни сам он, ни они — его гости и даже их отдаленные потомки никогда не умрут, но перейдут в такую обитель, где их ожидает вечная жизнь и блаженство. Между тем, устраивая упомянутые угощения с такими речами, Салмоксис велел соорудить для себя подземный покой. Когда этот покой был готов, Салмоксис исчез из среды фракийцев, спустился в подземелье и там жил три года. Фракийцы же страстно тосковали по нем и оплакивали как умершего. На четвертый год, однако, Салмоксис вновь явился фракийцам, и те, таким образом, уверовали в его учение»¹.

Впрочем, далее Геродот добавляет, что не слишком-то верит в эту историю и даже полагает, что Залмоксис жил за много лет до Пифагора.

Четыре века спустя, у Страбона, история Замолксиса выглядит так:

«Он получил от философа некоторые сведения о небесных явлениях, а другие — от египтян, так как в своих странствиях он доходил даже до Египта. По возвращении на родину Замолксий достиг почета у правителей и в народе как толкователь небесных явлений. В конце концов ему удалось убедить царя сделать его соправителем, как человека, обладающего способностью открывать волю богов. Сначала ему предоставили лишь должность жреца наиболее почитаемого у них бога, а потом его самого объявили богом. Замолксий избрал себе [местожительством] какое-то пещеристое место,

¹ Цит. по изд.: *Геродот. История: В 9 кн. Кн. IV / Пер. Г. А. Стратановского. М.: АСТ; Ладомир, 2001. С. 95.*

недоступное для всех прочих людей, и проводил там жизнь, редко встречаясь с людьми, кроме царя и своих служителей. Царь поддерживал его, видя, что народ теперь гораздо охотнее прежнего повинуетя ему самому в уверенности, что он дает свои распоряжения по совету богов. Этот обычай сохранился даже до нашего времени, так как у них всегда находится человек такого склада, который в действительности является только советником царя, у гетов же почитается богом. <...> Пифагорейский обычай воздержания от употребления в пищу животных, введенный Замолксием, еще сохранился¹.

У Геродота, однако, в той же части «Истории» присутствует рассказ о весьма кровавом ритуале последователей Замолксиса — хотя именно как особый ритуал он мог ничуть не противоречить отказу от употребления в пищу мяса (довольно странному для кельтов-скотоводов, но об этом мы еще поговорим ниже):

«Что касается веры гетов в бессмертие, то она состоит вот в чем. По их мнению, они не умирают, но покойник отходит к богу Салмоксису (иные зовут его также Гебелейэисом). Каждые пять лет геты посылают к Салмоксису вестника, выбранного по жребию, с поручением передать богу все, в чем они нуждаются в данное время. Посылают же вестника они так. Выстроившись в ряд, одни держат наготове три метательных копья, другие же хватают вестника к Салмоксису за руки и за ноги и затем подбрасывают в воздух, так что он падает на копья. Если он умирает, пронзенный копьями, то это считается знаком божьей милости, если же нет, то обвиняют самого вестника. Его объявляют злодеем,

¹ *Страбон*. География. С. 188.

а к богу отправляют затем другого человека. Тем не менее поручения ему дают еще при жизни. Эти же самые фракийские племена во время грозы, когда сверкает молния, пускают стрелы в небо и угрожают богу, так как вовсе не признают иного бога, кроме своего»¹.

Другим последователем пифагорейского учения, которому приписывают влияние на друидический культ, был Абарид. Как пишет Ямвлих в своей биографии Пифагора^{1 2}, Абарид был жрецом Аполлона, пришедшим из страны гиперборейцев. Цель его путешествия состояла в сборе золота для храма Аполлона. В нелегком путешествии Абариду помогала волшебная стрела, с помощью которой он преодолевал не находимые горные и болотистые местности, также эта стрела помогала ему передвигаться быстрее. Возвращаясь обратно в гиперборейский храм через Италию, Абарид встретился с Пифагором. Сравнив Пифагора и бога, которому он служил, Абарид пришел к выводу, что перед ним самый что ни на есть Аполлон. Он отдает Пифагору свою волшебную стрелу и собранное золото. Пифагор такому повороту событий ничуть не удивился, он сообщил Абариду, что действительно является тем, за кого его принял Абарид, и данный человеческий облик обрел, чтобы не смущать простых смертных своим превосходством, служа на благо людям. В доказательство своего божественного происхождения Пифагор продемонстрировал Абариду свое золотое бедро и перечислил все, что хранится в храме Аполлона в Гиперборее. Пифагор изложил свое учение Абариду в максимально краткие сроки, минуя пятилетнее молчаливое ученичество, объяснил природу богов и научил его предвидению с помощью чисел

¹ Геродот. История. Кн. IV. С. 94.

² См.: Ямвлих. О Пифагоровой жизни. М.: Алетейя, 2002. XIX, 91-93.

без принесения кровавых жертв (что, кстати» тоже может быть аргументом, подтверждающим прекращение практики жертвоприношений друидами еще в глубокой древности, в IV—III вв. до н. а., за ее ненадобностью).

Какие же общие черты могли быть у друидизма и учения Пифагора, что в действительности могли перенять от его учеников кельтские жрецы?

Пифагорейцы, как и друиды, принимали учеников после прохождения испытаний в школу, жившую достаточно изолированной общиной со строжайшей дисциплиной и своими порядками. В пифагорейскую школу или союз принимались как юноши, так и девушки. Ученики вели целомудренный образ жизни, потому как брак у пифагорейцев считался священным. В общине большое внимание уделяли не только духовно-интеллектуальному развитию адептов, но и физическому — ежедневно ученики-пифагорейцы еще до завтрака занимались физическими упражнениями, а вечером плавали в море. Так же как и у друидов, обучение было многоступенчатым, ученик получал учение в соответствии с его готовностью — как интеллектуальной, так и духовно-нравственной. Само учение разделялось на две части: «математа» — непосредственно знания и «акусмата» (услышанное) — аксиомы, произнесенные учителем. Прошедшие обучение допускались во внутренний двор дома уже самого Пифагора, где и получали собственно эзотерическое¹ во всех смыслах учение. Так же как и друидическое учение, учение Пифагора нигде не записывалось, а передавалось устно от учителя к ученику.

Перечислим кратко основные положения пифагорейского учения, дошедшие до наших времен.

¹ От греч. *εασητερισβ^* — «внутренний». Обычно под *эзотерическим* имеется в виду тайное, скрытое от посторонних глаз учение; знание, предназначенное исключительно для посвященных.

Философия чисел. Многообразие физических явлений подчиняется законам, в основе которых лежит число. Пифагор особо выделял число семь, как сумму трех и четырех, что символизирует взаимодействие бога и человека; число десять, как образованное из первых четырех чисел, и единицу, как воплощение божественного единства и гармонии.

Учение о переселении душ. Пифагорейцы считали, что все рожденное через некоторые промежутки времени рождается вновь, а душа, имея божественную природу, томится в теле за свои прегрешения. Душа, в зависимости от предыдущей жизни, могла возродиться как в теле человека, так и животного. Чтобы не допустить повторного рождения, пифагорейцу надлежало следовать специальному кодексу, который включал запрет на животную пищу, так как в теле животного наверняка заключена душа, бывшая человеком в прошлой жизни.

Сторонники пропифагорейской теории о происхождении друидизма отправляют нас к нескольким легендам, содержащим сюжет перевоплощения. Некоторые следы идеи о переселении душ, которые помнят свои прошлые жизни, действительно присутствуют в кельтском эпосе.

Например, в сказании «О Туан Мак Кайриле», входящем в состав «Книги бурой коровы», некий Туан Мак Кайреле рассказывает путешествующему монаху и его ученикам удивительную историю своей жизни. Представляется он им весьма своеобразным образом: «Я — воин Ульстера, — сказал он. — Зовут меня Туан, сын Кайрилы. Но когда-то меня звали Туан, сын Старна, сына Серы, и мой отец, Старн, был братом Партолона». Тогда слушатели просят рассказать им историю Ирландии, потому как Партолон был одним из основателей пяти самых древних племен Ирландии.

Туан повествует о том, как пережил ужасное моровое поветрие, насланное на ирландцев фоморами, и единственный остался в живых. Проскитавшись в течение 22 лет, он застает приход к власти Немед, сына Агномана. К тому времени он уже постарел: «...зарос волосами и не стриг ногтей, я был дряхл, наг, сед, изможден и жалок». Заснув однажды вечером, Туан просыпается и обнаруживает себя в облике оленя. И пока Немед был у власти, Туан был королем оленей. Прожив долгую жизнь в облике оленя, Туан снова постарел и на этот раз уже превратился в кабана — короля кабаньих стад. Почувствовав приближение старости, Туан снова возвращается в Учхстер, где обычно происходили его превращения. Перед тем как Туан совершил еще одно превращение, на острове поселился Симеон, от которого ведут свой род два самых древних племени. После этих событий Туан повествует, как из кабана превращается в орла. В бытность Туана орлом на остров приходят люди Племени Богини Дану, которых он, наверняка с легкой руки монаха-переписчика, называет ложными богами и богинями. Орлом Туан оставался до тех пор, пока сыновья Миля не победили народ Дану. Попостившись девять дней, Туан превращается в лосося, через некоторое время попадает в сети рыбака и съедается женой правителя той страны. Королева беременеет и через положенное время рождает сына. Так Туан снова становится человеком.

Похожая, на сей раз валлийская, история знакомит нас с удивительными превращениями барда Талиесина. Убегая от колдуньи, он превращается в различных животных, пока та наконец не настигает его, но, не в силах убить, съедает, и через положенный срок у нее рождается мальчик. Так Талиесин снова обретает человеческий облик.

Эти две легенды, помимо волшебных превращений, объединяет то, что их герои обладают абсолютной памятью о том, что происходило с ними. Вторая особенность: и Туан, и Талиесин возвращают себе человеческий облик, только будучи съедены их собственными будущими матерями, в то время как предыдущие превращения либо происходили по собственной воле героя, как в случае с Талиесином, либо во сне, как в случае с Туаном. Исследователи кельтской мифологии Джон и Кетлин Мэттьюс в этом случае предлагают обратиться к «Словарю Кормака», составленному ирландским епископом Кормаком в X в., где термин «метемпсихоз» объясняется как рождение, проходящее через животное состояние, при этом память человека о том, кто он есть, сохраняется.

Также следует обратить внимание на то, что герои вышеописанных сказаний превращаются не в простых животных. Туан сначала превращается в короля оленей. В кельтской мифологии это бог Цернунн, которого связывали с миром мертвых, а также с плодородием. Цернунна считали «оленьим богом» и изображали сидящим скрестив ноги и с оленьими рогами на голове. Олень — проводник в иной мир. При раскопках поселений, датированных временами мезолита, были найдены захоронения, где покойному клали рога на голову.

Вепрь, или кабан, тоже весьма почитаемое кельтами животное. Вепрь был символом войны, его изображение часто помещали на шлемах кельтских воинов. Это животное тоже часть иного мира, охота на вепря часто приводила охотников в потусторонний мир. Свинина, согласно ирландским легендам, являлась неотъемлемым блюдом на пирах, задаваемых в сидах — чертогах кельтских богов. Вепря, как и всех существ иного мира, считали носителем

тайного знания и всяческих премудростей — ведь он ел же-
луди с сакрального дерева (дуба).

Орел тоже считался посредником между человеком и ми-
ром мертвых- Орла наделяли магическими способностями
(поэтому, вероятно, Туану удастся прожить столь длитель-
ное время в облике орла), острым зрением и мудростью.
В одной из ирландских скел, «Путешествие Маэлдуна»,
орел исцеляется и обретает силы через омовение в озере,
олицетворяя возрождение мудрости в каждом поколении.

Лосось — мифическое животное, упоминаемое в кельт-
ских легендах чаще любого другого. Герой Кухулин, обуча-
ясь у Скатах, овладевает приемом, с помощью которого
можно пересечь непреодолимую пропасть, — «прыжком
лосося». Считалось, что лососи, плавая в пруду, над кото-
рым росли девять орешков мудрости, съели их и обрели
мудрость, которой могли делиться с людьми. Съесть лосося
означало обрести мудрость, для женщины же это, как пра-
вило, предвещало удачное зачатие, вынашивание и рожде-
ние ребенка.

Проанализируем историю Туана с точки зрения мифоло-
гического значения существ, в которых он превращался.
Итак, сначала Туан, будучи больным и немощным челове-
ком, превращается в короля оленей, возможно в самого Цер-
нунна, на все время правления Немеда; затем он становится
вепрем, т. е. олицетворяет собой воина Ирландии — бес-
страшного и свирепого. После он становится орлом, который
лишь наблюдает за тем, что происходит во время поклонений
ирландцев богам рода Дану. А когда языческие боги низвер-
гаются сыновьями Миля, ему надлежит вернуться, чтобы
рассказать историю Ирландии ирландским монахам, дабы
она не была утрачена. Для этого ему нужно принять челове-

ческий облик, но самостоятельно он этого сделать не может, поэтому сначала превращается в лосося, предварительно пожившись девять дней (таким образом, превращение происходит уже вполне осознанно), которого съедает женщина, и лишь так возвращает себе человеческое тело. Примечательно, кстати, что, меняя облик, Туан не меняет пол, хотя и такой случай описывается в валлийском «Мабиногион».

Также сторонники пропифагорейской теории происхождения друидической науки приводят в качестве аргумента историю жизни Галиесина:

«Был когда-то я простым пастушонком,
Был работником у ведьмы Каридвен;
Незаметен был я, слаб и ничтожен,
Случай сделал меня великим,
Случай дал мне сладость познания;
Но узнала это злобная ведьма,
Рассердилась на меня, отнять хотела
То, что я у нее похитил.
Я бежал от нее зеленой лягушкой,
Я бежал в обличье серой вороны,
Я бежал со всех ног, заматавая след,
Я бежал через чащу, словно косуля,
Я бежал как волк, попавший в облаву,
Я бежал, дроздом меж кустов порхая,
Я бежал лисой, что петляет в дебрях,
Я бежал как стриж, подымаясь в небо,
Я бежал как белка, в дупле скрываясь,
Я летел, как удар оленьего рога,
Как струя железа в плавильном горне,
Как копьё, что противнику смерть приносит,
Как могучий бык в разъяренном беге,

Как свирепый вепрь между скал в ущелье,
И упал наконец, как зерно пшеницы,
На льняную ткань, и она казалась
Мне конем, что умчит меня от погони.
Кораблем, что спасет меня от несчастья.
Но схватили меня, в мешок посадили,
Бросили на гибель в бескрайнее море,
Волны моря были моим жилищем,
И теперь наконец я обрел свободу»¹.

Как видно из текста, физические метаморфозы происходили с героем по его собственному желанию и, если так можно выразиться, по необходимости, так как он убегал от колдуньи.

Еще один пример содержится в ирландской скеле «Ссора двух свинопасов», где рассказывается о волшебном противостоянии двух бывших друзей — свинопасов:

«Приняли они тогда обличье птиц на целых два года. Первый год провели они возле крепости Круахан, на севере Коннахта, а второй год — возле Сиды Фемен. Собрались там однажды все люди Мунстера.

— Больно много шума от этих птиц, — сказали они. — Вот уже целый год кричат они тут и ссорятся.

Решили тогда послать за управителем дома Охала: Фуйдел, сын Фиадмиере, было его имя. Когда он пришел, все его сердечно приветствовали.

— Больно много шума от этих птиц, — сказал он. — Я уверен, что это те самые птицы, которые год назад никому не давали покоя на севере. А теперь нам от них покоя нет.

¹ История Талиесина // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 240—241.

И вдрз'г обе птицы спустились на землю и приняли человеческий облик. Все узнали в них двух свинопасов и сердечно их приветствовали.

— Не стоит нас приветствовать, — сказал свинопас Бодба. — Там, где мы, раздаются стоны битвы и предсмертные хрипы.

— Что вы делали? — спросил их Бодб.

— Ничего хорошего не делали мы, — ответили они. — Провели мы два года в обличье птиц, а что делали мы — сами вы об этом знаете. Год провели мы в Коннахте и год — в Мунстере, чтобы и на севере, и на юге видели люди нашу силу. А теперь станем мы морскими тварями и проведем два года под водой.

И разошлись они в разные стороны. Бросился один из них в реку Синанн, а другой — в реку Сиур. Два года провели они под водой. Первый год провели они в реке Синанн и пытались там пожрать друг друга, а второй год провели они в реке Сиур.

Потом превратились они в двух оленей, выбрал себе каждый стадо из молодых олениц, и бились они друг с другом за то, кому быть первым.

Потом превратились они в двух воинов и сражались друг с другом.

Потом превратились они в двух призраков и пугали друг друга.

Потом превратились они в два снежных облака и хотели засыпать снегом земли друг друга.

А потом из снега того закапали они дождем на землю и превратились в двух личинок. Весной поселился один из них в реке Круйнд в Куальнге, и корова Дайре, сына Фихны, проглотила его случайно, когда пила воду. А другой

поселился в реке Гарад в Коннахте, и корова Айлиля, Медб, проглотила его случайно, когда пила воду. И когда настал срок, родилось у этих коров два теленка. И выросли из них быки — Финнбенах, Белорогий с Равнины Ай, и Дуб, темно-бурый бык из Куальнге»¹.

В ирландских и валлийских сказаниях содержится масса историй о превращениях людей в животных, но все эти превращения совсем другого толка, нежели метемпсихоз. Как пишет Н. С. Широкова: «Кельтам, со свойственной им безудержной фантазией и радостью познания, была близка идея способности человека к чудесным превращениям, удивительным отождествлениям и неожиданным состояниям... <...> высшая часть кельтской мифологии, которую представляла доктрина друидов, могла содержать достаточно сложные философские понятия и идеи, мифологически интерпретированные» .²

Мы видим, что при желании в друидизме можно найти немало общих черт с пифагорейством. Теперь обратим внимание на различия. Первое заключается в весьма миролюбивом характере пифагорейцев, в то время как друид носил оружие и великолепно умел им пользоваться, что подтверждается множеством источников. Второе отличие: кельты употребляли в пищу мясо, они были скотоводами и охотниками, сельское хозяйство было у них не менее развито, в походы они брали вяленое мясо, и нет никаких сведений о том, чтобы друиды питались отдельно и чем-то другим. Кроме того, друиды и сами у себя дома порой задавали пиры, где вряд ли весь стол был вегетарианским. Хотя и весьма ^{1 2}

¹ О ссоре двух свинопасов / Пер. Т. Михайловой // Похищение Быка из Куальнге. С. 112.

² Широкова И.С. Мифы кельтских народов. М., 2005.

сомнительно, чтобы они могли себе позволить съесть мясо быка или кабана, не проводя специальных ритуалов, поскольку эти животные могли вмещать душу покойного родственника или друга. И наконец, если бы друиды были последователями учения Пифагора, то культ жертвоприношений у кельтов был бы просто невозможен — об этом бы знали античные историки, и даже Цезарь не смог бы их в этом тогда обвинить. Что касается философии чисел и других научных познаний, то здесь тоже множество весьма спорных моментов. Хотя «Календарь из Колиньи» и подтверждает, что друиды для своего времени были весьма искусными астрономами; также в легендах часто фигурируют числа, которые кельты наделяли различными свойствами — к примеру, число семь и для кельтов, и для пифагорейцев имело сакральное значение, однако несло совершенно разную смысловую нагрузку.

Интересное замечание по поводу кельтской веры в бессмертие души делает Страбон: «Не только друиды, но и другие утверждают, что души и вселенная неразрушимы; но все же в конечном счете огонь и вода одержат верх над ними»¹. К сожалению, не совсем ясно, что в данном случае имел в виду древний историк; возможно, у друидов, как и у большинства народов, было свое учение о конце света. Но по крайней мере первая часть свидетельства является для нас информативной — кельты верили в жизнь после смерти, однако вера эта была совершенно иного свойства, нежели у последователей Пифагора.

Еще один важный момент. Часто в кельтских сказаниях друиды и их ученики обращаются к героям ушедших времен

¹ *Страбон. География. С. 188.*

к легендарных событий, произошедших много-много лет назад. Как, например, в случае с друидом Сенханом и его учеником Муиргеном. Как видим, герой Фергус после смерти остается тем же, кем был при жизни, — воином. Он является друидам во всем своем воинском облачении много лет спустя после своей смерти. Более того, как следует из текста, сначала он является Муиргену, а через некоторое время и самому Сенхану. Если бы Фергус после смерти подвергся реинкарнации, то такое общение стало бы невозможным. Если бы он и явился вопрошающему, то в виде оленя или, скажем, ящерицы — ведь, как видно из событий жизни Фергуса, он явно не руководствовался пифагорейским кодексом, а значит, и не смог бы остаться человеком.

Другой герой, Кухулин, после своей смерти является женщинам, которые не пускали его на последний бой, так как знали, что он уже не вернется: «Его душа явилась пятидесяти женщинам королевского рода, которых его выезд на бой поверг в скорбь. Предстало зрелище невиданное: колесница Кухулина в воздухе, над Эмайн-Махой; и, стоя на ней, Кухулин, мертвый, пел: „О Эмайн-Маха! О Эмайн-Маха! Великое, величайшее сокровище!“». В случае реинкарнации такой исход событий также был бы невозможен.

Есть еще одна причина, не позволяющая отождествлять друидизм и пифагорейство, — это вера в судьбу. Друиды, нарекая имя человеку, определяли его судьбу, о которой сам герой, как в случае с Кухулином, или его родные, как в случае с королем Койнаре, ставились в известность. Кроме того, сама практика гейсов, которые определяли поступки героев, ясно демонстрирует, что судьбу не обманешь. Там, где есть роковая предопределенность, нет места для маневров, вполне возможных в пифагорействе.

Что же касается самого посмертного существования, в которое верили кельты, то здесь снова на помощь приходят кельтские эпические сказания.

Иной мир, а точнее иные *миры*, у кельтов не описаны в том смысле, в каком существует, например, загробный мир у тех же греков. Ирландцы называли их *сидами* — некие миры, существующие параллельно обычному человеческому миру. В Ирландии, если верить легендам, тот или иной сид мог располагаться где угодно — он локализовался (а может быть, только вход в него) за морем на Западе, на дне морском или озерном, внутри холмов и насыпей и т. д.

Жители сидов, как правило, во многом похожи на обычных людей (за исключением, пожалуй, жителей подводного сида — фоморов). Они также женятся, враждуют, воюют, пируют и весьма активно вмешиваются в жизнь простых смертных. Герой Кухулин наполовину божественного происхождения. Однажды его мать Дехтире выпила воду, в которой плавало какое-то насекомое, и крепко уснула. Во сне ей явился бог Ллуг и сказал, что теперь она вынашивает его сына и после рождения назвать его следует Сетанта (впоследствии, в связи с определенными обстоятельствами жизни юноши, ему приходится изменить имя на «Кухулин» — об этом было рассказано в разделе «Магические практики. Наречение имени»), — так вот просто произошло зачатие от обитателя иного мира...

Нередко жители сида прибегают к помощи обычных людей и друидов, как, например, в битве с фоморами бог Ллуг прибегает к помощи друидов. Иные миры у кельтов не похожи ни на рай, ни на ад. Ближе всего они по описанию к германо-скандинавской Валхалле.

Часто говорится, что обитатели сидов отличаются неземной красотой: «Однажды туманным летним утром



Джон Дункан. Всадники сида (1911)

Финн и Ойсин с товарищами охотились на берегах Лох-Лена и вдруг увидели, как к ним приближается невероятно прекрасная девушка верхом на белоснежном скакуне. Она носила королевское одеяние; голову ее украшала золотая корона, и всю ее окутывал, спускаясь до самой земли, темно-коричневый шелковый плащ, расшитый золотыми звездами. На копытах коня сверкали серебряные подковы, а над головой его раскачивался золотой султан..»¹ — так описывают легенды Золотоволосую Ниам.

Примечателен факт, что фоморы, в отличие от уроженцев божественного дома Туата Де Данаан. весьма уродливы, часто у них отсутствует левый глаз или конечность:

«Направился Конайре со своими людьми в сторону Ат Клиат, и вскоре встретился им одноногий, однорукий и одно-

¹ Три смеха Лепрехуна. Гэльские сказки // Ойсии в Стране Вечной Юности / Пер. С. В. Шабалова. М.: Летний сад. 2002. С. 35.

глазый человек с черными волосами. И были они такими жесткими, что если бы даже мешок диких яблок свалился ему на голову, ни одно не упало бы на пол, наколовшись на волосы. Если бы носом зацепился он за ветку дерева, то так и остался бы висеть. Длинными и толстыми, словно ярмо, были его голени. Зад его был словно два сыра. Держал он в руках железный раздвоенный шест, а на плечах нес черную, опаленную, визжащую свинью. За спиной его стояла ширококоротая женщина, огромная, темная, угрюмая, уродливая. Если бы зацепился ее нос за ветку, то так бы и осталась она висеть. До колен свисала нижняя губа женщины»¹.

Фактор внешности как знак божественного отличия сохранил свое значение на долгие века в уже католической Европе, и в наши дни нередки изречения вроде: «Бог знает, кого метит».

Боги и богини могут влюбляться в простых смертных: так дочь правителя Страны Юности золотоволосая Ниам влюбляется в юношу по имени Ойсин и приходит, чтобы забрать его в страну своего отца. Зазывая юношу в свою страну, она описывает ее во всех подробностях: это плодоносная земля, где деревья и цветы благоухают круглый год, мед и вино никогда не иссякают, жителей той страны никогда не касается смерть, старость или болезни; музыка, пиры и охота никогда не надоедают².

Опираясь на эту скелу, можно выделить некоторые характерные черты сида. Время там течет совсем иначе, нежели в мире людей: когда Ойсин желает навестить своих братьев, он обнаруживает, что с его отъезда прошло так много времени, что все, кого он знал, давно умерли. Путешествие меж-

¹ Разрушение дома Да Дерга // Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.

² Три смеха Лепрехуна. Гэльские сказки // Ойсин в Стране Вечной Юности.

ду мирами можно осуществлять только с помощью посредников: отправляя Ойсина обратно в мир людей, Ниам дает ему волшебного копя и велит ни в коем случае не спешиваться до тех пор, пока он не вернется к ней назад. Но Ойсин, возвратившись домой и видя, что стало с его вотчиной, забывает о запрете и, едва коснувшись земли, превращается в дряхлого старика. То же самое происходит и в истории другого героя — Брана, сына Фебала: вернувшись из дальнего странствия, его попутчик Нехтан сходит на берег и превращается в пепел, а Бран остается на корабле, рассказывает удивительную историю своих странствий и вновь отплывает в неизвестном направлении.

По некоторым свидетельствам, в ином мире нет ни воздаяния, ни несправедливости. В скеле «Приключения Кормака в стране обетованной» рассказ Ниам о волшебной стране дополняется еще несколькими фактами:

«— Откуда пришел ты, о воин? — спросил Кормак.

— Из страны, — отвечал тот, — в которой нет ничего, кроме правды, и нет там ни возраста, ни дряхления, ни уныния, ни печали, ни зависти, ни ревности, ни ненависти, ни гордыни.

— У нас не так, — сказал Кормак»¹.

При всей своей божественности, как уже говорилось, обитатели сидов подчас занимаются работой простых смертных: «Сами великие мужи принуждены были нести службу: Огма таскал дрова, а Дагда возводил крепости — это он построил Крепость Бреса»^{1 2}. И хотя не подвержены были жители сидов ни старости, ни болезни, все же они могли умереть на поле боя, что неоднократно описывается в ирландских и валлийских сказаниях. И главенствовали племена богини Дану лишь до тех

¹ Приключения Кормака в стране обетованной // Предания и мифы средневековой Ирландии. С. 689.

² Битва при Маг Туиред // Похищение Быка из Куальнге. С- 355.

пор, пока не свергли их сыновья Миля — гойделлы и предки современных людей. Так что сид, хоть и являлся миром волшебным, полным всяких благ, все-таки, вопреки приведенным выше свидетельствам, не был совершенен, более того — подвержен воздействию внешних факторов. Хотя, возможно, свойства различных сидов отличались друг от друга.

Ни один из сидов не был загробным миром кельтов, хотя, вероятнее всего, по ряду параметров загробный мир был очень похож на сид. Вспомним о том, что кельты могли себе позволить перенести выполнение долговых обязательств на время своего пребывания в ином мире — это уже о многом говорит. Помпоний Мела в I в. н. э., описывая учение друидов, сообщает, что, согласно ему, души вечны и после смерти существует другая жизнь среди богов загробного мира. Посмертное существование представлялось кельту таким же, как и земное, только немного лучше. Подтверждение этому можно найти, обратившись к свидетельству Цезаря, а именно к его описанию галльского похоронного обряда:

«Похороны у галлов, сравнительно с их образом жизни, великолепны и связаны с большими расходами. Все, что, по их мнению, было мило покойнику при жизни, они бросают в огонь, даже и животных; и еще незадолго до нашего времени по соблюдении всех похоронных обрядов сжигались вместе с покойником его рабы и клиенты, если он их действительно любил»¹.

Еще одна черта загробной жизни у кельтов, в отличие от античного царства теней, заключалась в сохранении личности и внешности умершего уже после прекращения земного существования, как, например, в ситуации с Финном. В ирландском эпосе вообще довольно часто живые обращаются за

¹ Гай Юлий Цезарь. *Записки о Галльской войне*. Кн. VI, 19.

помощью или каким-либо свидетельством к умершим. Ирландский король Лоэгайре ставит условие святому Патрику, что не поверит ни одному его слову, пока тот не вызовет с того света героя Кухулина во всем его былом великолепии, чтобы тот смог обратиться к нему. Поразительно, но Патрик выполняет просьбу короля! И явившийся на «призрачной колеснице» Кухулин свидетельствует в пользу ирландского святого (о святом Патрике и особенностях кельтского христианства мы поговорим чуть позже).

Другая особенность кельтской веры в загробный мир — то, что он имел конкретное географическое местоположение, т. е. находился не под землей или водой, не на небесах, а на той же самой земле. По свидетельству Плутарха, мир этот находится за океаном на неких островах, в пяти днях плавания.

Все, что было связано с морской пучиной, вызывало у кельтов суеверный страх, грозя гибелью. Кроме того, дно морское являлось местом обитания ужасных фоморов — там располагался их сид. А тот, кто пересекал море, как правило, был уже навсегда потерян для мира людей. Так, ирландская легенда «Исчезновение Конлы Прекрасного, сына Конна, героя ста битв» повествует о том, как Конла однажды встретил прекрасную женщину, которую никто не мог увидеть, — она говорила, что пришла из страны живых, где нет ни печали, ни смерти. Переправиться в ту страну можно было только на хрустальной ладье, что молодые люди в конце концов и делают: «Конла, покинув своих, прыгнул в стеклянную ладью. И вскоре люди могли лишь едва-едва различить ее в такой дали, насколько хватало их зрения. Так-то уплыл Конла с девушкой за море, и никто с тех пор больше не видел их и не узнал, что с ними случилось». Конла, в отличие от Ойсина, никогда уже не вернулся к родным, потому что только море по-настоящему отделяло мир смертных от мира вечной жизни.

Друиды и шаманизм

Некоторые современные авторы полагают, что в основе друидических практик лежал шаманизм. Исходят они обычно из того, что, согласно легендам, друиды почитали природу, могли обращаться различными животными, путешествовали в иные миры и в своих практиках использовали песнопения — якобы для погружения в транс. Порой сторонники таких теорий приводят невероятные подтверждения своей правоты.

К примеру, Д. Мэттьюс в качестве обоснования приводит историю Талиесина:

«Шаманское происхождение этого предания не вызывает сомнения. За описанной в нем последовательностью превращений в животное, птицу и рыбу скрывается рассказ об инициации и перерождении. К тому же шаманская инициация должна пробуждать в человеке великую мудрость, которая и зашифрована в приписываемых Талиесину стихах. В предании мы читаем не только о превращениях мальчика в другие существа, но и о его символическом отношении со всем мирозданием. В установлении таких взаимоотношений как раз и состоит одна из главных задач всех шаманов в мире, так что в образе Талиесина и в приписываемых ему

учениях, очевидно, сохранились первоначальные элементы кельтского шаманизма...»¹

Тот же автор в качестве обоснования своей теории приводит еще одно кельтское предание о Суибне Безумном: «В безумном или вдохновенном состоянии Суибне слагает стихи, летает как птица, пророчествует — общие качества шаманов всего мира...»^{1 2}

Вот еще один пример, подтверждающий достаточную распространенность этой модной тенденции:

«Ассоциация друидов с дубом, омелой и ежегодным обрядом в Стоунхендже, вероятно, исчерпывает популярное представление об этой могучей группе жрецов, управителей и поэтов. Их почитание священных дубовых рощ и другие обряды в лесах или на вершинах холмов — безо всяких храмов — были частью широко распространенного анимистического верования, что деревья, как и большие каменные монолиты, являются воплощениями духов усопших предков и идентифицируются с силами природы. Друиды были шаманами. Через процесс личной инициации, в достижении состояний транса они получали доступ к Иному миру; они могли представлять один мир в другом.

Из галльско-римских резных изображений мы знаем о рогатом боге по имени Кернуннос, корни которого в боже-стве, называемом антропологами владыкой зверей. Это был бог охоты, и охота была в его власти. В британском фольклоре он появляется как Херн-Охотник, и Шекспир упоминает о его дубе в Виндзорском лесу. Образ рогатого охотника восходит к очень древним временам; пещерные рисунки изображают человека в шкуре дикого зверя. Охотник иден-

¹ Мэттьюс Д. Кельтский шаман / Пер. Е. Мирошниченко. М.: София, 2002. С. 31.

² Там же.

тифицировался с оленем — в действительности делая его символическим предком своего клана, — чтобы умили-вить его властвующий дух. Это очень древнее таинство, хотя и не исключительно кельтское: охотник и зверь — едины.

Превращение в животные сущности, в быка, оленя, коня, кабана, кошку, птицу или рыбу, обычно для кельтских сказаний. Такие попытки пробуждать дремлющие силы и выходить за пределы сознания посредством строго соблюдаемых ритуалов давно были признаны особым даром некоторых людей. Они входят в состояние коллективной грезы, где прошлое и настоящее, психическая и физическая реальности сливаются, чтобы стать мостом между божественным и животным аспектами человека: этими людьми во всех кочевых обществах являются шаманы¹.

Рассмотрим ряд аргументов «за» и «против» кельтского шаманизма.

Почитание природы было свойственно на определенном этапе развития всем народам, но вправе ли кто-то сказать, что любое почитание природы — шаманизм? Да, очевидно, что существование человека немыслимо без глубокой духовной связи с окружающей его природой, частью которой он является. И если в некоторых религиях, в первую очередь «мировых» христианстве, буддизме и исламе, в официальной ритуальной части зачастую нельзя обнаружить явного и активного взаимодействия с духовно-энергетическими аспектами биосферы, т. е., иными словами, с «духами природы», то народная духовность всегда находит способы возместить это. В случае большинства индоевропейских этносов мы видим идущее через тысячелетия поддержание непрерыв-

¹ Шарки Дж. *Кельтские тайны. Древняя религия* / Пер. с англ. С. М. Печкина. 1996.

пасмой связи с дохристианскими языческими культурами. Так у русских сохранились, невзирая ни на что, и Масленица, и И ван-Купала, и многие другие праздники и ритуалы (зачастую для приличия «прикрытые» близкими по дате христианскими праздниками), служащие простым целям выживания — согласованию ритмов человеческой жизни с I Природой, эпергоипформациоипому обмену с биосферой. У этносов, находящихся в сфере влияния буддийской или исламской духовности, такую роль чаще всего выполняет шаманизм — для примера упомянем тибетцев, отчасти китайцев, монголов, бурятов, тувинцев... хотя многочисленные народы Сибири и Дальнего Востока, находящиеся на «христианских территориях», также сохраняют шаманские корни. Однако кельтам, как и славянам, германцам или индоариям, шаманизм изначально не был свойствен.

Еще один аспект, наглядно демонстрирующий несопоставимость друидизма и шаманизма, — это система обучения. Шаманская практика, как правило, не подразумевает массового ученичества: шаман передает знание одному, максимум двум ученикам. Но в друидических школах было множество обучающихся: они представляли собой настоящую систему всестороннего образования, как для будущих друидов различных специализаций, так и для отпрысков кельтской знати.

Превращение в животных, часто описываемое в кельтской литературе и столь часто упоминаемое различными авторами, также не делает друидов шаманами. Такие превращения свойственны практически всем традициям: например, в славянской мифологии и фольклоре есть масса историй, содержащих сюжет превращения человека в животное, в том числе и по собственной воле, что опять-таки никоим образом не указывает на родство славянского язычества и шаманизма.

При рассмотрении путешествий в иные миры первое, что стоит отметить, опираясь на кельтский эпос, — герой никогда сознательно не предпринимает никаких специальных действий, не употребляет психоактивных веществ или психоделических снадобий, не впадает в транс, чтобы попасть в иной мир¹. Более того, как правило, путешествие в иной мир происходит случайно и зачастую связано с самым обычным перемещением в пространстве и времени. Такие путешествия могут быть также приурочены к календарным праздникам, когда двери в иной мир приоткрыты (см. раздел «Календарь друидов»).

Отличительной чертой шаманизма является то, что инициация шамана довольно часто происходит помимо воли самого инициированного, такого рода явление часто называют «шаманской болезнью». О такой инициации не говорится ни в одном сказании кельтского эпоса, дошедшем до наших дней.

Также шаманская инициация связана с воскрешением усопших:

«Существует множество различных типов шаманских инициаций, но все они неизменно включают в себя элементы переживания смерти, расчленения, очищения и воскресения. В инициации как бы умирает „ветхий человек**“ и воскресает обновленная и укрепленная личность „нового человека**“, „сверхчеловека**“ архаического общества. Вот человек, страдающий от головных болей, сонливости, слуховых галлюцинаций ит. п., приходит к шаману и просит научить его шаманскому служению. За этой просьбой следует посвящение, во время которого иницируемый получает свой первый

¹ О психоделических путешествиях в связи с различными шаманскими и иными традициями см.: *Брснев П. В. Лабиринты ума*. СПб.: Амфора, 2006.

и важнейший психотехнический опыт. Он переживает умирание и смерть; он представляет, как его тело расчленяют на части, извлекают внутренние органы и развешивают их на крюках... <...> В то время как тело шамана лежит расчлененным или варится в котле, приобретая новые сакральные качества, отделенную от тела душу шамана возносит на вершину мирового древа гигантская птица с железными перьями и длинным хвостом, птица-прародительница шаманов; она помещает душу в яйцо, лежащее в ее гигантском гнезде, и высиживает, пока дух шамана не приобретет сакральной зрелости. Потом душа шамана вылупляется из яйца и входит в обновленное и воссоединенное тело. Посвящаемый воскресает уже не профаном, а шаманом, готовым к своему служению»¹.

Как говорилось выше, в кельтской мифологии действительно использовался котел для оживления умерших — но не символического, а именно физического. Однако ожившие не только не располагали новыми знаниями, но, напротив, обычно теряли дар речи.

Следующий аспект шаманизма — индивидуальный опыт, не привязанный жестко к определенным догмам и канонам. Это не характерно для друидизма, где к традиции относились весьма трепетно, что доказывается многолетним обучением, базировавшимся на заучивании огромных объемов сакральных текстов.

Шаман служит посредником для общения с духами, как правило не имея возможности полностью контролировать происходящее, в некоторых традициях в тело шамана вселяется дух. Друидам несвойственно было такое общение

¹ Торчинов Е. А. Трансперсональные состояния и психотехника. Шаманские инициации // Торчинов Е. А. Религии мира. Опыт запредельного. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. С. 93.

с иным миром, ни одна скела или валлийское сказание не повествуют о том, что тело друида было покинуто его душой, а на ее место пришел некий дух, дабы открыть свою волю.

Как было уже сказано выше, для общения с духами шаману необходимо входить в транс. Трансовое состояние нехарактерно для кельтской культуры в принципе. Единственное упоминание о похожем, хотя и совсем ином, состоянии есть в некоторых ирландских скелах: женщины, носящие в себе будущих героев, делались безумными, но, как только разрешались от бремени, приходили в себя.

Согласно шаманским верованиям, мир делится на три части: верхний мир, мир людей и нижний мир. Кельтские герои путешествуют в основном в сиды, принадлежащие клану Туата Де Данаан, и порой уплывают «за море». Попытки преобразовать «плоский мир» кельтов в модель «мирового древа» нельзя признать достаточно аргументированными.

Шаман, как правило, предпринимал путешествие в иной мир с несколькими основными целями.

Например, обогатить свои знания путем непосредственного общения с обитателями других миров. О подобных путешествиях друидов в скелах не упоминается; что касается путешествующих героев, то они, как правило, действительно узнавали от жителей сида что-либо полезное или получали какой-либо подарок.

Порой шаману было нужно встретиться с богом верхнего мира и принести ему дары от своего народа. Друидам этого не требовалось, так как все подношения совершались в мире людей, что подтверждается археологическими раскопками. А боги порой сами приходили к друидам за помощью и обучением.

Иногда шаманы отправлялись на поиски заблудившейся души или души больного, также сопровождали душу умер-

и кто к ее новому месту обитания. Подобный вид лечения не упоминается в кельтском эпосе; что касается сопровождения души в загробный мир, то похоронный обряд позволяет с уверенностью говорить, что друиды не осуществляли подобных функций, так как в них не было потребности.

Считать друидизм неким «кельтским шаманизмом» было бы просто опрометчиво. В Сибири, в Латинской Америке, в Тибете и других регионах земного шара существовали и существуют по сей день шаманские практики, но далеко не всегда эти явления повсеместны, и зачастую, как было сказано, они заполняют определенную духовную нишу, сосуществуя бок о бок с основными традициями: например, с буддизмом в Тибете, православием в Сибири, католицизмом в Перу или Мексике и т. д. Можно ли предположить, что у кельтских, славянских, арийских и прочих народов, близких в своем языческо-ведическом мировосприятии, в прошлом шаманские традиции точно так же сосуществовали с основными — нешаманскими, т. н. «языческими», ведическими и проч.?.. Вероятнее всего, нет, поскольку, во-первых, для рассматриваемых культур была характерна несколько иная картина мира, во многом не совпадающая с шаманской, во-вторых, функции шамана значительно уже, чем, скажем, друида, волхва или ведуна, и если жрец основной традиции вполне с этими функциями справляется, да еще и выполняет целый ряд других, необходимых развитому и сложноустроенному социуму, то надобность в отдельном «шаманизме» просто отпадает. Таким образом, можно с большой долей вероятности предположить, что друидизм не был шаманизмом — он был чем-то иным и значительно большим для кельтского общества.

Календарь друидов. Двери в потустороннее

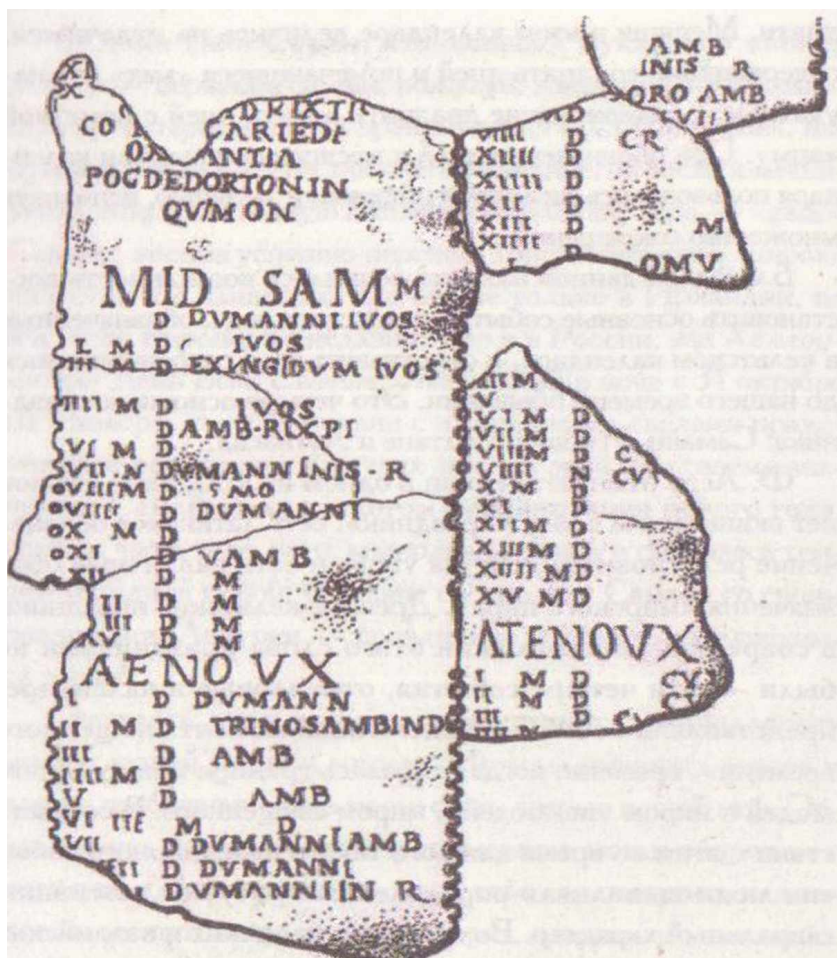
«...Галлы все считают себя потомками [отца] Дита и говорят, что таково учение друидов. По этой причине они исчисляют и определяют время не по дням, а по ночам: день рождения, начало месяца и года они исчисляют так, что сперва идет ночь, за ней день...»¹

Это свидетельство Цезаря подтверждает археологическая находка, сделанная в местечке под названием Колинья близ швейцарской границы в 1897 г., датируемая концом I в. до н. э. — началом I в. н. э.

Находка представляет собой бронзовую плиту с выгравированной календарной таблицей, получила название в честь места, где ее обнаружили, сейчас она известна как «Календарь из Колиньи». Изготовление этого календаря совершенно справедливо приписывают друидам, являвшимся, по словам Цезаря и Плиния, знатоками движения небесных светил.

В основе календаря кельтов лежит лунный календарь, разделенный на два периода в соответствии с фазами Луны. Восстановление найденных фрагментов позволило воссоздать исходный вид календаря целиком: он представляет со-

¹ *Гай Юлий Цезарь*. Записки о Галльской войне. Кн. VI, 1в.



Фрагмент «Календаря из Колиньи»

бой таблицу из шестнадцати столбцов, содержащих шестьдесят два лунных месяца с двумя добавочными месяцами для приспособления его к солнечному времяисчислению.

Каждый месяц разделялся словом ATENOUX («возвращающаяся ночь») на две половины — темную и светлую, пронумерованные на каждой из половин от одного до пятна-

дцати. Месяцы в этом календаре делились на «удачные», содержавшие тридцать дней и помечавшиеся «мат», и «неудачные», содержавшие двадцать девять дней с пометкой «анм». При обозначении дней и месяцев составители календаря пользовались римскими цифрами и латынью, используя множество сокращения.

Благодаря данной находке появилась возможность восстановить основные события кельтского года, обозначенные в кельтском календаре, и сопоставить их с сохранившимися до нашего времени обычаями. Это четыре основных праздника: Самайн, Имболк, Белтане и Лугнасад.

Ф. Леру отмечает, что ни в одном из кельтских языков нет эквивалента слову «праздник»: есть латинское обозначение религиозного действия *vigilia* и есть различные обозначения «мирского пира». Древние кельтские праздники в современном понимании этого слова праздниками не были — эти четыре события, отмеченные в календаре, представляли собой «определенный момент священного времени», времени, когда стиралась граница между миром людей и миром «не-людей», миром священного. В соответствии с этим во время каждого такого календарного события люди выполняли определенные ритуалы, носившие сакральный характер. Во многих ирландских и валлийских легендах можно проследить, что основные события повествования имеют временную привязку к этим четырем событиям года, но в основном к двум из них — Самайну и Белтане, разделяющим год на две половины — темную и светлую.

В Ирландии эти праздники сохранились до сих пор, и хотя и потеряли свое первоначальное значение, донесли до наших времен многие ритуальные действия, исполняемые из поколения в поколение.

Са майн (или *Соуэн*, что означает буквально «конец лета») — первый и самый, пожалуй, загадочный и сакральный из четырех главных праздников (Н. С. Широкова, например, указывает на такое его название: «Пасха язычников»), открывал темную и холодную половину года — «гам». Самайн, весьма успешно пережив христианизацию, широко известен и в наши дни, причем не только в Ирландии, но и во всей Европе, а с недавних пор и в России, как *Хеллоуин* или День Всех Святых, отмечаемый в ночь с 31 октября на 1 ноября. В соответствии с ирландскими скелами праздник этот продолжался от трех до семи дней. По своему значению Самайн был аналогом празднования нового года: светлая часть года, лето, подходила к концу и сменялась темной холодной порой. Римляне соотносили Самайн со своим праздником Лемурии — праздником мертвых, отмечавшимся весной.

Считалось, что в этот праздник стирается граница между миром людей и иным миром. Могилы умерших героев и друше необычные места могли стать дверью в иной мир. Открывались незримые врата, и умершие могли общаться с живыми, а обитатели иного мира либо зло пошутить над запоздалым путником, либо, наоборот, одарить его чем-либо.

Кельты, будучи в первую очередь скотоводами, отмечали в этот день, а вернее сказать ночь, конец сезона, разделяя весь скот на тот, что следует оставить, и тот, что следует отправить на убой. Как отмечают Найнджел Пенник и Пруденс Джонс в своем труде «История языческой Европы», во время Самайна все племя собиралось в некоем сакральном центре, где совершалась церемония смерти и возрождения, символизирующая союз бога племени (Дагды) и богини войны и смерти — Морриган (Бадб, Махи).

В эту ночь с помощью колдовских заклинаний совершались различные гадания, подобные по своему смыслу нашим рождественско-крещенским, доставшимся в наследство от славянского язычества: кто переживет зиму, а кто умрет. В русских деревнях существовал такой обычай: в ночь перед Рождеством в хлеву оставляли несколько кусочков хлеба, символизирующих каждого члена семьи, если наутро один из кусочков исчезал, то это означало, что человек, чей кусочек хлеба исчез, не переживет зиму. У ирландцев до сих пор существует поверье, что, если кто-то из членов семьи услышит стон баньши (в ирландской мифологии — существо женского рода из иного мира, функция которого — предвещать смерть), у того наутро умрет вся семья. Девушки в эту ночь гадали на будущее замужество. Существовал обряд, названный «месиво из девяти сортов»: девушки перемешивали в одном котле шесть видов овощей, заправляли их перцем, солью и заливали молоком. В этом «винегреде» они прятали кольцо; предполагалось, что девушке, которой удавалось извлечь его из этой массы, суждено было в скором времени выйти замуж.

Центральное место в Самайн отводилось, разумеется, друидам: они проводили важные для всего племени ритуалы и вершили суд.

Согласно источникам, дошедшим до наших дней, в эту ночь повсюду гасились огни, затем друиды разжигали новый огонь (вероятнее всего, разновидность знаменитого «огня друидов»), символизирующий начало нового цикла, от пламени которого должны были быть зажжены все огни в домах. Возжигание в эту ночь любого другого огня раньше ритуального огня друидов считалось кощунством и могло караться смертью. Некоторые исследователи считают, что огонь этот добывался «природными способами» — путем

иысекания или трения; в преданиях же говорится о его чудесной природе. Так или иначе, огню, зажженному в эту ночь, приписывали целительные свойства: дома обкуривали дымом для очищения и защиты, детей и больных подводили к костру, чтобы, вдохнув дым от него, те могли исцелиться или укрепить свои силы, угольки от костра считались талисманами, оберегающими от удара молнии, золу от друидского костра добавляли в воду, и она употреблялась в лечении. Упоминается и процедура очищения огнем: между двух высоких костров проводили скот (вероятно, этот обряд мог иметь и вполне функциональное обоснование в очищении животных от различных паразитов). Родившиеся в период Саманна считались обладателями особых способностей, в частности могли видеть скрытое от обычных людей.

Исследователи кельтских традиций А. и Д. Рис говорят о Самайне как о мистерии хаоса, сопровождаемой передеванием девушек в юношей и наоборот, пуганием запоздалых путников и т. д. В эту ночь надо было держаться подальше от кладбищ, а заслышав шага за спиной, ни в коем случае не оборачиваться, а также предпринимать ряд других мер для защиты от потустороннего.

Существовала традиция на время ночи Самайн вывешивать черепа для защиты дома. Со временем этот обычай трансформировался в обряд с тыквой или репой, выдолбленной изнутри, в которую вставляют зажженную свечу. Есть для этого обряда с тыквой и соответствующая христианская легенда о Джеке, дважды обманувшем дьявола и после смерти не принятом ни в рай, ни в ад.

Во время Самайна устраивался большой пир. Королевский пир был своеобразной защитой от сил зла и хаоса. В цикле скел о Конхобаре упоминается, что для улада, не пришедшего на этот пир в Эмайн, не было больше надеж-

ды — наутро находили его останки. Такой пир должен был быть щедрым, ведь заканчивался скотоводческий цикл: на столы выставлялось множество мясных блюд, различная ритуальная еда в виде специально выпеченных по этому случаю лепешек, обязательно вино, пиво и медовуха; яблоки также подавались на праздничный стол, так как служили символом связи с иным миром. Подобное торжество объяснялось еще и тем, что после Самайна следовал период длительного ограничения в еде — необходимо было экономить запасы до прихода тепла.

Н. С. Широкова отмечает, что в ночь Самайна бог Луг уничтожал неугодных ему королей или королев, не справлявшихся со своими обязанностями: обстоятельства складывались таким образом, что король вынужденно нарушал свои гейсы, за чем неминуемо следовала смерть. Герой Кухулин, например, тоже погибает во время Самайна.

Самайн был также временем чудес и исполнения желаний. В скеле «Захват Сиды» повествуется о том, что, когда Дагда, верховный бог клана богини Дану, разделял между представителями клана землю, к нему пришел один из сыновей, Мак Ок. Дагда, не желая, по определенным причинам, наделять его землей, сказал, что у него для Мак Ока ничего не осталось. Тогда Мак Ок пошел на хитрость — попросил одолжить ему на всю ночь и день весь сид Дагды, на что тот согласился. Дело происходило в канун Самайна, и когда по прошествии оговоренного времени Дагда потребовал свой сид назад, Мак Ок заявил отцу, что ночь и день в Самайн означают вечность, потому как время уничтожается.

В цикле ирландских скел существует повесть о приключениях героя Неры во время Самайна.

В канун одного из Сам айнов король и королева Коннахта в качестве развлечения пообещали большую награду вой-

ну. который осмелится выйти в ночь к пленникам, что были привязаны во дворе к столбу, и обвязать им ноги ивовыми прутьями. Но в ночь Самайна духи и демоны свободно гуляли среди людей, и никто из воинов, кроме Неры, на это не согласился.

Выйдя во двор, Нера не смог обвязать ноги пленникам, пока один из них не посоветовал ему использовать собственные пряжки. Затем пленник просит Неру, чтобы тот отнес его к какому-нибудь жилью, дабы утолить жажду. Нера соглашается удовлетворить просьбу пленника и несет его к ближайшему дому, но тот оказывается окружен огнем. Они продолжили свои поиски, так как дом, в котором огонь не прикрыт на ночь, пленник посчитал нехорошим. Вокруг второго дома они увидели озеро — сие было истолковано как знак того, что внутри дома нет воды для питья и умывания, нет и ведра для помоев. И лишь в третьем доме Нера и его спутник обнаружили искомое, а пленник, напившись, выплюнул остатки воды хозяевам дома в лицо, как если бы те были мертвы. После этого Нера отнес пленника обратно и уже собирался обратно, как вдруг увидел, что чертог Рат Круахан, в котором они остановились, сожжен дотла, а из сида выходят люди и забирают головы павших воинов в пещеру.

Воин последовал за людьми иного мира и оказался перед королем того сида. Король велел Нере поселиться в доме одинокой женщины и приносить по охалке хвороста каждый вечер в чертоги короля. Пока Нера носил хворост, он обратил внимание на странное явление, происходившее ежедневно у него на глазах: какой-то слепой с сидящим на нем верхом хромым выходил из королевского двора, заглядывал в колодец и вел с хромым один и тот же диалог. Слепой спрашивал о чем-то лежащем на дне колодца: «Она все еще здесь?» — хромой отвечал утвердительно, и странная пара удалялась.

Вернувшись однажды вечером к женщине, у которой он жил, Нера попросил ее объяснить происходящее. Женщина, ставшая к тому времени его женой, сказала, что эти двое стерегут королевскую золотую корону. Еще жена открыла Нере, что Рат Круахан еще не разрушен, но обязательно будет уничтожен через год, если воин не убедит своего короля напасть на сид первым и разрушить его. После чего жена велела отправляться Нере к своим соотечественникам и обо всем рассказать королю.

Вернувшись в Круахан, Нера обнаружил, что воины — его соратники — еще сидят вокруг костра и даже еще не сняли с огня еду. Нера поведал о своем путешествии королю, и тот в благодарность отдал ему свой меч. Через год воины Круахана напали на сид, а Нера, попытавшись забрать из него свою жену и сына, остался там до Страшного суда.

«Приключения Неры» были записаны в VIII в., и сама легенда отражает обычаи более древние, нежели христианские. Интересен комментарий этой скелы, сделанный А. и Д. Рис. Приключения Неры начинаются с общения между ним и подвешенным пленником, который уже ни жив, ни мертв, что сопоставимо с походом на кладбище, где проще всего в это время было вступить в контакт с иным миром. Нера, вступив в такое общение, получает от своего странного собеседника и попутчика практическое руководство о том, как оградить себя в Самайн от опасностей иного мира. Его инструкции таковы; огонь в эту ночь должен быть прикрыт, — возможно, имеется в виду то время ночи Самайна, когда друиды еще не развели свой магический огонь; следующая предосторожность: в эту ночь ни в коем случае не следует оставлять на дворе ведро для помсев, воду для умывания и для питья. Необычный спутник Неры наглядно демонстрирует, что случается с людьми, пренебрегающими этими мера-

ми: выплевывает им воду в лицо, как если бы те были уже мертвы. То есть это означает, что члены семьи, напоившие подвешенного в ночь Самайна, не доживут до утра. Далее I Isre открывается одно из событий будущего — разрушение Круахана, которое герой предотвращает, сам оставаясь пленником разрушенного сида. Здесь фигурирует еще одна весьма характерная вещь: время в двух мирах несопоставимо. В сиде Нера прожил достаточно длительное время, в то время как в мире людей прошло, вероятно, не более пары часов — ведь даже еду еще не успели снять с огня.

Примечательно и то, что упоминание периода от Самайна до Самайна как некоего особого времени можно обнаружить почти в каждом ирландском повествовании: возлюбленная Мак Ока вынуждена проводить год между Самайнами в обликий птицы, фактически становясь человеком всего на один день; герой Кухулин, ранив прекрасную птицу, принадлежавшую иному миру, в наказание был избит женщинами иного мира и до прихода следующего Самайна не мог промолвить ни слова; в приключении Неры тоже фигурирует описанный промежуток времени. В «Мабиногион» часто упоминается срок «год и один день». Вероятно, этот один день и есть Самайн.

Имболг (Уимолк) — следующий календарный праздник, < помечается он 1 февраля. Само название праздника дословно обозначает «в животе», т. е. беременность, другая трактовка этого названия основана на древнеирландском шБ1ес — «молоко». У Франсуазы Леру этот праздник трактуется как омовение, также, переосмысливая сочетание oi-melc, присутствующее в «Словаре Кормака», она трактует его как «кормление грудью» и «овечьё молоко». Как бы то ни было, эти трактовки скорее дополняют друг друга, поясняя смысл календарного события.

В это время по кельтскому календарю приходила весна, на Британских островах было еще холодно, а февраль называли «волчий месяц»; необходимо было провести инвентаризацию запасов, чтобы дожить до наступления тепла. Однако Имболг, что следует из его этимологии, означал зарождение новой жизни, именно в это время у домашнего скота (в первую очередь овец) появлялся приплод и начинался период лактации.

О самом празднике Имболг сохранилось довольно мало сведений. Этот праздник традиционно связывают с богиней Бригитой, в честь которой из соломы плелись солярные кресты-обереги — такой оберег должен был защищать обитателей дома и весь приплод в течение всего года. Согласно еще одному обычаю, призванному оберегать все семейство, следовало вывешивать на дверь кусок белой ткани. Во время Имболга на стол ставили молочные продукты — масло, сыр, творог и т. д. В ирландских деревнях до сих пор сохранился обычай в этот день на дне маслобойки оставлять кусочек хлеба с маслом для Бригиты.

Богиня Бригита (Бригит) — дочь Дагды, тройственная богиня, воспевалась поэтами и как покровительница мудрости, целительства и кузнечного мастерства, но также связывалась с культом плодородия. Во время празднования Имболга существовал обряд, похожий на наше колядование: какую-нибудь маленькую девочку избирали Бригитой, затем дети ходили от дома к дому, пели песни от имени глухой и немой Бригиты и просили подать ей что-нибудь. Почитание ее было столь глубоко, что с приходом христианства она стала святой Бригиттой.

Житие святой Бригитты Ирландской, существующее в четырех различных вариантах, являет собой яркий пример симбиоза кельтской и христианской традиций. В кельтской,

гели можно так выразиться, литературной традиции достаточно хорошо проработана линия героя (или, в данном случае, героини), с воспеванием его (ее) рождения, жизни, подвигов и, как правило, кончины. Первое житие святой Бригитты записал монах Когитос еще в VII—VIII вв. Согласно житию, святая Бригитта была дочерью рабыни и аристократа, родившейся на пороге дома ранним утром на восходе солнца. Кельтский эпос часто обыгрывает «пограничные пространства», каковым является в данном случае порог дома, символизирующий границу между миром людей и миром божественного; восход солнца — также пограничное состояние между ночью и днем. Не обошлось жизнеописанием и без друидов: при рождении Бригитты друид получает знамение и принимает живейшее участие в ее воспитании.

По обилию совершаемых чудес святая Бригитта не уступает друидам. В ее руках вода запросто превращается в молоко, бочки волшебным образом наполняются пивом, еда для угощения не иссякает, а больные, принявшие пищу и питье из рук Бригитты, почти мгновенно выздоравливают. Как и большинство героев кельтского эпоса, Бригитта I оделена потрясающей красотой. Она отказывается выйти замуж, намеренно уродуя себя — вырывает себе глаз. Тут также стоит вспомнить, что одноглазость (однорукость, одноногость) — это свидетельство принадлежности к иному миру (т. е. половина тела принадлежит миру людей, а другая — иному миру). В данном случае Бригитта явным образом выражает стремление к иному миру, в качестве которого здесь уже выступает христианская церковь. Однако одноглазость и другие уродства — это черты, которыми кельты награждали фоморов, а кельтский герой до самой смерти должен быть прекрасен, поэтому впоследствии Бригитта исцеляется.

Связь между святой Бригиттой и языческой Бригитой очевидна; основные черты, роднящие ее с языческой богиней и кельтскими друидами: рождение в «пограничном пространстве»; была омыта молоком; выкормлена мифическим животным — белой коровой с красными ушами; воспитана друидом; обладает возможностью воскрешать мертвых; дом, в котором она останавливается, загорается (то же самое, кстати, случается и со святым Патриком); обладает властью над природой — солнечные лучи поддерживают ее платье, а над ее головой поднимается огненный столб.

Белтоне (Белтайн) — третье по календарю и второе по значимое™ событие года, отмечалось в начале мая. Этимология названия этого праздника восходит к солнечному богу Беленосу и дословно обозначает «огни Бела». Это событие связывалось с началом сельскохозяйственных работ, а позднее с выплатой владельцу земли ренты: молочными продуктами и куриным мясом. После Белтане женщины и дети уходили на все лето паста стада вдали от селений.

Белтане открывал светлую часть года сапон, длившуюся шесть месяцев. В Белтане во второй раз в году, как и в Самаин, время преломлялось, но прочие обстоятельства отличались значительно. Гости из иного мира, конечно же, могли навредить человеку, но, в отличие от самайнской ночи, здесь принимались весьма действенные меры по защите от незваных гостей. Как и в Самаин, пока племя не разделилось, проводились различные обряды и совершались ритуалы, посвященные богам. Жилища богато украшались цветами, ветки рябины, которыми украшали вход в дом, отгоняли злых духов; вода, взятая из источника в этот день на восходе солнца, обладала целительной силой и приносила удачу. Чтобы выйти замуж за любимого, в Белтане на рассвете девушки умыва-

лись росой, причем во время такого умывания должны были мысленно ругать юношу, о котором мечтали. В этот праздник удачу можно было как найти, так и потерять, поэтому в Белтане чужакам и соседям обычно весьма гостеприимные кельты вполне могли отказать в воде, пище или огне — ведь отдавая что-либо другому, человек рисковал отдать и свою удачу.

Разжигались священные костры друидов, if совершались ритуалы, аналогичные самайновским: «Было небезопасно I >азжигать огонь в своих домах, пока его не выкупали у друидов Бэля»¹. В понимании кельтов Белтане ассоциировался с процессом обновления, когда старое и отжившее свой век должно было уйти и дать место новому, что нашло свое отражение и в фольклоре. По количеству упоминаний в скеллах и валлийских легендах Белтане также не уступает Самайну. Нов большинстве своем события, приходящиеся на Белтане, более радостные: к примеру, Рианнон, понесшая наказание за убийство сына Придери, в Белтане обретает его вновь; Парталон и его спутники прибывают в Ирландию; в этот же день, спустя много веков после гибели Парталона и его рода, прибывают в Ирландию боги Туата Де Данаан; проходит еще несколько столетий, и в этот же день сыновья Миля прибывают в Ирландию, чтобы впоследствии изгнать всех богов клана богини Дану. Так, в день празднования «огней Бела» старый костер, каким бы ярким он ни был, должен был потухнуть, а новый разгореться и дать тепло и защиту каждому, кто в этом нуждается.

Ллугнасад (Алунассад), иногда его называемый «свадьбой Алуга», последний, четвертый праздник кельтского кален-

¹ *Banes M. M. British Calendar Customs. Voi. 1 — Scotland. London, 1937.*

даря, был посвящен, как можно догадаться, богу Алугу и приходился на начало августа. В Ирландии этот праздник проходил на священной площадке, названной в честь жены одного из основателей древних племен — Тальтилу. После победы Туатов она осталась единственной из расы Фир Болт, она же стала кормилицей для Ллуга. Своим топором Тальтиу выкорчевывала леса Ирландии, облагораживая землю. От чрезмерных усилий она скончалась. По преданию, бог Алуг посвятил этот праздник своей трудолюбивой кормилице. Сам Алуг известен как блистательный покровитель всех искусств, щедрый, не скупающийся на награды предводитель воинов клана Де Данаан.

Второе сакральное место в Ирландии, в котором было наибольшее скопление празднующих, — это столица Уль-стара Эмайн-Маха, названная в честь небожительницы Махи. Вот небольшой рассказ о ней.

Случилось, что богатый улад по имени Крунху овдовел, и никто не мог помочь ему справиться с горем. Но однажды в его дом пришла женщина — и стан, и облик, и одежды ее были прекрасны. Женщина оказалась не только красавицей, но и хорошей хозяйкой, в конце концов она стала новой женой Крунху.

Однажды решили улады устроить большой праздник (по описанию это, вероятно, и есть праздник Ллугнасад), на котором присутствовали все от мала до велика. Жена стала упрашивать Крунху не ходить туда, но он ее не послушал. Тогда она попросила мужа не рассказывать никому о ней. Крунху обещал молчать. В разгар праздника, изрядно захмелев, гости развлекали себя зрелищем гонок на колесницах, и первой пришла королевская колесница, запряженная белыми лошадьми, принадлежавшими королю. Один из королевских слуг сказал, что никто не сможет бежать быстрее

этих коней, на что Крунху возразил, что жена его может бежать и быстрее. Его слова передали королю, и тот пожелал увидеть удивительную женщину. Жена Крунху попросила у короля отсрочку, потому как была беременна, но король отказал ей, тогда женщина стала заклинать короля именем его матери, но и в этот раз король остался непреклонен. Будучи вынужденной участвовать в соревновании с королевскими конями, жена Крунху хоть и обогнала их, но внезапно упала и родила близнецов. За то зло, что причинили ей улады, женщина прокляла их: «Коли вы так зло обошлись со мною, каждого из вас настигает мое злое мщение!»

Король велел ей назвать свое имя, на что женщина сказала: «Мое имя, данное мне при рождении, хорошо запомнят все на этом празднике. Маха, дочь Санрита, сына Имбата — вот мое имя...»

Все мужчины, которые слышали ее крик при родах, вдруг почувствовали себя слабыми, как женщина, только что разрешившаяся от бремени. И тогда сказала им Маха: «За то зло, которое вы мне причинили, каждый раз, когда на вас будут нападать враги, будете вы испытывать муки, подобные родовым. И будут длиться они четыре дня и пять ночей или пять дней и четыре ночи, и так — девять поколений...»¹

В этой ипостаси покровительница войны и разрушения Маха предстает как богиня плодородия.

Третье место, где традиционно отмечают Ллугнасад, носит название Карман, оно также связано с довольно печальной историей. Карман была матерью и предводительницей трех своих сыновей, вчетвером они занимались грабежом и уничтожением урожая. Туата Де Данаан изгнали вредителей

¹ Недуг уладов / Пер. Т. Михайловой // Похищение Быка из Ку дльнге. С. 8.

с ирландской земли, сыновья вынуждены были покинуть остров, оставив в заложниках свою мать Карман. От тоски и унижения Карман скончалась в плену, перед смертью попросив устраивать в ее честь праздник. Согласно преданию, на могиле Карман раз в три года проходил праздник, названный в ее честь.

В этих трех легендах хорошо виден основной смысл праздника — это победа над голодом и смертью, победа, благодаря которой природа, отнимающая жизнь, вследствие человеческого трудолюбия и целеустремленности проявляет себя и как дарительница благ, осуществляет свою созидательную функцию.

Праздник Ллугнасад более известен как сельскохозяйственный — время сбора урожая, в этом празднике участвовали все сословия. В это время совершалось ритуальное вкушение плодов на вершине священных гор, где собирались всей общиной. Десятая часть урожая в качестве подношения закапывалась в землю. Во время этого праздника устраивались ярмарки, различные состязания и скачки, играли музыканты, устраивались танцы, решались юридические споры.

Для скотоводов этот праздник также имел немаловажное значение, так как пастухи гнали скот с пастбищ обратно в общину. В ночь на Ллугнасад пастухи и пастушки совершали различные ритуалы, дабы уберечь скот от порчи: творили заговоры, привязывали к ушам и вымени коров красные нити. Считалось благоприятным в эту ночь искупать скот в каком-либо водоеме. У пастушек существовал обычай в этот день раздавать всем присутствующим на пастбище маленькие кусочки деревенского творога.

Наверняка не обходился этот праздник без ритуальных костров, зажигаемых друидами. В эту ночь жители иных

миров, в отличие от Самайна и Белтаны, не проявляли большого рвения в общении с людьми — Ллугнасад, как и Имболг, в этом плане относительно безопасен. Также это время считалось благоприятным для заключения браков.

В заключение хотелось бы отметить, что хотя сейчас эти четыре праздника и привязаны к конкретным числам, но кельтский календарь, считающийся до сих пор одним из самых сложных, не имел точных, однозначно закрепленных дат, и в далеком прошлом даты этих четырех событий имели не вполне ясный сегодня «плавающий» характер.

Кельтские друиды — предки славянских волхвов?..

Тема древнего родства кельтов и славян с некоторых пор становится весьма популярным, приобретая подчас привкус некой псевдоисторичной скандальности. Один из сторонников близости и взаимосвязи древних разноплеменных жрецов, С. В. Цветков¹, в качестве доказательства своей позиции приводит следующие доводы.

1. Гиперборейцев, венетов, невров и антов античные авторы часто принимали за кельтов и славян. Такая путаница была вызвана античным снобизмом, выразившимся в презрительном отношении к варварским народам: в Центральной Европе, где основными племенами были кельты и германцы, славяне поочередно относились то к одним, то к другим.

2. Основываясь на том, что становление славянского этноса происходило на территории Повисления при внушительном влиянии кельтской цивилизации, можно доказать, что славянские племена представляли собой этнический синтез из кельтских и праславянских племен. (В качестве обоснования этого тезиса Цветков ссылается на антропологические исследования, в результате которых был выделен «кельто-славянский» тип строения черепа.)

¹ Цветков С. В. *Кельты и славяне*. СПб., 2005. С. 144 — 145.

3. Кельтские и славянские племена обладали схожим менталитетом. Одной из его характерных черт является жестокость, имеющая основание в религиозно-мистической картине мира. (Как предполагает автор теории, и кельты и славяне делили мир людей на «своих» и «чужих», последние представляли собой жителей потустороннего мира и рассматривались как своеобразная «нежить», с которой можно не церемониться.) Кельтские и славянские воины были известны как умелые и бесстрашные. Несмотря на свою жестокость и воинственность, и те и другие славились гостеприимством, любили музыку и имели много общего в своем отношении к власти и религии.

4. Кельты и славяне имеют общее, индоевропейское происхождение, в связи с чем предполагается, что у кельтов и славян:

- а) схожая дохристианская картина мира;
- б) схожие обряды, в частности прорицания и похоронный обряд;
- г) доминирующая роль жреческого сословия в обществе;
- д) общая система жертвоприношений.

5. «Летописные волохи — это кельты, именем которых стали называть русских языческих жрецов волхвами». Предполагается, что первыми славянскими волхвами были не кто иные, как кельтские друиды.

6. Схожесть языческого кельтского и славянского пантеонов:

- а) склонность к единобожию;
- б) общая солярная символика;
- в) поклонение объектам природы, в частности почитание камней.

7. Традиции строительства храмов славянскими племенами были также восприняты от кельтов, которые в свою очередь переняли их у римлян.

8. Кузнечные, литейные технологии и ювелирное искусство также были восприняты славянами от кельтов.

9. Согласно версии А. Г. Кузьмина (которую разделяет С. В. Цветков), глаголица была создана ирландским монахом Вергилием, распространявшим христианство в Моравии и Паннонии в VIII в. н. э.

10. Во время христианизации Руси именно кельты заложили основы русского православия.

На основании всего вышеперечисленного Цветков приходит к выводу, что «раннесредневековые славяне во многом прямые потомки кельтов, и не только наследники, но и носители кельтских традиций и кельтской культуры».

Исходя из теории о том., что кельтские друиды были прародителями и наставниками славянских волхвов в колдовской науке, проведем, не вдаваясь в географические тонкости, сравнительный анализ сведений о друидах и о славянских волхвах.

До христианизации волхвы имели довольно высокий статус в обществе. Гильфердинг¹ описывает балтийских волхвов как особое сословие, в обязанности которого входило совершать в святилищах публичные моления, прорицать, узнавать волю богов и провозглашать ее людям. Статус волхва был настолько высок, что тот распоряжался доходами с поместий, принадлежавших храму. У самого языческого храма

¹ *Гильфердинг А. Ф. (1831–1872) — член-корреспондент петербургской Академии наук, славяновед, в частности исследователь русских былин. В данном случае речь идет о труде «История балтийских славян» (1855).*

были земельные угодья, волхвы облагали налогом купцов, присваивали третью часть военной добычи и обладали собственным войском.

Волхвы, как и друиды, представляли собой особое почитаемое сословие, внутри которого существовало разделение на группы в соответствии с выполняемыми функциями. На основании обзора сведений XI—XIV вв. академик Б. А. Рыбаков приводит следующую иерархию славянского жреческого сословия (мужчины — женщины):

Волхвы, Хранильники — Волхвы («вълхва» — женщина-волхв);

Волшебники, Потворники — Ведьмы;

Облакопрогонители, Кошунники — Чародейки;

Жрецы, Баяны — Чаровницы;

Ведуны, Кудесники — Обавницы;

Чародеи, Кобники — Наузницы;

Чаровники — Потворы, потворницы¹.

Основными функциями славянского жречества были: совершение ритуалов и молений богам, различные мирские обряды, целительство, прорицание, различные заговоры широкого спектра воздействия — от оберегов для людей и скота до насылания порчи.

Как и друиды, волхвы составляли календари. В основе славянского календаря лежал несколько иной принцип — даты в нем не были «плавающими» и не зависели от фаз Луны. Как и кельтский, славянский волховской календарь был «расписанием ритуалов», тесно связанных с сельскохозяйственными работами. Б. А. Рыбаков подробно описывает такой календарь, датированный VI в. н. э. и представляющий собой глиняный кувшин для священной воды. На кувшине

были обозначены различные события, связанные с сельскохозяйственными работами: сроки появления первых ростков, славянский праздник Ярилин день, день летнего солнцестояния, Перунов день, а также четыре периода дождей, необходимых для яровых хлебов данной местности. Как отмечает Б. А. Рыбаков, точность этого календаря подтверждена агротехническим руководством XIX в. для всей Киевщины. Для ведения таких точных расчетов и наблюдений была создана своя система знаков, передаваемая от учителя к ученику¹.

Как и друидам, славянским волхвам приписывали власть над природными стихиями. Они были «облакогонителями», могли заклинать дождь, влиять на солнечные и лунные затмения. Так же как и герои кельтских эпических сказаний, волхвы могли перевоплощаться в животных, чаще всего им приписывали волчье обличие.

Как и друиды, волхвы были знатоками различных трав и их свойств, для различных колдовских манипуляций с отварами использовался специальный предмет — чара, отсюда и название такого колдовства — чары; использовавших такого рода магию называли чаровниками или чаровницами. Занимающихся целительством называли еще и нотворниками. Чару позволительно сравнить с кельтскими волшебными чашами, и те и другие наделяются волшебными свойствами.

Славянских предсказателей называли кобниками; Б. А. Рыбаков предполагает, что от этого слова происходят современные глаголы «кобениться» и «выкобениваться», так как предсказательный ритуал требовал неких необычных телодвижений. Предсказания осуществлялись и при помощи

¹ Там же.

наблюдений за полетом птиц, у друидов такая практика тоже существовала.

Баюны были сказителями, но ни в коем случае не такого толка, как кельтские барды или филиды; в словаре Даля «баюнить» означает беседовать, занимая разговорами, «байздик» — рассказчик, знающий сказки, песни, стихиры, духовные стихи, также это баян, боян.

А вот сословие кошунов было представлено рассказчиками несколько иного толка, некоторые их функции были действительно схожи с бардовскими — они были рассказчиками мифов и сказаний (следует помнить, что для нас и для людей того времени эти истории о богах не одно и то же — для них это была реальность), чем и заслужили особую нелюбовь служителей христианского культа — в русском языке появилось слово «кощунство», означавшее оскорбление и поругание религиозного чувства (близкое толкование негативного смысла «кощунства» — оскорбление «кощей» (костей), т. е. нарушение покоя мертвых). Вероятно, помимо различных повествований о богах кощунники имели отношение и непосредственно к колдовской практике, возможно к заклинаниям, обращениям к загробному миру и проч. Рыбаков проводит параллели кощунника с образом Кощея Бессмертного и его «кошным царством», т. е. кощунники, вероятно, имели отношение к похоронному обряду.

В состав славянского жреческого сословия входили изготовители талисманов («хранилышки»), их часто отождествляли с кузнецами, так как талисманы зачастую выполнялись из металла и в виде украшений. На талисманах изображались различные картины из языческого пантеона славян либо божество-защитник. Кроме всего прочего, кузнецы, изготавливая оружие, украшали его аналогичным образом, поэтому меч

имел не только функцию земного оружия, но и защитника от потусторонних сил.

У кельтов мы находим схожее отношение к мечам: «Оттого воистину по праву протирают их, вынув из ножен. И еще в ту пору держали в мечах талисманы, а с клинков вещали демоны, и все потому, что тогда люди поклонялись оружию, и было оно их защитой»¹.

Что касается жертвоприношений, то у славян их совершал волхв-облакогонитель — большинство ритуалов было связано с урожаем, а значит, с погодными условиями.

Есть некоторое сходство и во внешнем облике друидов и волхвов. В Радзивилловской летописи 1071 г. имеется изображение волхва: он одет в просторные белые одежды, хотя почему-то безбород.

И у кельтов, и у славян в равной степени существовал культ камней. В особенности почитались так называемые «громовые камни», или «камни молнии» (грома), возникающие в основном при ударе молнии в землю, когда грунт в «стволе молнии» спекается в своеобразную продолговатую «стрелу» («стрела» или «палец» Перуна — повелителя грозы и покровителя воинского сословия), впрочем, возможно, что иногда это могли быть и метеориты, и просто камни, в которые ударила молния. У славянских волхвов «Перуновы стрелы» использовались как защитные талисманы: «А тот камень падает и стреляет сверху от грома... Он же и громовая стрела называем... Из того камня делать глаз в перстень и носить на руке, от всякого видимого и не видимого злодея сохранен будешь... Гого же камня демоны боятся, а носящий его не убоится напасти и беды и одолеет противников своих. Аще кто и стрелу громовую с собой носит, тот может всех

¹ Битва при Маг Туиред // Похищение Быка из Куальнге. С. 378.

одолеть силою своею, и против его никто не устоит, хотя б сильнее его был...»¹. Применялись такие камни и в знахарских целях. У кельтов они в первую очередь связывались с культом плодородия. Например, женщина, желавшая забеременеть, должна была переночевать на ритуальном камне, или молодые должны были провести первую брачную ночь на таком природном алтаре. Камни молний кельты использовали с теми же целями, что и славянские волхвы, — считалось, что такой талисман уберегает от пожаров и ударов молний, а сам обладатель талисмана обретает определенную магическую или воинскую силу.

Роднит славянские и кельтские народы почитание дуба. Связь дуба с иными мирами в славянском фольклоре достаточно хорошо известна. Так, выражения «дать дуба» (умереть), «смотреть в дуб» (быть при смерти), «задубеть» (окоченеть) связывают это дерево с миром смерти. Согласно народным повериям, используя дуб, покойники могут попасть в земной мир. Дубы, дубовые рощи издревле посвящались громовнику Перуну и служили способом связи с его (иным) миром. Дуб на острове Хортица, что на Днестре, издавна почитался казаками как сакральное дерево, связывающее с божественными мирами. Дуб в русских сказках — часто место перемещения героя в иные миры или место связи с этими мирами: на дубе находится смерть Кощея Бессмертного, в нем находится дупло, хранящее несметные сокровища, и т. д.

Дуб как Мировое Древо фигурирует в одной из старинных рукописей:

«— Скажи мне, что держит землю?

— Вода высока.

¹ *Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1879. 4.2. С. 510-511.*

- Да что держит камень?
- Четыре золотые кита.
- Да что держит золотых китов?
- Река огненная.
- Да что держит тот огонь?
- ...Дуб железный, еже есть первопосажден от всего же, корение на силе божьей стоит»¹.

Сравнивая славянский и кельтский фольклор, можно обнаружить множество параллелей. Например, гема волшебного оживляющего котла была проработана не только у кельтов, вот один из многочисленных фольклорных примеров:

«В приходе св. Николы Угодника служил некий поп. По причине ли своей жадности или вороватости пономаря поп разорился. „С горя ударил его по плещи ключами и пошел из своего прихода куда глаза глядят". Ему встретился незнакомый „старичок", и далее они идут вместе. Переходят из царства в царство, в каждом из которых „по всей стране печаль велика", так как дочь царя больна, в вариантах — „беснуется". Спутники берутся, по предложению „старичка", исцелить царевну. Лечение же следующее: в бане „старичок" рассекает царевен на части, бросает в котел и варит (или моет), после чего они, совершенно здоровые, оживают. В третий раз поп решает сам, без своего спутника, получить награду, но разрубленная и брошенная в котел царевна не оживает. Неудачливого лекаря ведут вешать (именно вешать, даже если перед тем объявляется, что не справившемуся с делом лекарю „голова с плеч, на тычинку повесят"). Является „старичок", спасает попа, воскрешает царевну, одаривает попа своей долей

¹ Гаврилов Д. А., Наговицын А. Е. **Боги славян. Язычество, традиции.** М., 2002. С. 40.

царской награды и со словами: „не жадничай, да не бей ключами Николу по плешу^{1*} исчезает»¹.

Вспомним котел племен богини Дану, благодаря которому погибшие воины оживают. Да и сам обряд омовения и у кельтов, и у славян является символом возрождения (см. раздел «Магия друидов»). В более позднем русском фольклоре тема воскресения при помощи котлов находит свое отражение в широкоизвестной сказке «Конек-горбунок».

Царь-девица говорит:

Коль себя не пожалеешь,
Ты опять помолодеешь.
Слушай: завтра на заре
На широком на дворе
Должен челядь ты заставить
Три котла больших поставить
И костры под них сложить.
Первый надобно налить
До краев водой студеной,
А второй — водой вареной,
А последний — молоком,
Вскипятя его ключом.
Вот, коль хочешь ты жениться
И красавцем учиниться, —
Ты, без платья, налегке,
Искупайся в молоке;

¹ *Прозоров Л. Р. Мятежи волхвов в Верхнем Поволжье XI в.: индоевропейские параллели // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы международной научной конференции. Ижевск: Изд-во ИЭ и УМТУ, 2002. С. 400.*

Туг побудь в воде вареной,
 А потом еще в студеной.
 И скажу тебе, отец,
 Будешь знатный молодец!¹

Яблоки и яблоня у кельтов считались предметом, связанным с потусторонним миром. На Самайн (см. раздел «Календарь друидов») яблоки составляли обязательную часть праздничной трапезы. В «Видении Фингена» в ночь на Самайн во сне Фингену является женщина из сида, чтобы сделать ему предсказание:

«...Нынче ночью открылись и явлены были три величайших сокровища Ирландии. То боевой шлем Бриона из Сид Круахан, что сработал Брео, сын С метра ха. мастер Энгуса, сына Умойра. Покрыт он чистейшим индийским пурпуром, и венчает его золотое яблоко. Размером тот шлем с голову воина, а вокруг него тянется нить из перебранных рубинов. На нем сто колечек красного очищенного золота и сто цепочек из светлой бронзы для украшения...»^{1 2}

В «Исчезновении Конлы Прекрасного, сына Конна, героя ста битв» другая жительница сида хочет увести с собой юношу, но благодаря песни друида вынуждена отступить; на прощание она дает' юноше яблоко:

«...женщина вынуждена была уйти, поскольку песнь друида пересилила ее, она бросила Конле яблоко. Месяц после этого Конла был без еды и питья и не хотел есть никакую пищу, питаюсь одним лишь только яблоком. Однако сколько он ни откусывал от него, яблоко не уменьшалось, пребывая все так же в целости...»³

¹ Ершов П. П. Конек-горбунок. М.; Л., 1964. С. 25.

² Видение Фингена.

³ Исчезновение Конлы Прекрасного, сына Конна, героя ста битв // Исландские саги. Ирландский эпос. С. 665.

У славян есть всем известная сказка о молодильных яблоках, имеющая множество вариантов. Центральной сюжетной темой этих сказок является путешествие царевича за молодильными яблоками, дарящими бессмертие и красоту для его отца или царя, в зависимости от изложения. Юноше необходимо совершить путешествие в иной мир, где растет волшебная яблоня.

В «Мабиногион», в повести «Килух и Олвек», текст перекликается с русской народной сказкой «Иван Быкович». Спутники Килуха схожи по своим качествам с товарищами Ивана Быковича:

«Подъезжает к нему старичок в лодке:

— Батюшка Иван Быкович, много лет тебе здравствовать] Прими меня в товарищи.

— А ты что умеешь?

— Умею, батюшка, хлеб есть.

Иван Быкович сказал:

— Фу, пропасть! Я и сам на это горазд; однако садись на корабль, я добрым товарищам рад.

Подъезжает к лодке другой старичок:

— Здравствуй, Иван Быкович! Возьми меня с собой.

— А ты что умеешь?

— Умею, батюшка, вино-пиво пить.

— Нехитрая наука! Ну да полезай на корабль.

Подъезжает третий старичок:

— Здравствуй, Иван Быкович! Возьми и меня.

— Говори: что умеешь?

— Я, батюшка, умею в бане париться.

— Фу, лихая те побери! Эки, подумаешь, мудрецы!

Взял на корабль и этого; а тут еще лодка подъехала; говорит четвертый старичок:

— Много лет здравствовать, Иван Быкович! Прими меня в товарищи.

— Да ты кто такой?

— Я, батюшка, звездочет.

— Ну, уж на это я не горазд; будь моим товарищем.

Принял четвертого, просится пятый старичок.

— Прах вас возьми! Куда мне с вами деваться? Сказывай скорей: что умеешь?

— Я, батюшка, умею ершом плавать.

-Ну, милости просим!»¹

Король Артур отправляет сопровождать Килуха к его невесте Кая, который «...мог девять дней и ночей пребывать под водой и не утонуть и еще мог девять ночей и дней оставаться без сна. Никакой лекарь не мог залечить рану, нанесенную его мечом. Поистине доблестен был Кай. Когда он хотел, то мог сделаться высоким, как высочайшее в мире дерево. Было у него и еще свойство. В самый сильный дождь на расстоянии вытянутой руки от него все оставалось сухим. И если его спутники страдали от холода, он согревал их лучше всякого костра», Кинддига — «ибо в чужой земле им мог понадобиться проводник, знающий все земли, как свою родную. <...> И еще он призвал Горхира Гвальстауда Иэтоэдда, который знал все языки. И призвал Гвальхмаи, сына Гвиара, который никогда не возвращался домой, не найдя того, что искал. Он считался самым удачливым искателем и был племянником Аргура, сыном его сестры. И призвал Мену, сына Тейргваэдда, который, если бы они очутились среди врагов, мог окружить их волшебным туманом так, что их бы никто не видел, а они видели всех...»^{1 2}

¹ *Афанасьев А. И. Народные русские сказки. М.: Худож. лит., 1982. С. 88.*

² *Килух и Олвен // Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 91-96.*

Есть схожие поверья о том, что женщина может понести от еды и питья. У кельтов — колдунья Крид вен, мать Кухулина или Туана. У славян все в той же сказке:

«...жил-был царь с царицею; детей у них не было. Стали они бога молить, чтоб создал им детище во младости на поглядение, а под старость на покормление; помолились, легли спать и уснули крепким сном. Во сне им привиделось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруде златоперый ерш плавает, коли царица его скушает, сейчас может забеременеть»¹.

Как видим, у кельтов и славян действительно множество общих черт, соприкосновение культур действительно имело место:

«В VIII и III вв. до н. э. древние кельты оказывались по соседству с предками славян или, по крайней мере, на территории, которую позже заселили славяне. Как народ более развитый, они оказывали влияние на своих соседей, передав им искусство обработки железа, навыки скотоводства и ремесла и, возможно, отдельные элементы религии и мифологии. Однако кельтам и славянам предстояло встретиться еще один, третий и последний, раз. И виновником этого оказался тот самый император Траян. Разгромленное им в 106 г. царство населял фракийский народ даков, испытавший сильное кельтское влияние еще в III в. до н. э., когда „галлы“** вместе с даками (гетами) появлялись под стенами Ольвии. Дакские цари Корилл, Комозик, Децебал носили вполне кельтские имена, и, вероятно, в их владениях жило немало потомков /ц>евних вольков (кельтское племя, расселившееся на территории Южной Франции). Римское завоевание заставило их бежать на восток, в земли между Дунаем и Днестром. Там и возникла

¹ *Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. С. 82.*

около 150 г. н. э. Черняховская культура, носители которой отличались высоким уровнем развития металлургии и других видов ремесла»¹.

И все-таки приведенные выше аналогии вовсе не означают, что сословие кельтских друидов было тождественно сословию славянских волхвов, также это не доказывает, что первыми волхвами у славян были друиды. Б. А. Рыбаков отмечает, что у славян князь и жрец нередко были одно лицо: «Во многих славянских языках „князь“ и „жрец“ звучат почти одинаково (чешский: князь — knez, жрец — knez; польский: князь — ksiaze, жрец — ksiadz)»; описывая раскопки Черной Могилы, Рыбаков отмечает, что внутри могилы присутствуют неперменные атрибуты славянского жреца: бронзовый идол, два турьих рога и два жертвенных ножа.

Ранее говорилось, что кельты отсчитывают сутки ночами, а не днями: «таково учение друидов», писал Цезарь. Славяне же, с точностью до наоборот, отсчитывают сутки по солнцу, а не по луне. Картины мира славян и кельтов тоже имели достаточно внушительные отличия, Рыбаков считает, что прародителями пантеона славянских божеств были сколотские божества, сами же сколоты были потомками скифов.

Учение сколотов мало чем напоминало учение друидов. Традиционно славяне делили мир на явь, навь и правь, в то время как у кельтов есть мир людей и с ид, населенный племенами богов, расы которых неоднократно менялись. Кроме всего прочего, боги у кельтов смертны, как, например, раса Парталона, погибшая от морового поветрия, и могут переживать различные жизненные коллизии, словно обычные

¹ Эрлихман В. Истоки. Откуда есть пошли славяне // Родина. 2001.

люди, например быть изгнанными неведомо куда — как боги племени Дану были изгнаны сыновьями Миля и т. д.

Совершенно напрасно приписывают кельтам стремление к строгой иерархии богов, не говоря уже о монотеизме: бог Ллуг не был более почитаем, нежели богиня Бригита, а бог Дагда и вовсе частенько, согласно мифологии, оказывался в конфузных ситуациях. Вот, к примеру, эпизод из скелы «Битва при Маг Туиред»:

«И послал Дагда Ауга разузнать про фоморов и, коли сумеет, задержать их, покуда не двинутся в битву ирландцы.

Отправился Дагда в лагерь фоморов и испросил перемирия перед сражением. Получил он на это согласие фоморов, и те в насмешку приготовили для него кашу, ибо с большой охотой ел ее Дагда. Наполнили ею королевский котел в пять локтей глубиной, что вмещал четырежды двадцать мер свежего молока, да столько же муки и жира. Вместе с кашей сварили они козлятину, свинину и баранину, а потом вылили ее в яму. И сказал Индекс Дагда, что не миновать ему смерти, если не опустошит он ту яму и не наестся до отвала, дабы после не попрекать фоморов негостеприимством. Тогда ухватил свой ковш Дагда, а в нем без труда улеглись бы мужчина и женщина, и были в ковше половинки соленой свиньи да четверть сала. <...> Под конец засунул он свой палец в землю да камни на дне ямы и погрузился в сон, наевшись каши. Словно домашний котел, раздулось его брюхо, и над тем потешались фоморы. Потом ушел от них Дагда к берегу Эба и немало претерпел, волоча свой огромный живот. Непотребен был его облик, ибо лишь до локтей доходил плащ, а бурая рубаха его до зада. К тому же свисала она на груди, а сверху была на ней просто дыра»¹.

¹ Битва при Маг Туиред // Похищение Быка из Куальнге. С. 367.

Дагда — великий предводитель всего рода Дану, но он всего лишь очередной предводитель очередной божественной расы. Трудно найти религию, позволяющую себе такие прямые насмешки над высшими богами, — даже в народных сказаниях. Хотя, конечно, что-то подобное можно обнаружить у греков или индусов, но уж точно не в мифологии славян, где нет места глумливым пассажам в отношении какого-либо из высших божеств — Сварога, Рода, Дажьбога, Хорса... да и любого другого персонажа божественного пантеона.

У славян, в отличие от кельтов, действительно существовали предпосылки к строгой иерархичности богов и даже монотеизму. Бог Род (часто интерпретируемый как Сварог) повелевал родом человеческим, небом и землей, ему в значительной степени принадлежала власть над стихиями. Остальные боги в славянском пантеоне тоже были глубоко почитаемы, однако о Роде (а впоследствии — о Перуне) можно говорить как о верховном божестве.

Передача знаний, вероятно, также существенно отличалась. У славян не было лесных школ, подобных друидическим; вероятней всего, магическое искусство и знания передавались внутри семьи — от отца к сыну, от матери к дочери. Это объясняет более обширную градацию внутри волховского сословия. Волхвы не были четко структурированной организацией, подобно кельтским друидам, не было у них и главы — архидруида («архиволхва»). Тот, кого кто-либо, обладающий магическими способностями, определял себе в ученики, просто жил рядом и учился, день за днем постигая науку трав и заклинаний, проведения ритуалов и календарных тонкостей.

Если же рассмотреть обожествление и одухотворение природы, то для той эпохи оно было более чем естественно

и свойственно не только древним кельтам и славянам, но и всем народам, когда-либо населявшим нашу планету.

В социальном плане, в отличие от славянских волхвов, для друидов вполне естественным был жесткий контроль за функциями высшей власти, а позднее, в Британии, и совмещение функций жреца и короля в одном лице. Эта традиция сохранилась у потомков кельтов, и они, к примеру, главу государства короновали и почитали как помазанника Божия, а христианские европейские короли были наместниками Бога на земле.

Довольно странная идея — записывать волхвов в потомки друидов. Учитывая все сказанное о друидах в предыдущих главах, наивно предполагать, что они, столь бережно хранившие свои секреты, вдруг стали бы делиться ими с чужеземцами. Все же славяне не были кельтами, даже если предположить, что какое-то непродолжительное время могли с ними жить по соседству. А если принять гипотезу об ученичестве волхвов, то друиды, несомненно, передали бы им не только свои знания, но и систему обучения, включили бы их в свою иерархию — подобно тому, как если бы во времена князя Владимира Русь стала католической, то подчинялась бы Папе Римскому... Все, что было связано с культом, самими друидами почиталось священным — не в последнюю очередь это можно сказать и о друидической иерархии. Когда римляне в I в. н. э. уничтожили центр друидизма во время битвы на острове Мона, они фактически сломали его становой хребет. С этого момента начался упадок друидизма, вплоть до его полного исчезновения, которое можно обозначить V-VI в. — после христианизации Ирландии (последнего оплота друидизма).

Трудно также предположить, чтобы уже в период упадка друидизма отдельные друиды, спасаясь бегством от

преследующих их бед, пересекли всю Европу, поселились на славянских территориях и смогли оказать сколь-нибудь значимое влияние на уже сложившуюся и функционирующую систему славянского жречества¹.

В заключение стоит отметить, что исходя из логики исторического процесса и миграций народов (в частности, арийских переселений) большее право на существование имеет обратная гипотеза, согласно которой друиды могут оказаться восприимчивыми славяно-арийской жреческой традиции, по-своему понятой и развитой ими, — ведь славяне как этнос хоть и оформились позднее кельтов (согласно современным научным воззрениям), но географически и культурно всегда были гораздо устойчивей, не удалялись от своих исконных земель, располагающихся значительно ближе к центру древней арийской цивилизации. Кельты же в конце концов оказались вытеснены на самую окраину Евразии...

¹ Хотя схожую гипотезу можно встретить, например, у Алекса Р. Гонсалеса (источник: <http://multiversum.ru>). Однако и в ней друидизм в несколько видоизмененной форме пришел в славянские земли не из Ирландии, а из более близкого кельтского государства — Галатии.

Друиды и христианство

УПАДОК ДРУИДИЗМА

Как было уже сказано выше, власть друидов в кельтском обществе пошла на убыль не только и не столько в связи с принятием христианства. Исторически обусловленные причины упадка друидизма сформировались значительно раньше. Речь идет о Галльской кампании Цезаря и ошибочной проримской позиции друидов в ней. Этот вопрос — о взаимоотношениях друидов и Рима в ходе Галльской войны — до сих пор остается одним из самых спорных в историографии кельтской Галлии.

Как пишет С. А. Доманина, «...во-первых, сама эта война в военно-тактическом отношении не составляет единого целого и делится на ряд этапов со своими целями у каждого. Если сейчас можно признать, что целью стратегии Цезаря было полное присоединение Галлии к римскому миру, то для современников, в том числе и друидов, в первый период войны это отнюдь не было очевидно. Во-вторых, в „Записках...“ Цезаря нет никаких сведений о роли друидов в этой войне. Важнейшая (по его же словам) социальная группа почему-то исчезает со страниц его труда. Пролить свет на позицию друидов, по крайней мере в начале Галльской войны, помогает свидетельство Цицерона. По его словам, друид

Дивитиак, родом эдуй, был его гостем в Риме. Безупречная аргументация Г. Ферреро, увязывающая данные Цезаря о посольстве Дивитиака в Рим, рассказ Цицерона и декрет сената о дружбе с эдуями позволяет идентифицировать Дивитиака, упомянутого Цицероном, с Дивитиаком из „Записок...“ Цезаря»¹.

Значит, Дивитиак, ближайший соратник Цезаря из числа кельтов, его близкий советник, был друидом. Цезарь сообщает также, что Дивитиак обладал влиянием не только среди эдуев, ею и во всей Галлии. Уже это само по себе указывает на то, что он был друидом, ведь именно друиды были основой галльского общества и осуществляли его единство на всей территории. С учетом этого друид Дивитиак в начале Галльской войны играет совершенно особую роль.

Дивитиак принимает активное участие в событиях уже в ходе столкновений с гелльетами, при этом очевидно, что его позиция не является анти римской. Причины такой позиции, по мнению Доманиной, могли быть следующими. Во-первых, война с гелльетами воспринималась современниками как следующая в непрерывной череде оборонительных войн. Превентивный военный поход с целью защиты Провинции — так это понималось галлами, которые не могли предвидеть дальнейших событий. Во-вторых, политическая ситуация накануне войны с юльгетами могла внушать друидической организации серьезные опасения. Планы Ораторикса, стремившегося, по мнению Цезаря («Записки о Галльской войне», 1.2), овладеть верховной властью над всей Галлией, явно шли вразрез с интересами друидов, для которых сохранение децентрализованной, многополюсной

¹ Доманина С. Л. Друиды и Рим в начале Галльской войны // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 65.

Галлии означало сохранение уже имевшейся политической власти. В-третьих, война с гелльветами предшествовала другому, еще более крупному, столкновению — войне Цезаря с германцем Ариовистом.

Планы друидов в этом смысле понятны: еще в 62 или 61 г. до н. э. посольство Дивитиака в Рим преследовало цель убедить римлян в необходимости военной помощи галлам пред лицом германской опасности (см. «Записки о Галльской войне», 1.31; VI.12). Для друидов германское вторжение могло обернуться куда большими бедами, чем римское влияние, поскольку германское вторжение угрожало не только политической власти, но и самому друидизму — речь шла о выживании организации друидов как таковой, и единственную помощь они могли найти только со стороны Рима. Наверняка друиды понимали всю опасность такого союза, но опасность со стороны германцев казалась им более существенной (Ариовист уже захватил часть Галлии), кроме того, друиды могли понадеяться на то, что римляне, разгромив врага, не предпримут дальнейших шагов (так уже было при отражении кимвров и тевтонов). Может быть, если бы на месте Цезаря был кто-то другой, план Дивитиака и сработал бы... Конечно, решение принималось не только им, но всей друидической организацией или, по крайней мере, ее верхушкой: Цезарь пишет о собрании лидеров галльских общин, понятно, что это были друиды. Невероятная оперативность собрания «представителей почти всей Галлии», отмеченная Цезарем, также доказывает, что организовано оно было друидическими структурами. Слова Цезаря, что все присутствующие были «князьями», легко объяснимы, ведь все друиды являлись представителями знатных родов, кроме того, в интересах самого Цезаря было повышение статуса данного форума. Показательно и то, что от лица собрав-

шихся постоянно выступает друид Дивитиак. Как резонно предполагает Доманина «...по крайней мере, часть собравшихся принадлежала к друидам и выражала мнение друидической организации или ее господствующего крыла. Таким образом, в первый период Галльской войны организация друидов, очевидно, заняла проримскую позицию, отвечавшую на тот момент ее корпоративным интересам. Фактически эта позиция была предательской по отношению к галльскому народу и во многом способствовала укреплению позиций Цезаря в Галлии, а в конечном счете — и ее полному завоеванию Римом»¹.

Еще одной причиной падения друидизма следует назвать некоторую оппозицию друидов и местной знати, которой была не по дупле безраздельная власть друидического клана. Как уже говорилось ранее, друиды практически напрямую выбирали короля, таким же образом они могли его и уничтожить, например при помощи сатиры, или существенно ограбшить власть при помощи гейсов, которые наверняка налагались друидами на короля при вступлении его на престол.

Надо сказать, что сама процедура древнекельтской инаугурации включала целый ряд причудливых, а то и непристойных (с современной точки зрения) ритуалов, например: «...будущий король наделялся [властью] после сексуального контакта с олицетворяющей его королевство Великой Конской Богиней (ирландская Рианнон, галльская Эпона и т. п.) или замещающим ее существом. В самом деле, в своей „Топографии Ирландии * (XII в.) Жерар де Камбрэ рассказывает о процедуре помазания ирландского короля, кульминационной сценой которого явилось

¹ Там же. С. 66.

публичное совокупление будущего короля с белой кобылой, чье мясо затем было сварено и съедено собравшимися¹.

Неверно выбранная тактическая позиция друидов имела для них самих весьма печальные последствия — разрушение острова Мона, уничтожение священных рощ и самих ж[>е-нов войском Светония Паулина в 61 г. н. э. Потерпев сокрушительное поражение, оставшиеся в живых друиды более не могли вызывать доверие у простого населения. Кроме всего прочего, друиды оказались «вне закона»*

Вся друидическая магия и мудрость оказались несостоятельными против мечей и копий римских солдат. Как такое могло произойти? Либо жрецы чем-то прогневили богов, настолько, что те не оказали им помощи, либо сама магия и божества, которым молились и приносили жертвы друиды, оказались слабыми, а значит, все это время друиды молились ложным богам, ведь не зря Туан, рассказывая молодым послушникам историю Ирландии, называет Племя Богини Дану «ложными богами!» Таким образом, друиды лишились поддержки местного населения, а римляне, сами того не желая, подготовили благодатную почву для христианских миссионеров.

ПРИНЯТИЕ КЕЛЬТАМИ ХРИСТИАНСТВА

Первым христианином, посетившим Британию, был Симон Зилот — тот самый жених, на свадьбе которого в Кане Галилейской сотворил свое первое чудо Иисус Хри-

¹ *Элиаде М., Кулиано И. Словарь религий, обрядов и верований / Пер. Н. Зубкова, Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. М.: Рудомино; СПб.: Университетская книга, 1997.*

стос. Он прибыл в Британию около 70 г. н. э. при короле Марке, внук которого Ауций, согласно Гальфриду Монмутскому, стал первым христианским королем.

После смерти Луция в Британии к власти приходит латинизированный галл Марк Аврелий Караузий, устраивавший гонения на христиан. Наместник Галлии и Британии Констанций Хлор в ходе военных действий убил Караузия и женился на дочери британского вождя Коеля — Елене. Елена была христианкой, и под ее влиянием гонения на христиан уменьшились.

Но начало настоящей христианизации Британии, согласно Беде Достопочтенному, приходится только на 167 г., когда на остров были отправлены два еггаскопа-миссионера Фаган и Дувиан, впоследствии построившие первые церкви.

Что касается Галлии, историки выделяют два основных источника распространения христианства: это греческие торговые суда, заходившие в устья Роны, и, как ни странно, римские легионеры, среди которых уже к концу II в. было достаточно христиан. Связывают христианизацию Галлии и с именем Дионисия Агреопагита, епископа Афинского, якобы прибывшего туда около 95 г. н. э. и встретившего там мученическую смерть.

Просветителем галлов традиционно считается Мартин Турский (ок. 316—397), или, как его еще называют, Мартин Милостивый. Согласно преданию, еще с детских лет он мечтал стать монахом подобно Антонию Великому, но по настоянию отца Мартин поступает на военную службу и, таким образом, попадает в Галлию в чине офицера. Однажды Мартин, будучи еще на службе в римском легионе, отдал половину своего плаща незнакомому человеку, страдавшему от холода, — позднее он также постоянно заботился о больных, нищих, голодных, получив за это прозвание Милости-

вого. Через некоторое время Мартин оставляет службу в армии и удаляется в пустынь Ашу же, где основывает монастырь, Позже Мартин занимает святительскую кафедру в Туре и основывает еще один монастырь в Мармутье.

Таким образом, первые христианские церкви начинают появляться во II в., а к началу IV в. Галлия и Британия были уже полностью христианизированы.

В Ирландию христианство приходит намного позже — только в V в. Находясь на более удаленном острове, почти на самом краю тогдашней ойкумены, Ирландия была в более выгодной ситуации по сравнению с Британией и Галлией — не подвергалась римской экспансии, и, соответственно, друиды, жившие там, не были «вне закона», что отчасти и позволило далеким потомкам кельтов соприкоснуться с остатками друидической традиции... Кроме всего прочего, и христианизация Ирландии протекала довольно мирно.

В начале V в. к ирландским язычникам был отправлен епископ Палладий, однако его миссия не увенчалась успехом. Через год он скончался, на место епископа прибыл святитель Патрик, позднее известный как Патрик Ирландский¹. Святой Патрик был настолько легендарной и неоднозначной фигурой, что на его личности стоит остановиться подробнее.

«ДРУИД» ПАТРИК ИРЛАНДСКИЙ

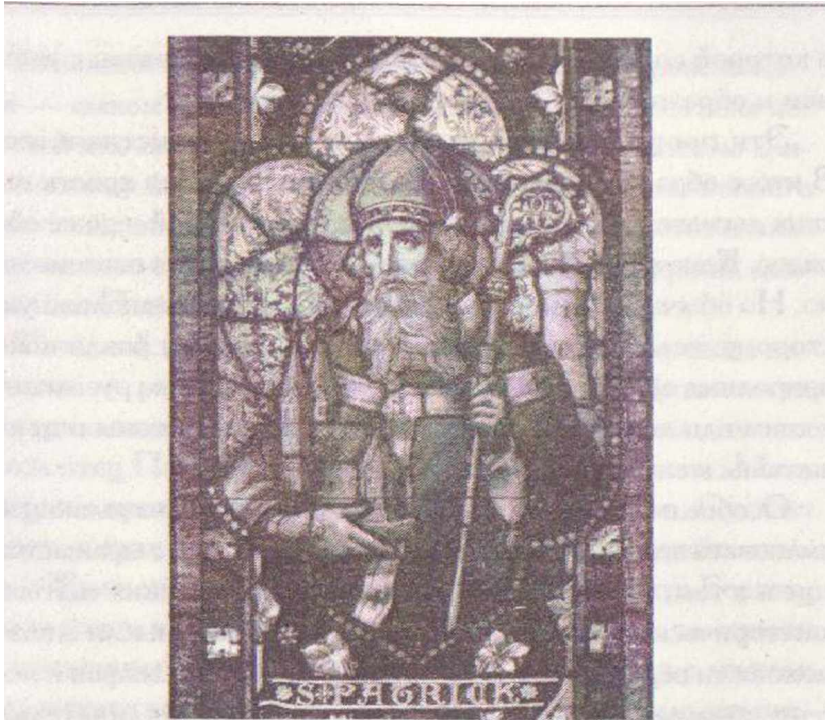
Патрик был сыном британского священника (или, по крайней мере, в его роду были священники), но в детстве, по его собственному свидетельству, он не разделял взглядов

¹ В православной традиции — св. Патрикий.

отца. В довольно юном возрасте Патрик был похищен из отчего дома и продан в рабство. Будучи рабом, он попадает в Ирландию, где пасет скот. В рабстве Патрик проникается верой отца в христианского бога и беспрестанно ему молится. Спустя несколько лет Патрику удается бежать. Вернувшись на родину, он отправляется в Галлию, где получает образование под руководством св. Германа, епископа Оксерского. Окончив свое ученичество, Патрик, после рукоположения в сан, возвращается в Ирландию, но уже в качестве проповедника новой веры.

В именовании святого Патрика «друидом» нет ничего кощунственного и оскорбительного — жизнь его окутана таким ореолом магии и мистики, что сравнение с друидами приходит естественным образом. Нужно отметить, что ирландцы, с присущим им глубоко мифологичным мироощущением, просто не могли принять нового героя в каком-то ином качестве. Конечно, Патрик реально существовавший не тождествен Патрику легендарному, но именно Патрик легенд и мифов представляет для нас наибольший интерес, так как его житие и миф о нем являют собой одно из самых ярких доказательств того, что друидический способ мировосприятия никуда не исчез — изменившись внешне (впрочем, если внимательно посмотреть на изображения св. Патрика, то в его внешности можно обнаружить немало друидических черт), он обрел новых героев, пришедших на место старых.

Для ирландских кельтов было само собой разумеющимся, что на смену одному божественному клану приходит другой, соответственно Патрик, будучи служителем нового «божественного клана», не мог не обладать всеми качествами, присущими друидам. Патрик легенд очень силен и могуществен, он побеждает друидов старой веры. В сознании кель-



Святой Патрик Ирландский.

Витраж в оклендском соборе Светлого Христа

та Патрик — друид Иисуса Христа, а раз его бог самый могущественный, то должен всячески помогать ему, ограждать от опасностей и наделить силой, подобной той, что обладают все герои кельтских легенд. Это отразилось на великом множестве сказаний, в которых фигурирует Патрик, да и количество этих легенд говорит само за себя.

С другой стороны, ирландцы привыкли дорожить своим культурным наследием — герои прошлого не могли быть просто уничтожены, вместо этого большинство из них прошло своеобразный «обряд крещения»; это же случилось даже с некоторыми особо почитаемыми божествами, например с дочерью Дагды богиней Бригитой, миф

о которой со временем оказался неразрывно связан с именем и образом святой Бригитты¹.

Эти процессы отразились и на самом христианстве. В итоге образовался весьма любопытный синтез христианских догматов и ирландских преданий, верований и даже обрядов. Конечно, отчасти такой синтез происходил повсеместно. Но обычно все же случался перекосяк в противоположную сторону: все божества, существа иных миров, различные природные сущности и духи (подобно славянским русалкам, лешим или домовым) оказывались демонизированы и причислены к сатанинскому отродью.

Особое положение Патрика Ирландского, позволяющее именовать его (хотя бы в кавычках) «друидом», выражается еще и в том, что, в отличие от первых христианских святых, категорически отказывавшихся даже от самой мысли о возможности вершить какие-либо чудеса^{1 2}, Патрик мифов и легенд обращается к высшим силам подобно заклинателю, хорошо знающему, как работает «магический механизм». В качестве аргумента рассмотрим легенды и предания, связанные с Патриком и его миссионерской деятельностью в Ирландии, его житие авторства Муръху мокку Махтени и «Исповедь», написанную самим Патриком Ирландским.

Первое, что бросается в глаза, — это схожесть жития Патрика Ирландского в некоторых моментах с жизнью ирландского героя Кухулина.

¹ В православной традиции — преподобная Бригитта, игуменья Кильдарская, царевна Ирландская.

² Согласно христианскому учению, чудеса может творить только Бог, человеку же позволено лишь обращаться к Нему с просьбой. Данный способ мышления кардинально отличается от магического (см. раздел «Магия друидов»).

Вспомним: Кухулин был полубожественного происхождения — сыном бога Ллуга и земной женщины. Здесь пока нет прямой аналогии, только косвенная (поскольку, согласно христианскому канону, никто не может иметь божественного происхождения, кроме Иисуса) — Патрик является сыном британского священника: «Отец мой был Кальпурний, дьякон, сын Потита, священника...»¹

По одной из версий, в результате неточного перевода дикурион — римский офицер, выполняющий обязанности сборщика податей и защитника, которым на самом деле являлся отец Патрика, трансформировался в дьякона. Мать Патрика происходила из рода Мартина Турского. Судя по всему, родители Патрика были людьми весьма зажиточными: «Жили мы в городке, называемом Баннавента Берния, а за городом у нас была усадьба, куда мы, бывало, выезжали на праздники»². Все это пока вполне согласуется с мифом: ведь и происхождение друида из бедной семьи было явлением почти невозможным.

Следующее сходство: в юном возрасте в силу обстоятельств юноше приходится сменить имя. Кухулин получает новое имя в возрасте шести-семи лет, но в связи со своим происхождением он взролеет и физически развивается «не по дням, а по часам», т. е. в два раза быстрее; таким образом, ко времени, когда юноша из Сетанты становится Кухулином, развитие его как умственное, так и физическое соответствует 15—17 годам. То есть плененный шестнадцатилетний Мэйвин Суккат, ставший отныне Патриком, на момент смены имени фактически ровесник Кухулина.

¹ Се. *Патрик Ирландский. Исповедь* / Пер. В. А. Заславского. I, 1. Текст переведен по изданию: *The Confession of Saint Patrick*. New York: Doubleday, 1998. (Источник: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ireland/St-Patrick/ispoved.phtml?id=2306>.)

: Исповедь. 1,1.

Существует несколько версий о наречении юноши именем Патрик. Первая: он получил имя вместе с саном, уже будучи в Галльском монастыре Св. Мартина Турского. Вторая: Патриком юношу в насмешку называл его ирландский хозяин, к которому он попадает в рабство после пленения: узнав о благородном происхождении Мэйвина, новый хозяин называет его «Патрицием» на римский манер. В «Житии святого Патрика» Мурьху мокку Махтени приводит целых четыре вариации имени Патрика:

«Я нашел четыре имени Патрика, записанные в книге, что была во владении Ултана, епископа Дал Конхобайр: святой Магон, то есть знаменитый; Суккет, <...> то есть Патрик, <Котиртиак>, потому что он служил в хозяйствах четырех друидов; и купил его один из них, имя которому было Милух мокку Бойн, друид, и Патрик служил ему семь лет. У Патрика, сына Кальфорния, было четыре имени: Сохет, данное при рождении, Контикке, когда он служил, Мавоний, когда учился, Патрик, когда он был рукоположен»¹.

Любопытен пассаж автора жития о службе Патрика у четырех друидов — такой факт самим Патриком в «Исповеди» не упоминается. Интересно, что ирландского хозяина Патрика звали Милиук: имя Милиукк упоминается в «Похищении Быка из Куальнге» как название одной из рек, что исцелили Кухулина.

Попав в плен в возрасте шестнадцати лет, Патрик становится пастухом и обретает веру:

«...когда я попал в Ирландию, случилось так, что мне поручили пасти овец, и каждый раз, будучи в поле, я посвящал все свое свободное время молитве — а молиться я мог весь день. Поэтому сердце мое исполнялось страха Божьего

¹ Житие святого Патрика.

и любви к Нему, и по мере того, как росла моя вера, то и Дух Божий работал во мне все сильнее. И поэтому за день у меня получалось не менее сотни раз обратиться к Богу и немногим меньше этого — за ночь. И все равно мне было, нахожусь ли я в лесу или на склоне гор, шел ли снег или дождь, жарко мне было или холодно — я не видел в этом никаких преград для молитвы, и с самого утра, прежде, чем занималась на небе заря, я уже обращался к Богу моему. Тогда я мало думал, откуда было во мне столь сильное желание молиться, теперь же я знаю, что вел меня в этом Дух Божий, живущий во мне»¹.

После шести лет плена Патрику удается бежать:

«И вот однажды ночью увидел я сон — будто голос говорит мне: „Правильно делаешь, что постишься, ибо скоро вернешься ты в родную сторону“⁴. И снова, некоторое время спустя, услышал я голос, говорящий: „Пойди и взгляни — твой корабль ждет тебя“⁴. Место, где жил я, было далеко от моря — двести миль отделяли нас от ближайшего порта, притом я никогда не был в тех местах, и не было там у меня ни друзей, ни знакомых. Но вот спустя некоторое время я действительно бежал, оставив позади хозяина, с которым был связан шесть долгих лет. Я шел в силе Божьей, ибо Он вел меня, направляя каждый мой шаг к моему же благу. И так, не чувствуя ни страхов, ни тревог, я дошел до обещанного корабля. И вот я вошел в гавань и увидел, как на воду спускают корабль. Подойдя к матросам, я попросил взять меня с собой, говоря, что у меня хватит денег заплатить им. Но капитан разозлился и сказал мне: „И не мечтай о том, чтобы плыть с нами!“ Услышав его ответ, я решил вернуться в хижину, где жил после бегства. Уже развернулся я, чтоб

¹ Св. Патрик Ирландский. Исповедь. II, 16.

идти туда, и хотел помолиться по дороге. Однако прежде, чем успел сказать Богу хоть слово, я услышал, как один из матросов зовет меня: „Иди к нам скорее!“ Я вернулся, и они стали просить меня: „Давай же, мы будем рады видеть тебя среди наших пассажиров, а если захочешь — и среди наших друзей“. Я согласился, но прежде сказал, что не стану следовать их обычаем — ибо, боясь Бога, я не желал оставить Его и стать язычником¹. Напротив, я всем сердцем желал, чтобы и они обрели веру в Иисуса Христа. Итак, я взошел на борт корабля, мы подняли парус и отправились в плавание»^{1 2}.

Во время плавания Патрик творит чудеса и обращает своих спутников в веру:

«Через три дня мы достигли берега, а затем почти месяц шли посуху, по земле, никогда не знавшей человеческой заботы. Запасы еды окончились, и, как говорит Писание, „поднялся голод в земле той!“ Однажды капитан сказал мне: „Ну, христианин, что ты скажешь теперь? Ты говоришь, что твой Бог всемогущ, так почему бы тебе не помолиться о нас? Ты ведь видишь, что мы умираем с голоду, и, похоже, мы так и умрем, не встретив ни единой живой души!“ Я же твердо ответил им: „Обратитесь и доверьтесь Господу, Богу моему, ибо нет ничего, что было бы невозможно для Него. Сегодня же Он пошлет нам достаточно пропитания в дорогу, ибо для

¹ Прсдии.ложттльни- речь идет об обычае целования сосков, символизировавшем обряд покровительства. Такой обычай действительно упоминается в ирландских скелах; в «Приключениях Фергуса, сына Лейте» повествуется о том, откуда он появился: «А иные говорят, что дали Фергусу демоны плащ, взмахнув которым над головой мог он плыть под водой и морями. Тогда пососал демон соски Фергуса и взялся за его щеку, прося пощады. И спросил Фергус, зачем он делает это. „А затем, — отвечал ему демон, — что такова у нас правда мужей*⁴. Оттого и пошел обычай братья за щеки и грудь, прося защиты или зывая к чести».

² Св. Патрик Ирландский. Исповедь. II, 17.

Бога нет пустынных мест“. И с Божьей помощью так оно и было — внезапно мы увидели большое стадо свиней, они стояли прямо на нашем пути. Не теряя времени, мы забили множество из них и пировали на том месте два дня. Наполнив чрево свое мясом, многие свалились прямо на дороге, как избитый путник из притчи о добром самарянине. Насытившись же, они воздали хвалу Богу, и я высоко поднялся в глазах их»¹.

В итоге длинное и трудное путешествие Патрика и его спутников заканчивается, и они прибывают на его родину в Британию. Пообещав родным и близким более не покидать их, Патрик вынужден был однажды нарушить свое обещание: во сне ему является некто Викторинин, в руках которого «бесчисленные письма», одно из них он вручает Патрику; письмо начиналось словами «Голос ирландцев»; читая это письмо, Патрик услышал знакомый голос людей, живших в Фоклютском лесу, восклицавших: «Святой брат, приди к нам и снова будь с нами».

После этого сна Патрик принимает решение отправиться миссионером в места своего бывшего плена — Ирландию. Надо отдать ему должное, далеко не каждый способен на такой поступок — покинуть вновь обретенную семью и вернуться туда, где пришлось вынести столько тягот, как физических, так и моральных. Патрик понимает, что это языческая страна, никто там не будет рад видеть христианского миссионера и он может там погибнуть. Неожиданно в этом благом начинании Патрик встречает противодействие со стороны своего близкого друга. Чтобы отправиться с миссией в Ирландию, Патрику необходимо было принять епископский сан. Будучи очень юным, еще до своего пленения, Пат-

¹ Там же. II, 19.

рик совершил нечто, о чем не говорит в «Исповеди», но, получая дьяконский сан и уже покайся в своем поступке, он доверяет секрет лучшему другу, и такая откровенность обращается против него. В своей «Исповеди» Патрик делится тем, как тяжело и больно было ему получить такой удар в спину, спустя столько лет, от человека, который, вероятно был ему очень близок. Далее Патрик повествует о своем сне, который весьма интересен для темы нашего исследования:

«...я стоял перед книгой, в которой были записаны мои грехи и мой позор. И когда начал я читать ее, то услышал голос Бога, говоривший: „Нам больно было слушать обвинения врагов твоих, и наказание не уйдет от них“. Он сказал не о том, что мне было больно, хотя так оно и было, но что „нам“ было больно — как будто Бог присоединил меня к Себе, как будто сказал Он: „Если кто-то причинит боль тебе — он причинит боль и мне, как если бы он повредил зеницу Моего ока“ »¹.

Отождествление себя с божественным есть языческая форма верования, подобно тому как друиды считались фактически единым целым с божествами и их воля и воля богов была суть одним. Соответственно нанесший оскорбление друиду тем самым оскорблял и богов, служителями, а вернее сказать, со-служителями которых являлись друиды. В дальнейшем такой подход станет органичной частью католического христианства. (См. далее раздел «Кельтская церковь — наследница друидической традиции».)

В результате Патрик все же преодолевает чинимые ему препятствия и рукополагается в епископский сан, после чего отправляется в Ирландию.

Прибыв в Ирландию после тридцати лет отсутствия, Патрик первым делом собирается к своему бывшему хозяи-

¹ Там же. III. 29.

ну, чтобы дать за себя выкуп и обратить его в христианскую веру. Узнав об этом, Милиук, не желая быть рабом хозяина своего бывшего раба (т. е. «рабом Божиим»), сжигает себя в своем имении. Вероятно, Милук действительно принадлежал к клану друидов — изменить своей вере для него было недопустимо. Такой исход событий очень расстроил Патрика, так как он не желал зла бывшему хозяину:

«врученный увиденным, молча не сходил он с места два или три часа, вздыхая, сокрушаясь и плача. Потом сказал он: „Не знаю я, лишь Господь знает этого мужа и короля, что решил погибнуть в огне, но не уверовать в конце жизни и не служить вечному Богу; не знаю я, лишь Господь знает, что никто из его сыновей не воссядет на престол как король его королевства вовеки, а потомство его останется подневольным"»¹.

Миссия Патрика продолжается весьма нелегким обращением языческого козюля Лойгуре, правившего в Таре, и его двора. В Ирландии, как уже говорилось, друиды еще не были «вне закона», потому при дворе Лойгуре были и они: «Были у него мудрецы и друиды, предсказатели и заклинатели, и творцы всяческих злодеяний, которые могли знать и провидеть будущее по обычаю язычников и идолопоклонников»^{1 2}. Два главных друида, Лотрох и Луцет Маела, предсказали королю скорый приход Патрика:

«...вскоре придет в их страну из-за моря чужой обычай, царство с неведомым и тяжким учением, ему же учат немногие, но многие принимают. Все станут почитать его, и опрокинет оно королевства, и поразит королей, что встанут на его пути; соблазнит оно толпы людские и изничтожит богов их со

¹ **Житие святого Патрика.**

² **Там же.**

всеми их искусными деяниями, а потом воцарится вовеки. Описывали они человека, что принесет новый обычай, и предрекали его приход в стихах, которые особенно часто возглашали за два или три года до появления Патрика. Вот эти слова, не всегда доступные разумению из-за темного их языка:

«Придет бритоголовый с загнутым наверху посохом,
Из дома своего с дырой в крыше станет он петь святотатство,
Из-за его стола, что в переднем пределе дома его,
Все люди его возгласят: „Да будет так, да будет так"»¹.

Комментируя текст «Жития», Г. В. Бондаренко отмечает, что имя одного из друидов — Луцет Маел, — дословно означает Луцет Бритый; в Ирландии друиды выбривали голову особым способом. В своем предсказании друиды таким образом отмечают Патрика как равного себе по силе и статусу; посох — это еще один неизменный атрибут друида. «Петь святотатство» означает, что Патрик, в отличие от них, будет представителем «других богов».

Как и предсказали друиды, Патрик является в Тару накануне праздника Пасхи, совпавшего с кельтским Белтане (см. раздел «Календарь друидов»):

«И случилось так, что в том же году было и идольское празднество со многими заклинаниями, магическими обрядами и другими суеверными действиями идолопоклонников. Собрались на него короли, сатрапы, вожди, князья и все благородные мужи из народа, а с ними друиды, заклинатели, предсказатели, всяких искусств знатоки и учителя. Все они призваны были к королю Лойгуре в Темру, их Вавилон,

¹ Там же.

как некогда к Навуходоносору; в ту же ночь, когда святой Патрик праздновал Пасху, они собрались на свой языческий праздник. Был среди них обычай, доведенный до каждого, что если кто в любой области, будь он близко иль далеко, зажжет в эту ночь огонь, прежде чем загорится он в королевских покоях, то есть во дворе Темры, то поплатится за это жизнью. Между тем святой Патрик, празднуя Священную Пасху, возжег яркий божественный благословенный огонь, и так он сиял в ночи, чао увидели его почти все жители равнины»¹.

Такое святотатство (ас точки зрения древних кельтов это не могло быть ничем иным) вызвало удивление местных жителей и гнев короля Лойгуре, так как нарушение традиции влекло за собой гнев богов с неприятными последствиями д ля всего королевства. Вообще зажжение огня Патриком раньше огня друидов очень символично: Патрик замещает друидов собой, тем самым он показывает несостоятельность прежних богов и друидов, более того — замещает языческий праздник христианской Пасхой, а языческих богов — христианским Богом.

Лойгуре велит узнать, кто осмелился на такой поступок, и предать его смерти. Друиды сказали ему, что «...если только не погаснет этой же ночью тот огонь, что зажжен был прежде огня в твоём доме, уже никогда не погаснуть ему. Поднимется он выше огня всех наших обычаев, и тот, кто возжег его, и царство, что принес тот, кто возжег его, возвысятся над всеми нами и тобой самим, и соблазнят людей твоего королевства, и все королевства покорятся ему, и уступит ему вся страна, и воцарятся они навеки»^{1 2}.

¹ Гам же.

² Iам же.

Сюжет с возжиганием огня чрезвычайно популярен в житиях кельтских святых. Спустя два века в житии св. Геральда встречается аналогичный сюжет:

«Там же, в той же области был один известный маг, который имел многочисленных учеников своего ремесла. Он жил вместе со своими учениками на горе рядом с монастырем святых и заявил претензию на эту же землю (то есть на ту, где находился монастырь. — *А. Г.*), оставленную ему в наследство. Эта гора и сегодня называется холмом магов. Святые монахи, жившие с божьим мужем, с большой горячностью срезая кустарник, устроили большой костер. Пристально глядя на чад от этого костра, маг сказал своим ученикам: „Я понял при помощи магического ремесла, что если мы быстро не потушим зажженный сегодня костер, то он не погаснет до конца времен*. Выйдя из своего места, взяв оружие, он взобрался на лошадь, чтобы скорее потушить огонь. Но божественной волей случилось так, что ноги у лошади прочно удерживались неподвижно в камне и сам маг приклеился к спине своей лошади и никак не мог сдвинуться. Потрясенный тем, что случилось с ним, чувствуя, что божественная сила сильнее его силы, он сказал своим ученикам: „Обратите внимание, друзья мои, что все магические искусства побеждены мольбами этих мужей у бога. Поэтому старательно умоляйте этих христиан, чтобы они освободили меня от этой невыносимой муки. Самого себя и потомков моих отдаю в вечное служение этому святому и его наследникам*. Когда этот обет был дан, он был чудесно освобожден вместе с лошастью от оков своих, но в этом самом камне остается вдавленный, до сих пор неизгладимый, след лошади»¹.

¹ Житие святого Геральда из Мэйо.

Пророчество обеспокоило короля, и он решает лично уничтожить наглого чужеземца, претендующего на власть. Собрав войско, Аойгуре отправился в путь. Не доезжая до места, друиды велели самому ему не приближаться к огню, «дабы потом не поклониться тому, кто возжег огонь. Оставайся поодаль, а мы призовем к тебе этого человека, чтобы он поклонился тебе и ты стал его господином. Перед тобой поговорим мы с ним, и так сможешь ты испытать нас...»¹ Король последовал совету друидов.

Далее Патрик продолжает вести себя как равный друидам — оскорбивший его бога и его веру должен быть подвержен смерти:

«Потом качали они разговор, и один из друидов по имени Аохру напал на святого Патрика и осмелился поносить высокомерными словами кафолическую веру. Смотрел на него святой Патрик, пока говорил он такое, и, словно Петр о Симоне, сказал во весь голос Господу: „О Господь всемогущий, во власти которого всё, Ты, пославший меня сюда! Пусть этот нечестивец, носящий имя Твое, немедля умрет“. При этих словах вознесся друид в воздух и рухнул на землю. Ударился он головой о камень, и мозг его разлетелся вокруг. Умер он у всех на глазах, и оттого убоялись язычники»^{1 2}.

Фактически Патрик проклинал Аохру, демонстрируя тем самым превосходство новой веры над старой, так как Аохра, чьи боги в связи с несоблюдением ритуала были оскорблены не меньше, не смог противостоять Патрику. Существует и другая версия гибели друида Аохру, согласно которой он, доказывая свое превосходство, поднялся в воздух, но Патрик прочитал молитву, и Аохра разбился о камни.

¹ **Житие святого Патрика.**

² **Там же.**

За убийство друида Лойгуре приказывает убить Патрика, но тот проклинает армию короля:

«Увидел Патрик, что язычники хотят напасть на него, поднялся и возгласил: „Да воскреснет Бог, и разйдутся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его“. Настала немедля тьма, и раздался ужасный гул, и обратились нечестивцы друг против друга, и восстал каждый на соседа своего, и сотряслась земля, так что перепутались оси колесниц, и устремились они вперед вместе с конями, и лишь немногие из них полуживыми добрались до горы Мондуйрн. Семь раз семеро человек погибли тогда после проклятья святого Патрика на глазах их короля в наказание за его слова»¹.

Таким образом, покушение на Патрика возымело самые ужасные последствия, включая природные катаклизмы.

Будучи напуганным, король по настоянию своей супруги признает власть Патрика, но, как только они расстаются, король вновь начинает поносить святого и отправляет своих людей убить его. Но Патрик, зная о планах короля, совершает очередное чудо — читает гимн, который впоследствии назовут «Щитсв. Патрика» («Мольба оленя»), и обращает себя и своих спутников в стадо оленей.

После неудачного покушения Лойгуре принимает Патрика у себя в Таре на пиру, посвященном празднику Белтане. Патрик является как подобает друиду — сквозь запертую дверь. Видя появление Патрика со свитой, никто из присутствующих не встал, чтобы почтить его приход, кроме оллама Дувтаха мак Лугира: «Был тогда подле него юный поэт по имени Фиакк, ставший потом славным епископом, чьи мощи почитаются в Шлевте. Как сказал я, один тот Дувтах встал, чтобы почтить святого Патрика, и благосло-

вил его святой, и уверовал Дувтах первым в тот день, что и зачлось ему по праву»¹. Согласно ирландским легендам, Патрик любил поэзию и нередко проводил время в обществе поэтов:

«Однажды, когда у Патрика не было псалмов для нения, а был досуг для застолья и беседы, он пошел к дому Ойсина, сына Шинна, чьи речи были приятны его ушам. Патрик сказал: „Приветствуем тебя, неунывающий старец, и пришли навестить твое жилище, доблестный краснолицый герой, что никогда не отказывал в просьбе. Желаем услышать от тебя, о внук Кумала с крепким мечом, рассказ о самой большой напасти, постигшей фениев с тех пор, как впервые ты начал ходить по их следам“ .Ойсин сказал: „Охотно расскажу тебе, о Патрик сладких псалмов, о самой большой напасти, что когда-либо постигала фениев с тех пор, как впервые явились герои Шинна»^{1 2}.

Присоединившись к праздничной трапезе, Патрик выдерживает еще одно испытание:

«Пока все они ели, друид Лукет Маел, бывший при споре прошлой ночью, намеревался после смерти своего собрата выступить против святого Патрика и опустил каплю яда из своей чаши в кубок Патрика, дабы увидели прочие, что тот сделает. Узрел Патрик это испытание и на глазах всех благословил свой кубок, и замерзло в нем питье, словно лед. Потом перевернул он свой кубок, и только капля яда друида вытекла из него. Снова благословил он тогда свой кубок, и стало в нем питье как прежде, на удивление всем»³.

¹ Житие святого I Патрика.

² Великое бедствие фениев // Шотландская старина. Книга сказаний / Пер. С. В. Шабалова. СПб.; М.: Летний сад, 2001. С. 28.

³ Житие святого Патрика.

Но на этом претензии друида к Патрику не закончились, Лукет Маел провоцирует Патрика на то, чтобы тот показал свою магическую силу:

«„Сотворим же чудеса на этой широкой равнине". — „Какие же?" — спросил его Патрик. „Напустим на землю снег", — сказал друид. „Не желаю я делать ничего против Господней воли", — ответил Патрик. „На глазах у всех напущу я снег", — сказал друид. Произнес он волшебные заклинания и напустил на всю равнину снег, достигающий до пояса. Видели это все и были удивлены. Сказал тогда святой: „Видим мы это, а теперь уברי его". — „До сего же часа завтра не могу я исполнить этого", — сказал друид. „Можешь ты делать зло, но не можешь творить добро. Не так я", — ответил святой и благословил всю долину вокруг себя, тогда без дождя, тумана и ветра пропал снег. Зашумели тут толпы, и весьма удивились, и раскаялись в сердце своем. Малое время спустя, призвав демонов, навел друид и на землю великую густейшую тьму в ознаменование чуда, и все люди возроптали. „Разгони тьму", — сказал тогда святой, но снова было это не по силам друиду. Тогда помолился святой, благословил равнину, и немедля рассеялась тьма, засияло солнце, так что все возрадовались и возносили благодарения»¹.

В итоге друид находит свою смерть:

«Пусть же один из моих мальчиков и ты сам войдете в разные половины запертого дома, и ты будешь в моем платье, а мальчик в твоём. Вместе подожгут вас, и свершится суд в присутствии Всевышнего». Этот совет приняли и построили для них дом наполовину из сырого дерева, а наполовину из сухого. Поместили потом друида в первую половину, а одного из юношей святого Патрика по имени Бенигн

¹ Житие святого Патрика.

в платье друида — в другую. Потом заперли вход в дом и на глазах у всей толпы подожгли. И случилось так, что в ответ на молитвы Патрика пожрал огромный огонь сырую половину дома вместе с друидом и ничего не осталось на ее месте, кроме ризы святого Патрика, которую не тронуло пламя. Напротив, со счастливым Бенигном и сухой половиной дома стало то же, что и с тремя отроками, — «не тронул их огонь и не принес страдания или какого ущерба, и только риза друида сгорела по Божьей воле»¹.

Гибель друида спровоцировала еще одну неудачную попытку покушения на жизнь Патрика, предпринятую королем Лойгуре, после чего ему было сказано, что если он не обратится в христианскую веру, то умрет немедленно, «ибо гнев Господень падет на его голову». Лойгуре по совету своих приближенных принимает христианскую веру, но в наказание за упорство и чинимые препятствия Патрик все равно наказывает короля: «Оттого что противился ты моему учению и чинил мне зло, продолжатся дни твоего царствования, но никто из семени твоего никогда уже не будет королем». По другой версии, король Лойгуре уверовал после того, как Патрик вызвал с тог о света Кухулина, чтобы тот живописал все ужасы ада. Таким образом, Патрик смог беспрепятственно проповедовать в Таре — центре Ирландии.

Патрик, согласно легендам и житиям, достаточно часто общается с мертвыми:

«Как-то однажды миновал он придорожный крест и не заметил его. Видел тот крест возничий Патрика, и когда прибыли они в заезжий дом, туда, куда вел их путь, и стали молиться перед трапезой, сказал возничий: „Видел я крест рядом с нашей дорогой“⁴⁴. Тогда покинул Патрик сей кров,

¹ Там же.

пошел обратной дорогой и стал молиться подле креста. Там увидел он могилу и спросил покойного, похороненного там, какой смертью тот умер и веровал ли. И ответил мертвец: „Был я язычником, и схоронили меня на этом месте. А в другом краю была женщина, и потеряла она сына, жившего и похороненного вдали от нее. Через несколько дней пришла она сюда оплакать его и в горе своем приняла могилу язычника за могилу своего сына и водрузила подле нее крест". И сказал тогда Патрик, что потому-то и не заметил он крест, что стоял тот подле могилы язычника. Такова была чудесная сила Патрика, что заговорил с ним покойный, а потом явлена была могила скончавшегося в вере Христовой, и поставили тот достойный знак животворящего креста подле нее¹.

Зная о сакральном значении числа «три» для ирландцев, Патрик умело использует листочек клевера в своей проповеди для объяснения триединства бога. Другая легенда гласит, что Патрик изгнал всех змей с Ирландского острова: велел им собраться на горе, а затем мановением своего волшебного посоха отправил на дно морское; как известно, для кельта море — обитель фоморов, т. е. змеи фактически были отправлены туда, где им самое место, учитывая место змея в христианской мифологии.

В «Старине мест» рассказывается, как Патрик низверг языческого идола в Маг Слехт — идола Кром Кройхе, о котором говорилось ранее. Согласно преданию, однажды Патрик посетил собрание, посвященное этому идолу, и идол отвернул свое лицо от Тары, а двенадцать каменных идолов погрузились в землю по самую шею. По другой версии, Кром Кройхе рассыпался в прахе, когда Патрик коснулся его своим посохом.

¹ Житие снятого Патрика.

Подобно Мату (см. «Мабиногион»), Патрик в наказание мог превратить нерадивого предводителя в дикого зверя. Британский вождь по имени Короток угоняет в плен недавно обращенных в христианство ирландцев, Патрик обращается к нему в письме с просьбой отпустить пленников, на что последний лишь насмехается над просьбами святого. За такое отношение к христианам он жестоко поплатился:

«Узнал об этом Патрик, вознес молитву Господу и сказал: „Господи, если только возможно, изгони вероломного мужа из этого мира и из грядущего “. Прошло с того не много времени, и услышал Короток, как некто пел, что придется ему лишиться королевства, а все близкие ему люди подпевали. Вдруг на глазах у всех посреди площади превратился он жалким образом в маленькую лисицу и убежал. С того часа и дня, словно утекшая вода, не появлялся он больше»¹.

Это очень похоже на сатиру или заклинания, исполняемые филидами и бардами в адрес обидчика.

Святой Патрик остался в памяти ирландцев как человек гневливый и скорый на расправу:

«В другой раз святой Патрик отдыхал в день воскресный на берегу моря возле соленого болота, что лежит немного к северу от Бычьего перевала, и услышал громкий шум, который поднимали язычники, копавшие канаву вокруг усадьбы. Патрик созвал их и запретил им работать в воскресный день. Они же не прислушались к словам святого и даже насмеялись над ним. И молвил святой Патрик: „Бог мне судья, что бы вы ни наработали, не будет вам никакой выгоды⁴⁴. Так и случилось. На следующую ночь поднялся могучий ветер и взволновал море, и весь труд язычников уничтожила буря по слову святого. <...> Другие рассказы-

¹ Там же.

вают, что жил тогда в Маг Иниш суровый и жадный человек, который в безумии своем и жадности дошел до того, что однажды, когда два быка, влачивших повозку Патрика после святых трудов его, остановились в поле и принялись щипать траву, силой увел их прямо на глазах святого Патрика. Разгневался Патрик и сказал ему, проклиная: „Бог мне судья, плохо поступил ты. Пусть же это поле вовеки не принесет ничего ни тебе, ни твоим иотохмству. Отныне будет оно бесплодным". Так и случилось. В тот же день огромное наводнение морское залило все поле, и, по слову пророка, обратилась „земля плодоносная в слатину от злб живущих на ней“ (Пс. 106, 34). Так и остается она песчаной и бесплодной со времени проклятья святого Патрика до сего дня»¹.

Однако при всей своей суровости Патрик запомнился и как человек редкой доброты, проявляемой не только в отношении людей, но и животных: «Поднялись они на холм и нашли там олениху и ее маленького олененка, лежавших на том самом месте, где ныне алтарь в северном храме в Арма. Захотели спутники Патрика поймать олененка и убить его, но не пожелал этого святой и не разрешил им сделать это. Поднял святой олененка и понес на плечах своих, и последовала за ним олениха, как кроткая и ласковая овца, пока не отпустил Патрик олененка в другую долину к северу от Арма, где, по словам сведущих людей, и ныне бывают чудесные знамения»^{1 2}. Впрочем, не будем забывать, что для кельта олень — одно из волшебных животных, принадлежащих миру людей лишь наполовину, да и сам Патрик, по крайней мере один раз, оборачивался оленем.

¹ Житие святого Патрика.

² Там же.

Кончина Патрика была столь же необычна и наполнена чудесами, как и его жизнь:

«Ответил ему ангел: „Возвращайся туда, откуда пришел, — т. е. в Савул, — и исполнены будут четыре твои просьбы. Первая, чтобы твое управление было в Арма. Вторая, чтобы всякий, кто в день кончины прочтет гимн в твою честь, был судим тобой по грехам его. Третья, чтобы потомки Диху, что любезно принял тебя, заслужили милосердие, а не гибель. Четвертая, чтобы все ирландцы судимы были тобой в день Страшного суда (как сказано Иисусом апостолом: «...сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф. 19, 28)), и судил бы ты тех, чьим апостолом был. Возвращайся же, как сказал я тебе, и умрешь ты, и пойдешь путем отцов твоих“. И случилось это на семнадцатый день марта — а всего лет прожил он сто и двадцать, — и каждый год отмечают тот день по всей Ирландии»¹.

Святой Патрик прожил весьма долгую и насыщенную жизнь, на протяжении которой вел борьбу с друидами и языческими верованиями, основывал церкви, обращал в веру Христову ирландскую знать, а через нее и всех кельтов, населявших Ирландию. Патрик Ирландский, как, пожалуй, никто другой, воплотил в жизни принцип, провозглашенный апостолом Павлом: «с эллинами как эллин, с иудеями как иудей». Обращая в христианство язычников, он побеждает друидов их же собственным оружием — магией и чудесами. Патрик легенд и мифов становится похожим на друидов: управляет природой, воскрешает мертвых, может менять облик с человеческого на звериный и даже на Страшном суде собирается судить ирландцев... Но вот в заключение слова,

¹ Там же.

которые Патрик реальный, относившийся к числу святых отцов ранней, еще не разделенной церкви, сказал сам о себе в «Исповеди»:

«И прошу я всех, в ком живы вера и страх Господень, и кто решится прочесть писания Патрика, последнего грешника и последнего неуча, который написал их, будучи в Ирландии — пусть никто не поставит мне в заслугу, если я хорошо и правильно писал и проповедовал о Боге. Поверьте мне: этот мой труд, как и все труды, совершенные мною в Ирландии — исключительно дар Божий»¹.

КЕЛЬТСКАЯ ЦЕРКОВЬ — НАСЛЕДНИЦА ДРУИДИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

«Кельтская церковь» — понятие, принятое в историографии для обозначения особенностей организации церковной жизни римской Британии, Ирландии, Шотландии, Уэльса и Бретани в античности и Средние века.

В контексте рассмотрения взаимодействия и взаимовлияния друидизма и христианства наиболее интересна кельтская церковь Ирландии. Уникальна она уже тем, что в ее истории нет ни одного мученика, пострадавшего за веру, напротив: «Чаще всего не останки претерпевших страшную смерть за веру служили здесь священными [>>еликвиями, а книги, колокольчики, посохи великих проповедников и основателей монастырей, первых епископов и чудотворцев»^{1 2}.

¹ *Св. Патрик Ирландский. Исповедь. V, 62.*

² *ШКунаев С. В. Герои и хранители ирландских преданий. С. 7.*



«Кельтский крест» —
один из символов Кельтской церкви

Кельтскую церковь, распространявшую в Ирландии христианство в V—VI вв., по праву можно назвать хранительницей и наследницей древних друидических традиций. В «Разговоре старейшин» Патрик велит не забывать предания и историю Ирландии, давая тем самым своеобразное напутствие своим братьям: перевести многовековую устную традицию филидов в письменную. С. В. Шкунаев пишет, что с VI по XI в. в Ирландии трудилось не менее ста скриптгориев. Множество новообращенных филидов трепетно относились к своему наследию, и потому столь велико количество сказаний, дошедших до наших дней. Древнейшие книги датируются VIII—IX вв., позднее они явились эталоном, по которому сверялись сказания, записанные в последующие века. Другой кельтский святой, Колумба, и вовсе обучался у филида Геммана поэтическому мастерству. В филидах он видел

важнейших носителей культуры — и не только языческой, но и пришедшей ей на смену христианской.

Система обучения кельтских монахов и принципы внутренней организации монастырей были заимствованы у друидов: теперь ирландская знать, ранее отдававшая своих детей на воспитание друидам, отдает их обучаться в монастыри:

«...Колман был рукоположен в аббаты того же монастыря; благороднейшие в его земле, а также основатели церквей составили заговор и отправили его в ссылку. Поднявшись на корабль, он прибыл в английскую землю. И услышав молву о святости такую настоятеля Колмана, народ и клир с большим почтением приняли его, и в дальнейшем, убедившись в святости его по очевидным признакам, единодушным соглашением народа и клира сделали его архиепископом всей Англии. Когда он достойно руководил церковью, король той земли, по имени Кусперий, четверых своих сыновей, рожденных от королевы Бениции, предоставил его заботе, чтобы тот обучил их нравам и наукам. Этих сыновей звали Геральд, Бадан. Берикерт, которого по-другому называли Рутулий, и Хукбританн. Стало быть, этих четверых, достаточно обученных в свободных искусствах и в области теологии, [он] подвиг к монашеской жизни и возвел в церковные чины»¹.

Теперь «лучшими людьми» называют уже не друидов — таковыми стали монахи. Ведь они теперь хранители знаний и проповедники божьей воли.

Славились кельтские христиане и своей миссионерской деятельностью. Повсюду, где бы они ни проповедовали, возводились монастыри: один из таких монастырей был даже в Новгородских землях Киевской Руси.

¹ Житие святого Геральда из Мэйо.

Структура кельтской церкви сильно отличалась от римской. Из-за ее островной изоляции и по ряду исторических причин связи с Римом постепенно ослабли. Административной единицей кельтской церкви была монастырская парухия, а не диоцез. Ирландские монахи имели особую тонзуру и исчисляли пасхальный цикл не так, как это назначалось из Рима и было принято в остальном католическом мире. Но главное отличие коренилось в самой организации ирландской церкви, в которой через короткий срок после принятия христианства утвердился единственный принцип: основой всего стали сообщества монастырей или, как говорили ирландцы, «семьи».

Конечно, как пишет С. В. Шкунаев, «...такая структура церкви никак не могла быть создана ее фактическим основателем — св. Патриком. В его время в Ирландии, как и на континенте, должно было существовать деление на территориальные единицы, диоцезы, во главе с епископами. Правда, уже в сочинениях самого святителя Ирландии проскальзывает интересное признание о растущей привлекательности для ирландцев монашеского служения. „Сыновей ирландцев и дочерей благородных, ставших монахами и девами Христовыми, я не в силах и перечислить“⁴, — пишет Патрик. О том, как жила церковь непосредственно после Патрика, нам известно немного, но можно утверждать, что к концу следующего, V] века ее опорой стали уже исключительно монастыри. Все хоть сколько-нибудь значительные храмы сделались к этому времени центрами монастырей (нередко мужских и женских одновременно), представлявших собой обнесенное валом пространство, где, помимо храма, располагались уединенные кельи монахов, трапезная, скрипторий и нередко школа. Привязанность ирланд-

ских монахов к уединению и аскезе была необыкновенно сильной. Иногда ее связывали с каким-то природным свойством ирландцев, иногда — с влиянием на ирландское христианство восточных, в частности сирийских и коптских, форм этой религии, проникавших сюда через западное Средиземноморье и Испанию. Влияние такое несомненно, но оно лишь вплелось в ткань местной культуры, ни в коей мере ее не определяя. Строгая аскеза сочеталась в ирландских монастырях с духом удивительной открытости по отношению к внешнему миру и той терпимостью, благодаря которой и сохранились для нас многочисленные ирландские сказания. Уходящие в глубокую древность и языческие по характеру, они продолжали жить и в Новое время. Никто усерднее ирландских монахов с их прославленной любовью к рукописям не переписывал старинных преданий и не переносил в книги то, что продолжали изучать в филидических школах и петь ученые поэты <...>

Необычное устройство ирландской церкви можно объяснить, в частности, тем, что в Ирландии не было городской жизни и, следовательно, основы для обычной формы территориального устройства епископств. Многие черты ирландского монастырского уклада находят соответствия в социальных нормах общества того времени — так, правила выбора среди претендентов на королевскую власть и на место настоятеля монастыря являют заметные черты сходства, но все же устойчивость ирландской церкви, ее исключительно быстрое оформление в переживших затем века формах трудно объяснить только приспособлением к местным социальным условиям. Создается впечатление, что церковь заняла в обществе некое пустующее место, вошла, конечно, со своим, резко очерченным, содержанием в уже

существовавшую структуру. И таковой, как это ни парадоксально, могла быть только организация ирландского жречества языческой поры — друидов»¹.

Далее Шкунаев сообщает, что в Ирландии наследовались не только элементы предыдущей системы, но и целостная ее модель. Ссылаясь на А. Бертрана, который еще в XIX в. высказал мысль, что структура ирландской монастырской организации определялась не только невозможностью какого-либо другого типа устройства церкви в поделенной на мелкие королевства и не знавшей городской жизни стране, но прежде всего преемственностью ее по отношению к друидическим сообществам языческого времени; он отмечает, что сейчас появилась возможность если и не абсолютно точно доказать это в каждом конкретном случае, то все же подтвердить важными наблюдениями: «...ныне понятно, что большинство ирландских монастырей располагались на племенных границах, то есть там же, где находились священные места и центры друидов, как хорошо известно имевшие общенациональный надплеменной характер. Система связей ирландских монастырей между собой также напоминает организацию касты друидов»^{1 2}.

Далеко не всем ирландцам по душе пришлось новая вера, принесенная Патриком. Тоска по дохристианскому прошлому и его героям довольно ярко выразилась в некоторых поздних легендах, в частности в разговоре Ойсина (сына Финна — предводителя Фениев) и Патрика. Когда Ойсин, не послушав своей возлюбленной из Страны Юности и обнаружив, что со времени его отъезда пропью триста лет, а король Финн и Фении давно мертвы, спешивается

¹ Шкунаев С. В. Герои и хранители ирландских преданий. С. 9—10.

² Там же. С. 13.

с коня, то превращается в дряхлого старика. Люди отводят Ойсина в дом св. Патрика, который с радостью принимает незадачливого путешественника и пытается обратить его в христианскую веру:

«— Горе мне, Патрик, О горе мне, горе! Недобрым было мое возвращение [из Страны Юных]. Ничего не оставили мне Шинн и Фенин на память о себе.

— Не сокрушайся так, Ойсин! Обрати свои слезы к Всемиловейшему Господу. Ничем не поможешь ты теперь Финну и Фениям!

— Горе мне, — повторил Ойсин. — Навсегда обречен Финн на муки. Кто победил его после того, как сам он победил врагов без счета?

— Господь победил Финна, но не рукой воина. И Фенин обречены гореть в аду вместе с Финном.

— Ах, Патрик, покажи мне место, где теперь Финн и Фенин, и, будь это ад или рай, я сокрушу его. Если же и Осгар, мой сын, храбрее которого не было воина на земле, тоже там, разве не одолел бы он любое воинство, будь оно в аду или в раю?

Святой Патрик решил обратить Ойсина в Христианскую веру и крестить его, однако это был нелегкий труд, потому что, если он что говорил, Ойсин не медлил с ответом. Не один раз они спорили, и вот как это было.

П.: Ойсин, долго ты спишь. Поднимайся и внимай псалму! Силы покинули тебя, хоть ты привык к битвам и сражениям.

О.: Силы покинули меня, потому что нет больше воинства Финна. Не люблю я священников, и музыка их не пленяет меня.

П.: Не было музыки прекраснее с сотворения мира. А ты, старый, седой и глупый, как сражаться ты думал в воинстве Финна?

О.: Как сражался я, Патрик неумный, так и думал сражаться, и нечего тебе позорить меня, нечего мне стыдиться. И слышал я музыку прекраснее твоей, как ни хвали ты своих священников. <...> Аай собак приятнее мне, чем шум в твоих школах, Патрик.

...Проси, Патрик, своего Небесного Бога о Финне и Фениях, молись за великого мужа, нет и не было равных ему на земле.

П.: Не буду я просить Бога о Финне, об умном муже, против которого восстает мой гнев. Не нашел он ничего лучше, чем охотиться дни напролет в долинах.

О.: Если б хоть раз побыл ты среди Фениев, Патрик безрадостных священников и колоколов, забросил бы ты свои школы и забыл бы о своем Боге.

П.: Никто из живущих на западе и на востоке не разлучит меня с Божьим Сыном, а ты, Ойсин, бессильный бард, бойся возмездия за божьих священников.

О.: Любил Финн лай гончих в горах, когда они гнали волков из нор, победные крики своих гордых воинов любил Финн.

П.: Много чего любил Финн, но все забыли о нем с тех пор, как он умер. Нет больше ни Финна, ни гончих, и ты не вечен, Ойсин.

О.: Гремит слава о Финне, с которым никто не сравнится из прежних и нынешних, никто так не щедр, как великий Финн.

П.: Чем поможет тебе теперь щедрость Финна? Навсегда он в аду за предательство и самовластие.

О.: Я не верю тебе, муж из Рима с белыми книгами, не может щедрый Финн, вождь Фениев, быть в руках чертей и демонов.

П.: Навсегда в аду твой Финн, щедрый муж, не знавший счета золоту, не чтит он Господа и за то принимает муки в доме скорби.

Вы были как дым костра, как река в долине, как ветер на вершине горы, все вы были такие прежде»¹.

Вместе с устным преданием кельтская церковь получила в наследство и друидические ритуалы. Это можно отследить как в древнейших текстах, относящихся к временам первых святых, так и внимательно рассмотрев традиции кельтской церкви и ее святых. В «Анналах Клонмакнойса» описывается весьма любопытное поведение ирландских священнослужителей VI в., более подходящее друидам, нежели христианам:

«Когда настало утро, король, знать и князья церкви поднялись, и, после того как священники прочитали свои молитвы, они снова попросили короля освободить им Хуга Гуай ре, в чем он решительно отказал, как и прежде. Тогда Руадан и епископ, бывший с ним, взяли свои колокольчики, имевшиеся при них, сурово позвенели ими, и прокляли короля и место, и помолились Богу, чтобы ни король, ни королева никогда после не смогли жить в Таре, чтобы она запустела навсегда, без двора или замка, что, согласно этому, и произошло. Ни сам король Диармайд, ни его наследники, короли Ирландии, никогда не могли жить в Таре со времени этого проклятия. Каждый из них выбирал себе такое место, какое на его усмотрение было самым подходящим и удобным для проживания»^{1 2}.

¹ Патрик и Ойсин // Кельты. Ирландские сказания / Пер. Л. Володарской. М.: Арт-Флекс, 2000.

² Как была проклята Тара / Пер. С. В. Шкунаева // Сказания древней Ирландии. СПб.: АИК, 2007. С. 136.

В VII в. святой Геральд и его спутники совершают чудо, достойное друидов, — не просто воскрешают умершего, но наменяют его пол:

«Услышав о смерти единственной дочери, король, не имевший сыновей, сильно испугался. Собравшись с силами, сказал он дружинникам своим: „О сердечные мои друзья-советники, верные товарищи для тайных поручений, никто из вас да не объявляет перед лицом этих святых чужестранцев, что дочь у меня умерла, но что умер у меня единственный сын“. И добавил, сказав: „А если не воскресят сына вместо дочери, всех их схватить“. Когда святой аббат был приведен со своими товарищами пред лицо короля, король сказал: „Если вы хотите основать в наших землях аббатство, богатое вещами и землей, то воскресите сына моего, недавно умершего, единственную надежду моего царства, [и, вырвав его] из пасти смерти, с помощью вашего бога воскресите. Если не сможете достичь этого, уходите без чести от границ наших или оставайтесь у нас в рабстве. Услышав такие слова, святые отцы поспешили туда, где лежала царская дочь, и обратился к ней святой Геральд, молясь таким образом: „О святой Отец, защитник всех на тебя надеющихся, в затруднениях [находящихся] твоих верных спасаешь, как море Красное для пленных израильтян осушил, как Петра от оков чудесным образом освободил, нас же, захваченных этими варварами, милосердно освободи из этого узла затруднений, то есть от смерти королевской дочери, и создай из мертвой дочери живого сына твоей чудесной силой, и посредством нашего смирения подари ему живые чувства и движения. После этой речи он обратился к королю: „О король, скажи мне честно, сына или дочь хочешь воскресить?“ На что король сказал: „О святой муж, со всем моим почтением, единственный мой сын умер, соблаговолите воскресить к жизни

[его]“. Тогда святой аббат Геральд сказал: „Будь то сын или дочь, Бог — дарователь жизни, которому все возможно, воскресит тебе сына*“. Сказав это, он вылил ей в рот святую воду со своего камня, который принес с собой из внутренностей матери, с крестным знаменем, и к удивлению стоящих рядом, с носилок немедленно встал царственный юноша»¹.

Впрочем, вспоминая «Житие святого Патрика», такое поведение ирландских служителей христианского культа нельзя назвать удивительным или неподобающим. Кельтские святые как никто другой славились своей эксцентричностью.

Можно отметить, что существует немало принципиальных отличий между христианскими традициями кельтских народов и остального христианского мира. Видимо, не случайно именно на территориях принадлежавших некогда кельтам более прижилось католичество, нежели православие, и даже Реформация не затронула большую часть этих земель... Но это тема отдельного исследования — как и вопрос о том наследии, которое друидизм оставил кельтской и в целом католической церкви, состоявшем не только в организационных особенностях, но и во многих традициях друидической магии.

¹ Житие святого Геральда из Мэйо.

Неодруидизм

Несмотря на свою скрытность и отсутствие каких-либо конкретных источников о подлинном учении, друидизм, спустя несколько столетий, обрел новых «продолжателей традиции». На основании некоторых валлийских текстов, апокрифических творений авторства Иоло Моргануга и собственных фантазий участников зародилось движение, названное неодруидизмом.

Самые ранние неодруидические ордена, придерживавшиеся в основном масонских принципов, создаются в XVIII — XIX вв. Первый современный орден друидов был основан Джоном Талландом, и первый «собор» его состоялся в Лондоне 22 сентября 1717 г. в таверне «Яблоня». Спустя чуть более полувека плотник Генри Херлом уже в другой таверне — «Королевские руки» — учреждает еще один друидический орден. Создание третьего известного друидического ордена состоялось примерно в то же время, 21 июня 1729 г., на Примроуз-Хилл валлийским каменщиком Эдвардом Уильямом, более известным под его «друидическим» именем Иоло Моргануг.

Концепция современного неодруидизма основывается на александрийской¹ традиции его понимания. Адепты этих

¹ Согласно классификации, предложенной Норой Чедвик, традиции изучения друидов можно разделить на два направления: александрийское и Посидониево. Александрийская традиция базируется на работах более

культов зачастую подходят к вопросу достаточно поверхностно, полагая, что друиды — это некие седобородые старцы в белых одеждах, некогда жившие в лесах и проводившие свою целомудренную жизнь в гармонии с природой. Если верить Эмме Ор: «Друиды относятся к каждому существу, камню, дереву или листу, к крылатым или стоящим на четырех лапах, крадущимся или ползущим, покрытым шерстью и лишенным шерсти, и даже к самим людям в первую очередь как к духам, обладающим равными правами на жизнь, уважение и достоинство: это совершенное равенство»¹.

Помимо четырех основных кельтских праздников, неодруиды празднуют еще четыре праздника:

Ман Геври (21.12) — обряд зимнего солнцестояния;

Май Ари (21.03) — праздник весеннего равноденствия;

Ман Саури (21.06) — обряд летнего солнцестояния;

Ман Фовэрь (21.09) — праздник осеннего равноденствия.

Современные друиды с огромным пиететом относятся к древним культовым местам. Ежегодно можно наблюдать празднества друидов, проходящие вокруг и внутри мегалитических сооружений, самым популярным из которых является Стоунхендж. Укажем места, наиболее почитаемые среди участников неодруидических культов.

Аеи — древние пути духов, оставляющие на земле энергетические следы. Впервые о леях заговорили сравни-

поздних авторов (Дион Хризостом, Диоген Лаэртский, Александр Полигистор), ее характерной чертой является идеализированное восприятие друидов, в то время как авторы Посидониевой традиции (Посидоний, Цезарь, Тацит, Диодор, Страбон), напротив, подчеркивают варварские черты кельтского общества, в частности — «зверства друидов».

¹ Ор Э. Р. Что такое друидизм?

тельно недавно. В 1921 г. Альфред Уоткинс обнаружил, что несколько вершин холмов, на которых находятся останки древних руин, можно соединить прямой линией. Уоткинс предположил, что леи возникли как торговые пути. По следам своих открытий Уоткинс издал книгу «Старый прямой путь», которая получила довольно критическую оценку ученых-археологов, посчитавших предположение Мугкинса нелепым и малообоснованным. Однако у теории Уоткинса появилось множество последователей, которые предполагают, что ранее это была сложная система, созданная друидами и соединяющая сакральные места, поняв которую можно составить особую карту.

Гластонбери — городок, находящийся недалеко от Лондона, является местом паломничества неодруидов и поклонников артурианы. Своей популярностью Гластонбери обязан конусообразному холму — Гластонбери Тор, который считается одним из мощнейших «энергетических центров» земли. Из-под холма вытекают два целебных источника: белый из известнякового слоя и красный — из железного слоя. Существует теория, согласно которой Гластонбери Тор являлся древним храмом. В пользу этой теории говорит необычная спиралевидная форма холма.

Ранее Гластонбери Тор представлял собой один из островов в болотистой местности, высохшей лишь около 600 лет назад. Поклонники артурианы считают, что именно здесь находился волшебный остров Авалон. Некоторые последователи неодруидизма полагают, что именно Гластонбери Тор был друидическим центром, где ученики проходили инициацию; кроме того, они уверены, что там находился вход в параллельный мир:

«Пройдя сквозь туманы Авалона, друиды попадали через врата Яблоневого острова в загробный мир, материаль-

но-духовное четвертое измерение. Там они постигали физико-метафизические законы, определяющие течение земной жизни между двумя ее полюсами, рождением и смертью тела, и включающие ее в гораздо более долгий цикл возникновения и исчезновения. А этот цикл в свою очередь всего лишь этап в бесконечной цепи превращений. В том-то и заключалась увлекательная миссия посвященных — исследовать недоступный большинству людей иной мир, где действуют особые законы движения во времени и пространстве, и поделиться своими открытиями, например знаниями о бессмертии души, воскресении и власти над временем»¹.

В тексте жития британского святого Колле на, жившего в VII в., сохранился рассказ, отчасти подтверждающий такое предположение. Будучи отшельником, жившим у подножия горы Тор, Коллен однажды услышал разговор двух крестьян о замке Гвина, сына Нудда (см. «Мабиногион»), располагавшемся внутри холма Гластонбери. Коллен, поначалу не придав этому значения, вскоре каждую ночь стал видеть посланца от короля, приглашавшего отшельника посетить чертоги Гвина. Наконец Коллен согласился на приглашение и, взяв с собой святой воды, отправился в замок Гвина, который и в самом деле располагался внутри холма. Оказавшись на празднике среди обитателей волшебного мира (сида), Коллен отказался от еды, так как она была бы для него смертельной, и окропил то место святой водой, после чего замок и его обитатели исчезли, а Коллен остался на вершине холма один.

В Британии, в графстве Уилкшир, всего в пятидесяти милях от Гластонбери Тор, располагается курган Силбери Хилл, который считается одним из самых высоких курганов, соз-

¹ Источник: <http://paranormal-news.ru/news/2009-04-28-1721>.

данных вручную (37,5 м), его датируют II в. до н. э. Цель создания такого кургана остается неизвестной, считается, что он является частью комплекса Эйвбери и часто сравнивается с египетскими пирамидами. Однако внутри Силбери Хилл нет захоронения, единственное, что обнаружили исследователи, — это еще один курган из почвы и Тојхра высотой в 17 футов и 100 футов в диаметре.

Стоунхендж, пожалуй, самое известное место, почитаемое неодруидами и другими представителями языческой культуры:

«Огромные сарсены — вертикально поставленные блоки плотного серого известняка, достигающие высоты 13 футов, грубо обтесанные и соединенные горизонтальными плитами, — вот первое, что бросается в глаза посетителям. С северо-востока к мегалитическому кругу ведет *аллея*, по обе стороны которой тянутся неглубокие канавы. Миновав Пяточный камень (отдельно стоящий сарсен), вы пересекаете два мало заметных земляных вала, разделенных канавой и образующих двойное кольцо вокруг Стоунхенджа. Внутри мегалитического круга расположен другой круг камней меньшего размера, которые называются „синими камнями“¹. В кругу „синих камней“ находится ряд мегалитов в форме подковы, развернутой в северо-восточном направлении. Сарсеновые трилитоны (пара стоячих камней с горизонтальной переключкой, соединяющей их вершины) возвышаются над туристами на 20 футов. Внутри мегалитической подковы есть еще одна, состоящая из „синих камней“²».

Сооружение Стоунхенджа стали связывать с друидами еще в XVII столетии. Археолог Обри первым предположил,¹

¹ Джеймс П., Торп Н. *Тайны древних цивилизаций*. М.: Эксмо, 2007. С. 256.

что это сооружение использовалось друидами как храм. Согласно античным источникам, друиды совершали свои ритуалы в священных рощах, каким же образом Стоунхендж стал друидическим храмом под открытым небом? Стюарт Пиготт, подробно расследуя эти обстоятельства, пишет:

«Обри также в 1693 году вел переписку с профессором Джеймсом Гарденом из Абердина, интересаясь, нет ли у него каких-либо свидетельств друидического происхождения местных каменных кругов. Гардена эта идея очень увлекла, но с истинно шотландской осторожностью он вынужден был признаться, что не обнаружил „в наименовании этих монументов или в легендах и обычаях, с ними связанных, ничего имеющего отношение к друидам*. Джон Толанд... беседовал в 1694 году с Обри о друидах и каменных кругах. Взгляды Обри... вполне совпали с его собственными, и, хотя его труд „История друидов* так никогда и не был им написан, сущность его содержания уместилась в трех письмах, адресованных его патрону, лорду Моулсуорту. Они были опубликованы в 1726 году посмертно. Однако крайняя непопулярность Толанда, как известного вольнодумца и опасно мыслящего зяблого спорщика, оказала плохое влияние на судьбу его догадок. Он предполагал, что каменные круги являются руинами друидических храмов. У respectableных граждан эта мысль сочувствия не вызвала. Обри развил свои идеи по этому вопросу в сдержанной и рациональной манере, но его книга так и осталась до сегодняшних дней неопубликованной. Первоначальным ее названием было „Templa DruidurrT („Храмы друидов*), затем это название стало заголовком одной из глав большого труда „Monumenta Britannica* („Памятники Британии*). В 1693 году он получил ряд предложений опубликовать эту работу, но они так и не были реализованы. Эдмунд Гибсон

напечатал выдержки из „Tempia DruidurrГ в своем издании Камдена (1695 г.). Обри умер два года спустя. В 1717 году с первоначальной рукописью ознакомился и сделал из нее выписки тридцатилетний антикварий доктор Уильям Стьюкли. Двадцать лет спустя он опубликовал книгу о Стоунхендже, в которой скромные предположения Обри были развиты и нарисованы фантастические картины...»¹

В наши дни современные друиды проводят на территории Стоунхенджа различные церемонии и праздники. Вот, к примеру, описание праздника осеннего равноденствия:

«В парке Примроз Хилл, на севере города, весь день звучит СШ Dara — древняя мелодия друидов. На специальный, посвященный празднику ритуал соберутся друиды, которых в Британии, несмотря на ушедшую сотни лет назад эпоху, предостаточно. На сайте Ордена читаем, что друиды — это религиозная и интеллектуальная каста языческих европейских племен, охранявшая культурное и духовное наследие своих народов в дохристианскую эпоху. <...> Еще в XVIII веке среди образованных ирландцев, шотландцев и валлийцев началось движение за возрождение культуры друидов. Однако настоящий взрыв интереса к ней произошел уже в наше время — на волне всевозможных экологических и культурных идеологий, часто объединяемых общим и очень расплывчатым термином „New age“.

Здесь оказались сплетены воедино идеализм хиппи, упорство и настойчивость „зеленых“, основанные на поклонении природе элементы шаманизма и современного колдовства, пришедшие не только из европейских культур, но и из Африки, Азии и Северной Америки. <...> И хотя Стоунхедж из места паломничества посвященных давно

¹ *Пиготт С. Друиды. Поэты, ученые, прорицатели.*

уже превратился в магнит для туристов, каждый год в день летнего солнцестояния, 22 июня, сюда собираются члены и ордена и их многочисленные последователи для самого главного торжественного ритуала. А осенний праздник посвящен урожаю и возлияниям в честь Матери Земли. Для проведения этой церемонии современные друиды собираются в ритуальный круг на гребне холма Примроз. Именно здесь, как установили дотошные исследователи, с древних времен располагалось место празднования дня урожая. На все четыре стороны света раздается призыв к миру, восхваление Серидвен — Матери Земли и, конечно же, ритуальные песни»¹.

Стоящие камни Каланиша — весьма древняя каменная гряда, датируемая 3000—1500 гг. до н. э., — располагается на восточном берегу залива Аох Роуг (Шотландия) на холме между деревней Каланиш и пристанью. Каменная гряда состоит из 47 камней, выстроенных в форме кельтского креста; около центрального камня была обнаружена могила. Каменный круг служил «лунной обсерваторией», с помощью которой вычислялись времена года. Археологические раскопки показали, что камни неоднократно подвергались изменениям, выравнивание камней производилось для осуществления календарного цикла, основанного на фазах Луны. Существует множество легенд, связанных с этим местом, по одной из них, камни были привезены с далеких островов по приказу жрецов и установлены «черными людьми», другая легенда гласит, что камни — это гиганты, не пожелавшие принять христианство, за что были прокляты св. Кираном.

¹ *Кан Л. Британские друиды празднуют начало осени // Би-Би-Си. 23.09.2003.*

Ньюгрэндж — гробница, находящаяся в долине Бойн в Ирландии, сооруженная за 3500 лет до н. э. Устройство гробницы весьма впечатляет:

«Длинный коридор ведет из центрального помещения к дверному проему на склоне кургана, у подножия которого установлен большой валун, покрытый резными спиралями. Над этим входом находится необычный элемент конструкции, названный „чердачной щелью“. Это узкое отверстие открылось лишь после долгих раскопок, выполненных Майклом и Клэр О’Келли из Коркского университета. Оно было забито крупными кусками кварца, впоследствии тщательно удаленными. После реставрации входного коридора было замечено, что в день зимнего солнцестояния лучи солнца проникают в „чердачную щель“, освещают коридор, а затем и в погребальный чертог, расположенный в центре кургана. Этот феномен произвел огромное впечатление на Клэр О’Келли: „Трудно сохранять скептическое отношение к происходящему, когда видишь — как это было со мной, — как тонкий луч солнца скользит по коридору в это самое мрачное время года, пока тьма внутреннего чертога не начинает рассеиваться. По мере того как солнце поднимается над горизонтом, внутри становится все светлее. Если выглянуть наружу, то можно увидеть шар солнца, красиво обрамленный прорезью «чердачной щели», и с восторгом осознать, что за весь год это единственный короткий период, когда солнечный свет разгоняет мрак, царящий в древней гробнице*! В других курганных гробницах этого периода есть сходные ориентировки и приспособления для проникновения солнечного света. Но, несмотря на красочный эффект, их нельзя путать с научной астрономией. Ширина проходов такова, что, к примеру, в Ньюгрейндже солнечные лучи попадают внутрь гробницы в течение нескольких дней, до и после зимнего

солнцестояния* В любом случае, единственными „наблюдателями“ были мертвецы, погребенные внутри. Мы можем считать это разновидностью ритуальной астрономии, где важные моменты и поворотные точки годового солнечного цикла отмечались особыми обрядами и празднествами в честь усопших...»¹

В зависимости от силы воображения современных адептов друиды щедро награждаются различными чертами, которые зачастую, учитывая сопоставление источников и здравый смысл, выглядят весьма сомнительно, что несколько не смущает неodruidов:

«...нет необходимости основывать друидизм на любом из этих источников. Поскольку духовность своими корнями уходит глубоко в землю, она развивается исходя из потребностей земель и людей, живущих в этих землях. <...> Друидизм 420 г. до н. э., когда культура обработки железа распространилась в Британии, без сомнения отличается от друидизма 580 г. н. э., когда бард Талиесин написал первые поэмы... <...> Обозревая местность и различные отрезки пути в поисках природы традиции, мы увидим, что она проявляется не в исторической непрерывности, а в красках, деталях и изображениях, которые охватывает наш глаз»^{1 2}.

Или:

«Религия христианства догматична, друидизм же развивается. Ритуал для него это способ быть в данном контексте в сообществе с кельтскими божествами. Никакая правда не является абсолютной, моя правда сегодня соответствует моему восприятию божества на моей нынешней стадии развития. Она не является ни вчерашней, ни завтрашней правдой.

¹ Джеймс П., Торп И. *Тайны древних цивилизаций*. С. 176.

² Ор Э. Р. *Что такое друидизм?*

Друиды древности, хорошо это понимавшие, остерегались доверять свои мысли письму, в то время как христианские догматы переписывались неоднократно»¹.

А поскольку «нет необходимости основывать друидизм на любом из источников», то друидам приписывают принадлежность к различным культам — от шаманизма до викканской магии, и даже создают специальные сборники друидических молитв. Так, например, сборник молитв «Восславим наших богов», выпущенный в 2000 г., содержит «великие молитвы друидов», «молитвы сражающегося разума» и т. п. Создаются и находятся также различные «древние книги», содержащие учение друидов, такие как «Барддас» и «книга Фериллт», не говоря уже о различных древесных и цветочных гороскопах, приписываемых друидам.

Впервые о книге загадочных фериллтов пишет Дуглас Монро:

«В Британских Триадах (Triads of Britain) сохранились упоминания еще о трех, к сожалению утраченных, литературных шедеврах друидов: Книге Фериллт (The Book Feryllt), The Gorchan Of Maeldrew и Песне Лесных Деревьев (Songs Of The Forest Trees). Было, однако, обнаружено, что две последние книги являлись составными частями двух первых. Это указывает на то, что, быть может, когда-то они существовали отдельно, а затем были объединены под одним названием.

Фериллты (Pheryllt) — это легендарные жрецы Шарона (Pharon), очень древнего бога. Почитатели которого, согласно легендам, были жителями Атлантиды. Миф, рассказанный в текстах фериллтов, гласит: когда „в один ужас ней-

¹ О «Группе галльских друидов» (статья по материалам журнала «Message»). Перевод К. Гордеева. (Источник: <http://www.druidism.ru/gauls.htm>.)

ший день*⁴ Атлантида исчезла, множество Жрецов Солнца вышло из воды на западный берег Уэльса и восстановило здесь свою просветленную и совершенную религию. Впоследствии это легендарное духовенство выработало правила новой религии, и поэтому Уэльс часто называют „родиной друидов“. Вот почему друиды так почитали наивысшую точку Уэльса — гору Сноудон (по-валлийски „Ир Уиддфа“). Подножие этой горы фериллты считали своим самым главным святилищем. Там, кстати, сохранились остатки огромного каменного строения круглой формы, вопрос о происхождении которого ставит в тупик даже современных исследователей.

Фериллты появились в Британии в эпоху мегалита или неолита (нового каменного века) — период, отмеченный постройкой большого числа земляных и каменных сооружений — мегалитов, наиболее известные из которых — Стоунхендж, СилбериХилл, Гластонберийские Врата, Эйвбери, Нью-Гранж, Мейс Хоув, Галланиш, Бродгар и Карнак. Простодушные местные бритты, добрые по натуре, были, по всей видимости, больше склонны вести кочевой образ жизни или заниматься простейшим сельскохозяйственным трудом, чем строить технически сложные и астрономически рассчитанные гигантские каменные сооружения. <...> ...[„Книга Фериллт“] (как и связанная с ней „Книга Барддас“) была составлена в XVI столетии Лдьюэллином Сайоном Гламорганом на основании более древней работы Вергилия и некогда находилась в печально известной библиотеке Оуэна Моргана (Мориана), самозванного друида викторианской Англии, работы которого вызывали многочисленные критические отзывы, поскольку содержащиеся в них утверждения были по меньшей мере необоснованны. (Во избежание путаницы между рукописью и данной книгой, необходимо сразу же пояснить, что личность Артура ни разу не утю ми-

нается в Книге Фериллт, даже под видом пророческих предсказаний, поскольку сам Артур появился много лет спустя после ее написания. За исходную точку вычисления любых дат, приводимых в этой книге, берется 1870 год до н. э., когда состоялась так называемая Битва при Мойтуре.) Однако, несмотря ни на что, философские аспекты, открываемые рукописью, почти в точности соответствуют тематическому подтексту ДВАДЦАТИ ОДНОГО УРОКА. Следует отметить, что рукопись находится сейчас в частной коллекции „Альбионской Ложи Объединенного Древнего Ордена Друидов Оксфорда“^{4*} („The Albion Lodge of the United Ancient Order of Druids of Oxford“⁴⁴)¹.

Что же представляет собой магическая «Книга Фериллт» на самом деле? Фериллт (Pheryllt) есть не что иное, как валлийское произношение имени Вергилий, т. е. книгой Фериллта можно назвать любой труд Вергилия. В «Истории Талиесина» встречается такой пассаж:

«Что до сына, то он был безобразен и зол нравом, и потому его прозвали Авагдду. И Каридвен, его мать, решила, что он не вступит в круг людей благородной крови, пока не стяжает похвал своей мудростью. Было же все это во времена Артура и Круглого стола. И она решила, как написано в книге Фериллта, опустить своего сына в Котел Вдохновения, чтобы он обрел знание всех тайн прошлого и будущего»^{1 2}.

Вергилий — римский поэт, родился в 70 г. до н. э. В Средние века Вергилий действительно пользовался репутацией мага. Причин тому было множество. Само имя Вергилий обозначает «волшебный жезл»; как писалось выше,

¹ Монро Д. Двадцать один урок Мерлина: Магические знания друидов / Пер. И. А. Забелиной. Киев: София, 1999. С. 8.

² История Талиесина // Мабнногион: Легенды средневекового Уэльса. С. 237.

этот предмет был одним из атрибутов друидической магии. Благодаря описанию загробного мира в произведении «Энеида», а также своему имени Вергилий обретает славу мага и волшебника. Чудеса, приписываемые Вергилию, действительно впечатляют:

он управляет стихией огня;

управляет стихией неба и земли — может вызвать землетрясение или грозу по своему усмотрению;

он мастер по изготовлению различных волшебных предметов;

в «Божественной комедии» Данте делает его своим проводником в путешествии по кругам ада.

Вероятней всего, с друидами, а точнее, с классом филидов, Вергилия роднило стихосложение, однако нет ни одного упоминания о том, что Вергилий был учеником друидов или самим друидом, приписываемые ему знания и умения скорее основаны на традиции античного жречества, нежели друидической магии.

Автором «Книга Барддас» является Але велин I Пон из Гламоргана, живший в XVI в. в Уэльсе. В этом двухтомном труде, по словам автора, заключена мудрость бардов, которой некогда владели филиды, там повествуется о творении и порядке мироздания. Картина мира, излагаемая в «Барддас», такова: есть две противопоставляемые друг другу сущности — Бог и Китруал, олицетворяющий собой Хаос и темное начало. Как и в Библии, мир появился по слову Бога; когда он изрек свое имя, возникло первовещество вселенной, названное Манред. Мироздание представлено в виде трех уровней-кругов: в первом круге, названном Абред, божественное начало борется с Китруалом; второй круг — Гвинфид, он символизирует победу жизненного начала над Китруалом; третий круг — Кейгант — символизирует бесконечность.

Современные друиды считают себя последователями древних друидических традиций, понимая, правда, эти традиции весьма своеобразно. К примеру, одна из организаций неодруидов, называющая себя «Группа галльских друидов», позиционирует себя следующим образом:

«Современные язычники <...> — наследники „вселенской космической памяти, памяти, охватывающей все и памяти обо всем“. Человек, будучи частью Вселенной, может приобщиться сознанием к вселенской памяти. В силу этого неоязыческие друиды — никак не фольклорное течение. Оно гораздо больше и глобальнее, а фольклор — одна из видимых поведенческих форм, одно из воплощений связи с вселенской памятью... <...> Друиды четко отграничивают себя от праворадикальной идеологии и вообще от любых из современных политических течений и партий. Ни в одном из политических движений друиды не видят ничего общего с друидизмом, поэтому „верный своим античным предкам друид не поддерживает ни одну из французских политических сил¹. Все попытки политического влияния на членов „Группы* пресекаются»¹.

«Группа галльских друидов» ведет летоисчисление по древнекельтскому календарю, изучает традиции, ритуалы и культуру, полагая, что, когда взамен исконной религии народу предлагают религию чуждую, это ведет к разложению и вырождению. Вообще, по мнению многих современных неодруидов, друидизм — не есть религия массовая и диктующая своим последователям какие-либо догмы.

Что ж, поддержание «космической памяти» и изучение традиций — это, без сомнения, прекрасные начинания, достойные всяческих похвал. Однако нынешние неодруиды

¹ О «Группе галльских друидов» (статья по материалам журнала «Message»).

отчего-то забыли, что сами друиды как никто другой придерживались догматов — иначе Цезарь не назвал бы их учение «дисциплиной», — что, прежде чем примкнуть к клану друидов, ученик должен был много лет усердно обучаться: заучивать великое множество стихов, составлять календари, осваивать искусства целительства, владения оружием и многое другое. Друид своего времени был в первую очередь не фокусником, а ученым с огромной юрисдикцией и ответственностью. И для того, чтобы стать друидом, совершенно недостаточно переодеться в белый балахон и плясать вокруг Стоунхенджа в ночь с 31 октября на 1 ноября или, как советует Эмма Ор, уйти на денек в лес с небольшим количеством провизии:

«Киньте в рюкзак немного еды — хлеб, орехи, пару яблок, все, что, как вы считаете, может вам пригодиться; и что-нибудь попить. Оденьтесь по погоде, если нужно, возьмите свитер или непромокаемый плащ. Теперь остановитесь. Посмотрите вокруг себя. Медленно пройдите по своему дому, заметьте все, что выражает вашу личность, все, что было создано вами, что все еще находится в процессе создания, что вы еще надеетесь сотворить. Отметьте, что для вас ценно, а что нет. Выберите нечто, действительно или символически олицетворяющее что-то имеющее для вас наибольшее значение, дающее вам определенные навыки и помогающее точно помнить, кем вы являетесь. Вы должны быть готовы расстаться с этим, отпустить это, однако вещь должна быть для вас достаточно значимой, и расставание с ней может быть проникновенным и даже тяжелым. Положите предмет в рюкзак или вашу сумку и выйдите из дома. На поезде, автомобиле, велосипеде или пешком отправляйтесь прочь от зданий, шоссе и бетона, в местность настолько приближенную к дикому миру, насколько сможете себе по-

зволить — прочь от дорог, шума, толп, прочь от пространств распыленных зерен и ржавого металла...»¹

Что касается декларации неодруидов о восстановлении ритуалов, то следует сказать, что это восстановление просто невозможно. Чтобы не быть голословным, приведу некоторые практики современных друидов. Вот как они описывают стандартный ритуал, проводимый в ночь на Самайн. В эту ночь неодруиды чтят богиню Морриган либо ирландскую богиню Каллех Бэр.

«Участники:

Друид первый (Д1), Друид второй (Д2) и т. д.

Дева Огня (ДО)

Хранитель Колодца (ХК)

Смотритель Древа (СД)

Провидец (П)

Процессия

Дается музыкальный сигнал, чтобы обозначить начало ритуала, и процессия движется к месту проведения обряда.

Д1: Мы собрались здесь, чтобы воздать почести богам и старым дорогам, получить благословения Донна и Каллех и вспомнить наших предков.

Мать Земля

Д2 восхваляет Земную Мать приношением зерна и словами:

¹ Ор *э.р.* Что такое друидизм?

Мать Земля, ты лежишь под нашими ногами.

Гы даешь жизнь всему вокруг нас, ты возвышаешься над нами.

Мать Земля, мы приносим тебе эту жертву,

Чтобы вернуть тебе дар, который ты отдала нам.

Мы просим тебя помочь нам остаться вместе и быть сильными на этом обряде.

Мать Земля, прими нашу жертву.

Все: Мать Земля, прими нашу жертву.

Основание и Объединение в Медитации Роши

Бард поет Песню Единства, поддерживаемый пением участников:

Мы едины в нашей роще,

На земле, в море, под небом.

Мы сплотились и шлем свой зов

Достопочтенным мертвым, народу духа, благословенным богам.

Мы восхваляем вас одним голосом в нашей священной роще.

Мы едины.

Освящение Роши Огнем, Колодцем и Деревом

Дева Огня (ДО) зажигает костер и совершает приношение благовоний:

Я зажигаю священный огонь в мудрости, любви и силе.

Священный огонь, гори внутри нас.

Все: Священный огонь, гори вместе с нами.

ДО окуривает место и участников. Хранитель Колодца (ХК) льет в колодец воду и совершает приношение серебра.

ХК: В глубинах текут воды мудрости.
Священные воды текут внутри нас.

Все: Священные воды, пролейтеесь в нас.

m

ХК окропляет место и участников. Смотритель Древа (СД) украшает и окуривает Древо Мира.

СД: От глубин до высот растет Древо Мира.
Священное Древо, расти внутри нас.

Все: Священное Древо, расти внутри нас.

Формирование вертикальной оси заканчивается словами:

Д1: Огонь, Колодец, Священное Древо!

Все: Пламя и Поток и Жизнь во мне!

Д1: На Земле, Море и Небе!

Все: Внизу и Вверху!

Д1: Теперь священная роща очищена и освящена.

Все: Biodh Se! („Би Шэй“ — „Будьте Благо-
венны! “)

Д1: Чистая сила воды и огня, пусть все болезни повернут прочь от меня и моего дома.

Все: Biodh Se!

Открытие Врат Между Мирами

Д1 призывает Мананнана мак Аира:

Мы стоим у границ
И видим туманы пред нами...
Волны бьются и бьются...
Где берег встречается с океаном,
Где земля встречается с морем и небом...
Мы призываем тебя, Мананнан,
Мананнан,
Мананнан...
Мы приглашаем тебя прийти, как ты однажды пригласишь нас.

Д1 совершает приношение Мананнану и произносит:

Мананнан мак Лир, прими нашу жертву и позволь Вратам открыться!

Все: Мананнан мак Аир, прими нашу жертву и позволь Вратам открыться!

<...>

Медитация на Слияние Энергий и Нахождение
Священного Центра

Ритуальная Цель и Почитание Духов

Д1 объявляет цель и прецедент ритуала и совершает
приношения Донну, Каллех и Предкам.

Инвокация Донна

В темное время Бог Дома Смерти собирает духов в своем
Зале. Он — Донн Темный, Первый Предок, Хранитель
Котла Изобилия.

Услышь же нас. Рогатый, Темный, Владыка Мертвых,
Дарующий Покой, Хозяин Праздника на Земле Мерт-
вых. Твои дети просят тебя войти, чтобы твой пристальный
взгляд упал на эту Священную Землю. Оживи наш обряд
и дай нам твое благословение.

Мы приносим тебе должную жертву. Мы жертвуем тебе...

(Приношение опускают в колодец или котел.)

Серебро, чтобы ты одарил нас богатствами Подземного
мира, Источником Всего Движения.

(Приношение бросают в огонь.)

Масло, чтобы богатство Земли возобновилось, как воз-
обновляются наши жизни.

(Приношение кладут к основанию Древа.)

Рог, чтобы создания, которые знают тебя, могли благословить нас в Сезон Охоты.

Будь желанным гостем среди нас, Донн;
Темный, прими нашу жертву!

Инвокация Каллех Бэр

Когда Земля погружается в сон, Ведьма Бэр держит ее косу в своих руках и вырывает зеленые зерна, чтобы посеять их вновь в последнюю ночь зимы. Она — Каллех, мудрая и хитрая старуха, которая прошла через семь периодов юности, в то время как все ее мужья скончались раньше нее. Она — бабушка земных народов и рас. Ее глаза сверкают и искрятся подобно холодному речному потоку, ее руки скрючены подобно искривленным корням древних деревьев, и ее кожа стара и морщиниста, подобно павшим осенним листьям.

Когда в глубинах дремучего леса, в глубинах земли слышен зов Каллех, мы чувствуем его своими костями, как старыми корнями. Пришло время отправиться домой, в тьму леса, где старая ведьма изрежет нас, и мы вновь переродимся, наша непрочность и слабость будут вырваны из нас, подобно зерну, упавшему под ударом серпа.

М:льшь же нас, Каллех Бэр, Великая Древняя Старуха, Леди Глубокого Леса, Старая Ведьма Корней и Котла. Твои дети просят тебя прийти к нам, чтобы увидеть каш святой обряд. Приди в нашу Рощу и одари нас своим благословением.

Мы приносим тебе должную жертву. Мы жертвуем тебе...
(Колодец)

Драгоценный камень, чтобы Кости Земли снова обрели жизнь.

(Огонь)

Алкоголь (виски), чтобы Воды Жизни текли в нас и нашем Духе, оживляя плоть.

(Древо)

Кость, чтобы старое и ненужное отправилось надолго в место тихого отдыха.

Будь желанным гостем среди нас, Каллех;

Великая Старуха, прими нашу жертву!

<...>

Подается музыкальный сигнал, чтобы обозначить конец обряда»¹.

Помимо ежегодных праздничных ритуалов существуют и повседневные практики, не приуроченные к какому-либо календарному событию. Таков, например, «Ритуал Туманов».

«Необходимая атрибутика:

Посох

Мантия

Любой предмет (камень, дерево) с нанесенной на нем двойной спиралью

Любой предмет с нанесенным на нем трисхелем

Хлеб, как жертва Духу Земли

Первое необходимое действие заключается в том, чтобы ощутить, как туман стучается вокруг вас. Помните, что Туманы — это трещина между мирами, не-небо, не-вода. Сосредоточьтесь на своих ощущениях, осознайте, что вы стоите между мирами. Теперь вам нужно надеть вашу мантию.

¹ Источник: <http://www.dmidism.m/samhainrite.htm>.

Теперь вы должны достигнуть центра Трех царств (Земли, Моря и Неба).

Крепко сожмите предмет с Трискелем в вашей руке и сделайте следующее:

Наклонитесь и коснитесь земли, говоря — „Я твердо стою на земле“⁴⁴,

Встаньте и вытяните руки в стороны — „Море окружает меня“⁴.

Поднимите руки над головой и произнесите — „Небо надо мной“.

Положите руки на сердце и произнесите: „Я познал эти три царства“⁴.

Работа с туманом.

Возьмите посох и трижды стукните им о землю. Затем вытяните его перед собой так, чтобы он был расположен параллельно земле, и трижды обернитесь вокруг себя против часовой стрелки, как если бы вы разгоняли туман.

Затем трижды опишите посохом окружность вокруг головы. (Эти движения имеют свои параллели в первоначальном призвании царств. *Удар* посохом о землю устанавливает контакт между друидом и землей, следующее движение — контакт с морем (водой) и следующее — контакт с небом (воздухом).)

Затем повернитесь на север (направление, откуда пришли Туата Де Данаан).

Возьмите посох и нарисуйте двойную спираль в воздухе, говоря следующие слова:

„Мананнан Мак Лир, Бог Тумана, Правитель Тира на Вам, Хранитель двойных врат Иного Мира. Я пришел сюда в поисках знания туманов и иных миров. Я пришел, чтобы

принести жертвы Духу земли. Я сливаюсь в понимании и гармонии с тремя великими царствами. Наблюдай за мной во время моего путешествия по мирам туманов, оберегай меня от зла во время моего путешествия в Междумирье. Одари меня, о Мананнан, знанием из твоего колодца мудрости, из которого вытекают пять рек, в который падают орехи знания, в котором плавают лосось мудрости.

Я славлю Саван Туманов,
Туманов, которые защищают Иной Мир,
Иной Мир, где стоит Колодец Мудрости,
Колодец Мудрости, хранящей в себе все знание,
Знание, которое является ключом к нашим жизням,
Наши жизни, которые посвящены Богам,
Богам, которые живут в Ином Мире,
Иной Мир, который сокрыт Туманами.
Я славлю Саван Туманов“.

Принесите жертву духу Земли — разломите хлеб и положите его на землю, мысленно вознеся благодарность Земле.

Здесь заканчивается официальная часть ритуала. Что будет дальше — зависит от практика. Я обычно иду по месту обряда в поисках мест наиболее густого скопления тумана и прислушиваясь к своим ощущениям. Пытаюсь понять, насколько отличается мир, окутанный туманом, от нашей повседневной реальности.

Когда я собираюсь уйти, я заканчиваю обряд молитвой Богам и Богиням Туаты Де Данаан, за то, что они сохранили меня во время моего путешествия из мира туманов в мой родной мир»¹.

⁵ Источник: <http://www.dnjidism.ru/mistrite.htm>.

Друиды никого не допускали к своим таинствам, кроме посвященных, они не оставили после себя книг, и лишь немногое можно сказать об их мистериях, опираясь на легенды и предания, дошедшие до наших дней. Однако и с легендами не все так просто. Известный переводчик ирландских скел С. В. Шкунаев выносит неутешительный вердикт относительно легенд — говоря о безусловной преемственности культур, он отмечает:

«...Мягкость и внешняя безболезненность перехода не должны скрывать необратимости происшедшего — религиозная доктрина и практика друидов в их целостности безвозвратно погибли. Наследовались именно форма, элементы нравов и поведения, но никак не содержание. В действие вступил первый из важнейших для понимания дальнейшей жизни ирландской культуры фактор — фактор умолчания. Это не всегда осознавалось достаточно отчетливо, ибо на первый план выступали неожиданное в христианской стране богатство сохраненной языческой традиции, сосуществование на страницах многочисленных ирландских рукописей двух языков — ирландского и латыни и двух культур — древней и новой»¹.

Это означает, что ритуалы друидов умерли вместе с ними. Быть может, когда-нибудь научный прогресс разовьется до такой степени, что все же станет возможно, при помощи, скажем, «квантовой археологии», доподлинно воссоздать, что же происходило в тайных рощах друидов, но это все равно не поможет познать тайную доктрину друидического учения в ее полноте — ведь учение друидов заключалось не только и столько в самих ритуалах, сколько в том, что стояло за ними.

¹ Шкунаев С. В. Герои и хранители ирландских преданий. С. 13—14.

Отчего же вдруг в наше время друидизм приобрел такую популярность — ведь сами неодруиды говорят, что церкви пустеют, а их рощи все более и более полнятся народом? Одна из наиболее вероятных причин — это, как ни странно, экологическая проблема. Сам Дуглас Монро довольно откровенно описывает обстоятельства, при которых он обратился к друидизму:

«Мерцающий люминесцентный свет мгновенно разогнал темноту. ^Успокаивающе жужжал холодильник, автоматически включилось отопление. Обо мне заботились. Разве это не замечательно? Разве это не удовольствие — жить в век сплошных удобств? Все вокруг, казалось, подтверждало это, но я вдруг увидел все другими глазами. Что-то было не так, и это внушало страх, что-то взывало к более гуманному образу жизни, более бережному и менее разрушительному. Что происходит, когда человек перестает отвечать за создание своей собственной среды обитания и заботу о ней? Неужели он сможет заняться чем-то более значительным и важным? Направит свои силы на великие свершения? На мгновение я прервал размышления и стал прислушиваться к звукам, доносящимся из квартиры надо мной, где два юнца злобно ругались из-за видеоигр, которыми они развлекались всю вторую половину дня. Я подумал о том, что эти дети уже не сумеют построить жилище на деревьях, им неинтересно исследовать лесные ручьи. Естественный мир совершенно чужд им»¹.

Современный человек действительно весьма далек от живой природы, и в «возрожденных» культах совершенно иначе расставляют акценты: для адептов нового друидизма друиды — прежде всего хранители лесов и деревьев, с кото-

¹ Монро Д. Утерянные книги Мерлина. Друидическая магия времен Артура / Пер. Н. Шпет. Киев: София, 2000. С. 20.

рыми благодарная природа делилась своими знаниями и которой она давала защиту. Фактически неodruidизм ближе всего к шаманизму (или, опять же, к неошаманизму) — он стремится заполнить все более расширяющуюся брешь в духовном мире современного человека (об этом уже говорилось в разделе «Друиды и шаманизм»). Нельзя не согласиться и с М. О. Ладыгиной, исследующей использование мифов в духовной практике:

«R наши дни человечество склонно искать решение проблем в сфере духа. Для бытовых и семейных вопросов существуют доморощенные маги и гадалки, готовые предоставить свои услуги всем желающим; решение более серьезных проблем, затрагивающих человечество в целом, развивают эзотерические доктрины, утверждающие, что невзгоды, обрушившиеся на Землю, связаны с неправильными действиями людей, и предлагающие варианты верного поведения для улучшения положения. Все эти особенности современного менталитета преломляются, в частности, в мифах Средневековья...»¹

Кроме всего прочего, для современного человека, подверженного стрессам, современный друидизм — прекрасная возможность вернуться в детство, ведь ортодоксальные религии требуют соблюдения различных догматов, требуют довольно жесткой дисциплины, в то время как современный друидизм (см. тексты выше) — религия игры и вдохновения, «не требующая соблюдения различных догм».

По сути же современный друидизм — это религия, которую каждый адепт придумывает для себя сам. Неodruidизм дает возможность на короткое время побыть тем, кем на са-

¹ *Ладыгина М. О. Легенды о короле Артуре и мифотворчество XX века. М.: Полярная звезда, 2000. С. 45—63.*

мом деле не являешься — недаром многие современные друиды берут себе друидические имена, под которыми они известны внутри своих групп, а современные друидические праздники есть не что иное, как карнавал, участники которого меняют привычную одежду на предполагаемые «друидические одеяния», участвуют в ритуалах, поют различные гимны и танцуют.

Все это, как уже понятно из вышесказанного в данной книге, не имеет никакого отношения к друидам времен Посидония и Цезаря — они не занимались магией ради магии, магия была всего лишь одной из многочисленных функций, возложенных кельтским обществом и древней традицией на друидов.

Конечно, магия и друиды были неразделимы, однако следует помнить, что в реальном сражении магия их подвела — излишне полагаясь на нее, друиды встретили свою смерть на острове Мона, сгорев на собственных магических кострах... И все равно сегодня, по большому счету, лишь магия (причем понятая крайне узко) интересует адепта друидизма. Да еще вопросы вроде следующего: как эти экстравагантные, загадочные бородачи в длинных белых балахонах ухитрились не испачкать и не порвать их, слоняясь зачем-то гю лесным чащобам?..

Надеюсь, что у прочитавшего эту книгу подобные вопросы уже не возникнут.

Вместо заключения

Теперь, имея перед глазами достаточно полную картину, охватывающую практически все известные аспекты друидизма, мы можем вернуться к отмеченному в начале книги нынешнему буму в западной, а фактически и в общечеловеческой культуре — к рождающейся на наших глазах новой мифологии, в которой, вполне очевидно, неодруидизм, тщетно пытающийся реконструировать древнюю традицию, занимает далеко не самое заметное и почетное место. И вполне понятно почему: миф нельзя создать искусственно, нельзя навязать ему свое, рациональное видение и взятые из головы или же «воссозданные» на основе чужих (пусть даже очень древних) выдумок «ритуалы». Миф живет по своим законам и возрождается там и тогда, где и когда для него есть место: в творчестве новых «филидов и бардов», зачастую еще не осознающих себя таковыми — писателей, поэтов, киносценаристов, режиссеров, музыкантов, художников... Их число растет год от года и, возможно, чуть увеличится после того, как один из читателей этой книги внезапно обнаружит где-то на ее страницах искру волшебного «огня друидов». Сила истинной магии такова, что достаточно одной искорки, чтобы в затянувшейся «ночи Самайна» современ-

ной культуры еще один ум, еще одно сердце загорелось искренним интересом, стремлением к познанию Природы и сотворчеству в едином духовном (а не формальном!) ключе с древними, почти забытыми традициями.

Наша книга не дает однозначных ответов на все поставленные в ней вопросы — нетрудно понять, что это и невозможно, и, в общем-то, не в этом состояла наша главная задача. Однако мы постарались выявить как можно больше аспектов, изучить различные, порой весьма неожиданные, стороны явления, обозначаемого как друидизм. В рассмотрении историко-культурных контекстов, в сопоставлении различных теорий и подходов — как вполне традиционных (что, конечно же, не делает их более достоверными), основанных на античных и средневековых источниках, археологических и филологических исследованиях, так и спорных, подчас кажущихся вздорными (отчет все-таки не стоит их с ходу отбрасывать) теорий и идей, вроде шаманских основ друидизма или друидических корней славянского жречества, — образ древнего друида, как нам кажется, стал гораздо более объемным и отчетливым. Загадок и тайн не стало меньше — наоборот, их даже больше, но надеемся, что теперь они совсем иного рода и уровня.

Довольно много об этом говорилось на протяжении всей книги, но не лишним будет повторить еще раз: друид был многопрофильным ученым и магом своего времени, невежественный и бездарный друид считался великим бедствием для кельтского государства. Относительный уровень познаний друида несопоставим с уровнем познаний ни в одной из современных профессий, а тем более — с познаниями любого адепта, любого из учений в стиле «ню-эйдж».

Объем практических и теоретических знаний, которыми владели друиды, был поистине огромен, но ведь не только

это важно — друиды были *поэтами*, а поэт в ту пору не мог не быть *друидом*. Какие еще эпохи и какие цивилизации могут похвастаться тем, что истинная власть столь долго была в руках поэтов?..

Вот в чем, на наш взгляд, главный секрет сообщества друидов, на протяжении многих столетий объединявшего кельтские племена: только ученые-маги-целители-поэты в одном лице могли поддерживать чудо кельтской цивилизации, только они были способны умело и вдохновенно руководить многочисленными народами на протяжении тысячелетий.

Их послание не кануло в Лету бесследно. Несомненно, что, несмотря на печальное завершение своей многовековой истории, друиды достойны того, чтобы сегодня на них было обращено самое пристальное внимание: ведь в чем-то они могут послужить примером для современного человека — вне зависимости от национальности, возраста, социального положения или религиозного исповедания. Нам есть чему поучиться у древних кельтов и их жрецов. И, может быть, их время все же пришло вновь, закончилась ночь Самайна, — и это не так уж плохо?..

Список рекомендуемой литературы

Бондаренко Г. В. Повседневная жизнь кельтов. М., 2007.

Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне // Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне; Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 2007.

Гребенщиков Б. Аэростат: Течения и Земли. СПб., 2008.

Гюйонварх К.-Ж., Леру Ф. Кельтская цивилизация. СПб., 2001.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. СПб., 2005.

Доманина С. А. Друиды и Рим в начале Галльской войны // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2002.

Житие святого Геральда из Мэйо // «Кельтская церковь»: Материалы конференции в МГУ 24 апреля 2006 г. М., 2006.

Калыгин В. П. Язык древнейшей ирландской поэзии. М., 1985.

Кельтская мифология. Энциклопедия. М., 2002.

Кельты. Ирландские сказания. М., 2000.

Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. СПб., 1993. Т. 1.

-Деру Ф. Друиды. СПб., 2003.

«Мабиногнон»: Легенды средневекового Уэльса. М., 2002.

Милкова Е. Крещение Ирландии и ирландская Церковь // Альфа и Омега: Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. № 4 (7). М., 1995.

Михайлова Т. А. Хозяйка судьбы: Образ женщины в традиционной ирландской культуре. М., 2004.

- Мурьху Мокку Махтени.* Житие святого Патрика (*Альманах «Одиссей»*). М., 2006.
- Лиготт С.* Друзиды. Поэты, ученые, прорицатели. М., 2005.
- Похищение Быка из Куальнге.* М., 1985.
- Рис А., Рис Д.* Наследие кельтов: Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. М., 1999.
- Роллстон Т.* Мифы, легенды и предания кельтов. М., 2004.
- РоссЭ.* Кельты-язычники. IVL, 2005.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М., 1987.
- Се. Патрик Ирландский.* Исповедь. М., 2004.
- Страбон.* География. М., 2004.
- Три смеха Аепрехуна. Гэльские сказки // Ойсин в Стране Вечной Юности. М., 2002.
- Филип Я.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.
- Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. Исследования магии и религии. М., 1980.
- Широкова И. С.* Мифы кельтских народов. М., 2005.
- Кунаев С. В.* Герои и хранители ирландских преданий // 1 предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.
- Элиаде М.* История веры и религиозных идей: В 3 т. Т. 2. М., 2002.

Содержание

Возвращение сказки	5
Друиды — хранители знания и блюстители традиций ...	9
Магия друидов	
Магические практики.....	40
Пророчества.....	42
Песни поношения. Сатиры.....	44
Наречение имени	48
Гейсы.....	50
Прорицания, гадания, ясновидение.....	53
Целительство: заклинания, травы, музыка.....	54
Толкование снов.....	56
Власть над стихиями и «боевая магия».....	57
Создание живого из неживого.....	59
Защита.....	60
Изменение об дика	61
Воскрешение мертвых	63
-Лишение дара речи.....	64
Магия и проблема жертвоприношений.....	67
Магические предметы.....	90
Волшебный мешок.....	90
Волшебный котел.....	91
Волшебная чаша.....	93

Волшебная ветвь	96
Волшебные камни.....	97
Волшебный жезл и волшебная палочка.....	99
Волшебное яйцо.....	102
Магические животные	103
«Женская магия».....	108
Внешний вид друида.....	117
Друиды и письменность. Огам. Языки кельтов.....	126
Религиозный мир кельтов.....	* 140
Туата Де Данаан и фоморы.....	144
• «Мабйногион».....	154
Жизнь после смерти. Друиды и пифагорейство. Сиды 170	
Друиды и шаманизм.....	192
Календарь друидов. Двери в потустороннее.....	200
Кельтские друиды — предки славянских волхвов?.....	218
Друиды и христианство.....	237
Упадок друидизма.....	237
Принятие кельтами христианства.....	241
«Друид» Патрик Ирландский.....	243
Кельтская церковь — наследница друидических традиций . . .	266
Неодруидизм.....	277
Вместо заключения.....	306
<i>Список рекомендуемой литературы</i>	309

К 53 Книга друидов : [антология]. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора ; РХГА, 2011. — 313 с. : ил. — (Серия «Александрийская библиотека»).

ISBN 978-5-367-01805-9 (Амфора)

ISBN 978-5-88812-441-3 (РХГА)

Книга посвящена истории древних кельтов, населявших Европу в первые века н. э., а именно кельтскому жреческому сословию — легендарным друидам. Автор детально рассматривает разные стороны религиозной жизни друидов — их магические ритуалы, письменность, календарь — и приходит к выводу о их доминирующей роли в кельтском обществе.

УДК 2
ББК 86.31